

Анатолий Баранов
Дмитрий Добровольский

ЗАПРЕТНЫЕ СЛОВА

Заметки лингвистов
о русском мате

18+

МИО

Анатолий Баранов, Дмитрий Добровольский

Запретные слова. Заметки лингвистов о русском мате

«Запретные слова. Заметки лингвистов о русском мате / Анатолий Баранов, Дмитрий Добровольский»: ООО «МИФ»; Москва; 2025
ISBN 9785002503575

Аннотация

Как русский мат проникал в литературу — от классиков до современников? Почему одни ругательства табуированы, а другие превращаются в эвфемизмы? Как меняется obscene лексика под влиянием законов и Интернета? И почему, несмотря на все запреты, русский язык без мата — уже не совсем русский? Как устроен этот пласт языка и почему он так прочно вплетен в нашу речь, рассказали доктора филологических наук Анатолий Баранов и Дмитрий Добровольский.

Информация от издательства

Научный редактор Ксения Киселева

Баранов, Анатолий

Запретные слова. Заметки лингвистов о русском мате / Анатолий Баранов, Дмитрий Добровольский; [науч. ред. К. Киселева]. — Москва: МИФ, 2025.

ISBN 978-5-00250-357-5

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Баранов А., 2025

© Добровольский Д., 2025

© Оформление. ООО «МИФ», 2025

Предисловие

Интерес широкой публики к русскому языку почти исчерпывается тремя вопросами: «Как правильно?», «Откуда произошло?» и «Что там с матом?», которые любят задавать журналисты. В этой небольшой книге мы постараемся ответить на последний из них и отчасти на первый. Второй же вопрос, довольно подробно исследованный в научной литературе, мы затронем лишь вскользь.

Почти «наше все» Федор Михайлович Достоевский писал в дневниках: «Народ сквернословит зря, и часто не об том совсем говоря. Народ наш не развратен, а *очень даже целомудрен*, несмотря на то что это бесспорно самый сквернословный народ в целом мире, — и об этой противоположности, право, стоит хоть немножко подумать»¹. Что имел в виду классик, сразу не очень понятно. Между тем мысль приятна для нас, русских: мы хорошие, а то, что временами ругаемся нехорошими словами, так это не ругань, а просто энергичная речь. Действительно, говоря: «Идите на хуй», носители русского языка вовсе не имеют в виду *пенис* (прости господи), а говоря: «Все накрылось пиздой», не имеют в виду *вагину*.

Целомудренность русского народа общеизвестна: видя буквы «х», «у» и «й», расположенные вместе, народ этот ругается на чем свет стоит. После выхода в свет «Словаря-тезауруса современной русской идиоматики»², в котором присутствуют обценные идиомы, одна из читательниц написала куда надо³: «Дети, ученики, студенты, читайте, пользуйтесь идиомами “правильной” нецензурщины — таков призыв академиков, лингвистов XXI века, издавших этот “труд”, где почти на каждой странице матерщинные слова». Труд действительно фиксирует один из вариантов написания обценных идиом и иллюстрирует значения нехороших выражений примерами употребления из СМИ и художественных текстов. Однако никаких правил не содержит и норм не устанавливает. Разумеется, он не адресован детям, поскольку является научным изданием. Понятно, что школьникам такое без надобности, поскольку соответствующие слова усваиваются в быту безо всяких учебников и словарей. Однако людям, которые интересуются русским языком и хотят понимать реальную русскую речь, без таких словарей не обойтись.

Кроме всего прочего, перед лингвистами стоит задача научного описания русского языка, что предполагает охват всех его регистров, всех сфер употребления, даже если это не отвечает эстетическим и моральным взглядам отдельных его носителей. Впрочем, такие взгляды нам понятны, и мы уважаем людей, которые их придерживаются.

В этой книге мы показываем, что нехорошие слова, часто обозначающие табуированные сферы человеческой жизни, представляют собой неотъемлемую часть русского языка, его словарного богатства. Многие талантливые писатели, воспроизводя в своих текстах речь людей различных социальных слоев и относительно изолированных групп, отражают реальное употребление языка, в котором есть в том числе грубые, неприличные, обценные слова и выражения. Это касается как русских классиков, так и современных писателей.

Русский язык — живой феномен. Он меняется по своим собственным законам, которые

¹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т., XXI, с. 115, ср. с. 113–117; также: Достоевский, XXIV, с. 226.

² Словарь-тезаурус современной русской идиоматики / Под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского. М.: АСТ-Астрель, 2007.

³ *Куда надо* — «в правоохранительные или репрессивные институты (обычно в НКВД, КГБ, ФСБ, прокуратуру, милицию и под.), рассматриваемые как место, куда следует сообщать о нарушениях» [Академический словарь русской фразеологии / Под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского. М.: Лексрус, 2020]. *Прим. авт.*

далеко не всегда ясны. Меняется и сфера ругательного. В эсхатологических, то есть критических, ситуациях раньше часто слышалось «Пиздец!». Сейчас стали часто употреблять «Ебать!». Слово *блин* как речевой сопроводитель неудачного действия оказалось прекрасной заменой обценного междометия *блядь* и его краткой формы *бля*.

Появление новых обценных форм компенсируется очевидными тенденциями эвфемизации: классическое *хуй* превращается в почти непонятное *зуй*, а идиомы *по хую* и *на хуй* переходят в речи в редуцированные формы *пох*, *нах* или даже *на*. Подобные процессы стимулируются правовой дубиной. Так что распространенное утверждение о прогрессирующей порче русского языка нехорошими словами не подтверждается реальным материалом. Кроме того, кто же возьмется определить процент мата в русском языке ушедших эпох? Да и как считать? Раньше преподаватели, например, во время лекций мат не использовали. По слухам, не используют и сейчас (исключения не в счет). При этом студенты между собой даже во время занятий ни в чем себе не отказывают. Вот характерный комментарий к непонятной лекции: «Что за хуйню он несет?» Очевидно, что и преподаватель в семейном и дружеском кругу может себе многое позволить. Количественные оценки в этой области вряд ли достоверны. И если уж применять их, они должны основываться на сложных экспериментальных техниках, учитывающих множество факторов использования языка (тип общения, характеристики говорящих, темы обсуждения, жанровые свойства и многое другое).

В этой книге читатель не найдет ни экспериментов, ни глобальных обобщений — тем более рекомендаций, как правильно ругаться. Мы постарались отразить то новое, что появилось в грубой и обценной речи за последние тридцать лет. Мы не берем на себя смелость давать этические оценки (впрочем, иногда не можем сдержаться). Здесь нет и мыслей о воспитании речевой культуры подрастающего поколения. По сути дела, многое из того, что здесь изложено, читатель и так неплохо знает или по крайней мере слышал. Скорее мы хотели передать наше удивление при виде многообразия смыслов и эмоций, которые можно выразить русским словом. Само балансирование между социально одобряемым и запрещенным — это тоже эффективный способ передачи содержания и отдельный канал коммуникации. Убери запретное — и русский язык оскудеет.

* * *

Выражаем нашу искреннюю признательность коллегам, поделившимся с нами своими наблюдениями за жизнью живой русской речи: Владимиру Ивановичу Беликову, Оксане Михайловне Грунченко и Ирине Борисовне Левонтиной.

Глава 1. Собиратели брани

Границы безграничного: что есть мат? Знатоки и любители. Новый взгляд: манда как мошонка, но не в смысле «новой этики». Жопа есть, а слова нет. Ужасы обценной лексикографии. Прореха в русистике.

В романе Кафки «Процесс» подсудимый не знает сути вменяемых ему преступлений. Непрозрачна и процедура этого процесса: подсудимому лишь дают понять, что все кончится для него плохо — обвинительным приговором. Оправдательных вердиктов не бывает, а затягивание процесса допустимо и даже желательно. Используя мат, носитель русского языка рискует оказаться в роли обвиняемого на таком процессе: с одной стороны, ругань повсеместна (если не сказать одобряема), а с другой — за нее можно как минимум получить штраф в качестве административного наказания (главное, чтобы нашелся радетель морали). С одной стороны, официальное и неофициальное осуждение любителям обценной лексики обеспечено, а с другой — осуждать матерщинника могут теми же запретными словами.

Еще один парадокс обценной лексики — размытость ее границ. Согласно разъяснению пресс-секретаря Роскомнадзора Вадима Вячеславовича Ампелонского⁴, к обценным словам относятся «четыре общеизвестных слова, начинающихся на “х”, “п”, “е”, “б”⁵, а также образованные от них слова и выражения»⁶. Мы в некотором недоумении: а как же слова *залупа, манда, мудя, елдак, мудака, срака*? Тот же источник указывает: «Это грубые, просторечные слова и выражения», а не матерная ругань. Ну ладно, мы согласны — будем использовать. Впрочем, не следует питать иллюзий: можно подвергнуться санкциям и за «грубые, просторечные слова и выражения».

Запрет на использование обценной лексики очевиден и, как мы убедились, даже закреплен в законодательстве, однако в некоторых типах дискурса, а также в определенных видах общественной деятельности речь без мата де-факто невозможна и воспринимается как отклонение от неписаной нормы, что может быть наказуемо не по закону, а по понятиям. Таковы наставительные речи среди военных, в сфере строительства — в области тяжелых физических работ вообще. Использование мата типично для общения полуграмотных подростков.

Таким образом, табуирование обценной лексики существует. Это нормально, поскольку определенная часть носителей русского языка не использует мат по моральным, эстетическим и культурным основаниям. В это трудно поверить, но некоторые граждане Российской Федерации просто его не знают, напоминая при этом колоритного персонажа «Палисандрии» Саши Соколова.

Капитан от складирования Кербабаяев Берды Кербабаяевич не вписывался ни в единую из перечисленных категорий, поскольку жестов за ним никаких не числилось и замечено не было. Он не употреблял их. Поэтому иногда казалось, что органами жестикуляции он попросту не владеет. Так те из нас, кто не использует бранных, или, как их еще называют, крылатых слов, способны произвести впечатление, будто их и не знают.

Саша Соколов. Палисандрия

⁴ Вадим Ампелонский занимал должность пресс-секретаря Роскомнадзора с 2013 по 2020 год. *Прим. ред.*

⁵ Поясняем для вдумчивого читателя: *хуй, пизда, ебаться, блядь*. *Прим. авт.*

⁶ Авторитетный источник: <https://rkn.gov.ru/press/publications/news23416.htm?ysclid=lp14u1xxeu971787698>.

В исследовании Владимира Ивановича Беликова «Национальная идея и культура речи»⁷ носители русского языка делятся по отношению к использованию обсценной лексики на знатоков и незнатоков. Первые как минимум знают соответствующие слова, даже если сами их никогда не употребляют. Вторые их просто не знают и из-за этого часто попадают в курьезные ситуации. Беликов приводит пример толкования слова *манда* из словаря жаргона Владимира Станиславовича Елистратова: '1. Мошонка. 2. Женские груди (реже) или лобок. 3. Руг. ~ ты после этого'⁸. Очевидно, что составитель словаря относится к незнатокам, иначе бы он знал, что женские груди *мандой* не называют. Да и мошонку скорее называют *мудями*, а совсем не *мандой*. По Елистратову слово *манда* приобретает универсальный характер, поскольку он фиксирует у данного слова и значения 'зад', 'потаскуха', хотя и как устаревшие. Интересно, что единственно правильное значение этого слова составитель не указывает. Сравните с правильным толкованием данной лексемы в «Большом толковом словаре русского языка»: '*Жарг.* женский половой орган'⁹.

Более частый случай, когда незнатоком оказывается не составитель словаря, а обычный носитель языка. В том же исследовании Беликов описывает ситуацию с использованием глагола *подъелдыкивать*. Некая почтенная дама во время семейной трапезы обратилась к своему кузену со словами: «Витя, ты меня не подъелдыкивай!». На вопрос собеседника о том, где она набралась таких словечек, пожилая дама ответствовала: «От молоденькой приказчицы из универмага “Москва”. Но я надеюсь, их подбирают из хороших семей». Иными словами, связь между существительными *елда*, *елдак* и глаголом *подъелдыкивать* в сознании носительницы отсутствует полностью. Впрочем, скорее всего, она не знает и слов *елда* и *елдак*, которые, согласно Роскомнадзору, к матерным не относятся и, следовательно, разрешены к употреблению. В известном словаре Василия Васильевича Химика слово *елда* толкуется как 'мужской половой орган, пенис'¹⁰, а глагол *подъелдыкивать* — как 'поддразнивать кого-л., кто уже находится в возбужденном состоянии'¹¹. Отметим, что, конечно, составитель не имел в виду половое возбуждение.

Кроме знатоков и незнатоков, Беликов вводит еще одно важное разграничение, а именно между любителями и нелюбителями, не зависящее от деления на знатоков и незнатоков¹². Любители относятся положительно к нецензурным словам, даже если сами не употребляют их, а нелюбители — отрицательно. Градации положительного и отрицательного отношения могут быть самыми разными, — впрочем, как и причины, определяющие то или иное отношение.

Табуирование русского мата имеет разнообразные последствия, особенно для описания и изучения этого непростого пласта русской лексики и употребления этих слов в речи. В академических словарях русского языка обсценные слова отсутствуют (хотя слово *блядь* представлено — привет Роскомнадзору!). Более того, до последнего времени отсутствовали и многие из тех форм, которые квалифицируются как *грубые*, *неприличные* и даже

⁷ Беликов В. И. Национальная идея и культура речи // Отечественные записки. 2005. № 2. С. 47–66.

⁸ Елистратов В. С. Словарь русского арго. Материалы 1980–1990 гг.: около 9000 слов, 3000 идиоматических выражений. М.: Русские словари, 2000.

⁹ Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2003.

¹⁰ Химик В. В. Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи: в 2 т. СПб.: Златоуст, 2017. Т. 1.

¹¹ Химик В. В. Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи: в 2 т. СПб.: Златоуст, 2017. Т. 2.

¹² Согласно пояснениям Беликова, названия для этих групп людей, владеющих русским языком, предложил Владимир Михайлович Алпатов. *Прим. авт.*

просторечные. Так, слово *жопа* появилось в словаре Сергея Ивановича Ожегова и Наталии Юльевны Шведовой в начале девяностых годов.

ЖОПА, — ы, *жс.* (прост. груб.). То же, что ягодыцы. || *уменьш. жопка*, — и, *жс.* и **жопочка**, — и, *жс.* ¹³.

В словнике третьего издания толкового словаря Ожегова слово *жопа* отсутствует¹⁴.

Наиболее целомудренными оказались Большой и Малый академические словари¹⁵: в них отсутствуют не только obscene слова, но и значительная часть грубых и неприличных слов. Слова *жопа* тоже нет — в соответствии с известным парадоксом о наличии денотата при отсутствии означаемого¹⁶. Относительно полным оказался «Большой толковый словарь русского языка» под редакцией Сергея Александровича Кузнецова. В его словник вошла значительная часть грубых и неприличных форм, однако слова с obscene корнями отсутствуют. Интересно, что составители словаря не смогли предвидеть хотелки Роскомнадзора, иначе они не стали бы включать в словник слово *блядь* и его производные.

Налагаются как минимум моральные ограничения и на научное исследование obscene слов: они де-факто есть, но в науке о русском языке их нет, — по крайней мере, в серьезных научных работах¹⁷. Существующие описания obscene лексики — в основном словарные, причем на их качество существенно влияет отсутствие у составителей научного багажа.

Низкое качество описания obscene лексики уже привлекало к себе внимание научной общественности. На анекдотичность некоторых словарных описаний матерных слов также обращал внимание в своих работах Беликов¹⁸. Язвительная критика таких словарей представлена и в одной из вводных статей к словарю Алексея Юрьевича Плущера-Сарно

¹³ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Изд. 4, доп. М., 1999.

¹⁴ Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. С. П. Обнорского. М.: Гос. изд. иностр. и национальных словарей, 1953.

¹⁵ Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / Под ред. А. М. Бабкина, С. Г. Бархударова, Ф. П. Филина и др. М., 1948–1956; Большой академический словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. М.: Наука; СПб.: Наука, 2004 [вышло 27 т.]; Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1957–1961.

¹⁶ Известному лингвисту Бодуэну де Куртене приписывается фраза: «Жопа есть, а слова нет». *Прим. авт.*

¹⁷ Разумеется, немногочисленные исключения есть и нами всячески приветствуются. Ср., например: *Dreizin F., Priestly T.* A systematic approach to Russian obscene language // *Russian Linguistics*. 1982. 6.2: p. 233–249; *Успенский Б. А.* Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии. Статья первая // *Studia slavica Academiae scientiarum Hungaricae*. XXIX. 1983. С. 33–69; *von Timroth W.* Russische und sowjetische Soziolinguistik und tabuisierte Varietäten des Russischen (Argot, Jargons, Slang und Mat). (Slavistische Beiträge 164.) München: O. Sagner, 1983; *Толстой Н. И.* Чур и чуршь // *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics XXXI–XXXII*. 1985. С. 431–437; *Левин Ю. И.* Об obscene выражениях русского языка // *Russian Linguistics*. 1986. 10.1, с. 61–72; *Ermen I.* Der obszöne Wortschatz im Russischen: Etymologie — Wortbildung — Semantik — Funktionen. (Specimina Philologiae Slavicae 98.) München: O. Sagner, 1993; *Мухеев М. Ю.* Паронимия с наложением фразеологических шаблонов в словосочетании и словообразовании русского мата // *Slavica Gandensia. The international review of the Belgian Association of Slavists*, 34, 2007. С. 143–174; *Пильщиков И.* Русский мат: что мы о нем знаем? (О происхождении и функциях русской obscene идиоматики) // *Зборник Матице српске за славистику / Matica Srpska Journal of Slavic Studies*. 2021. 100, с. 709–760; *Баранов А. Н., Добровольский Д. О.* Принципы описания obscene идиоматики // *Russian Linguistics*. 2023, 46.1, с. 1–14.

¹⁸ *Беликов В. И.* Рецензия на книгу Мокиенко В. М. «Словарь русской бранной лексики (матизмы, obsceneизмы, эвфемизмы с историко-этимологическим комментарием)», Berlin: Dieter Lenz Verlag, 1995 // *Русистика сегодня*. 1996. № 3. С. 150–164; *Беликов В. И.* Национальная идея и культура речи // *Отечественные записки*. 2005. № 2. С. 47–66.

«Матерный словарь как феномен русской культуры»¹⁹. Повторять суждения уважаемых коллег не имеет смысла. Поделимся с читателем нашим личным опытом взаимодействия с такими словарными источниками в период, когда мы редактировали словарь Василия Буй, в котором научными методами описывается обсценная идиоматика²⁰. Также обратимся и к работам последнего времени, поскольку феномен русского мата никуда не делся и остается *terra incognita* для русской филологии и теории культуры.

Нетривиальные описания обсценной лексики в словаре Елистратова мы уже приводили выше. Часто упоминается в связи с матом словарь Алека Флегона «За пределами русских словарей»²¹. Этот словарь действительно включает значительное количество обсценной лексики, однако филологической общественности он интересен не этим. Оказывается, слова *баба, балерина, белье, верный, влюбиться, вошь, гвоздь, окно, опозорить, папа, пародия, пасквильнт, рожать, семьянин, соска* (по Флегону, ‘резиновое изделие, которое дают сосать ребенку’), *труссы, улыбка, холостяк* не входят в русские словари. Ожегов как автор известного толкового словаря и Академия наук СССР, неоднократно упоминаемые в словаре Флегона, будто бы искажают реальное употребление слов, — в том числе тех, которые мы привели. Эти слова в словаре Флегона получают новые — часто удивительные — толкования. Так, значение слова *балерина* включает такой важный компонент смысла, как «символ распутности»: ‘танцовщица балета, в прошлом символ распутности’. Слово *окно* связывается с сексуальной сферой жизни: ‘отверстие в стене для света и воздуха, а также для входа и выхода любовников’. Семантика слова *улыбка*, по Флегону, соотносится с культом личности: ‘миимика лица, которая в период культа была в опале, считавшись признаком несерьезности’.

Таким образом, Флегон не только пытался описать «неприличное» в лексике, но и хотел передать идеологические оценки. В этом он вполне соответствовал тренду в практике составления словарей во времена СССР. В первом нормативном словаре русского языка советской эпохи — словаре под редакцией Дмитрия Николаевича Ушакова — провозглашается, что словарь должен «послужить орудием в борьбе за качество того языка, которым каждый день говорит наша литература, наша печать с миллионами трудящихся»²². В словаре Ожегова толкование слова *проституция* в явном виде включает идеологический компонент: ‘...в капиталистическом обществе продажа необеспеченными женщинами своего тела с целью добыть средства к существованию’²³. Показателен и пример, сопровождающий толкование: «Проституция — позорное явление капиталистического общества». Излишне говорить, что при социализме никакой проституции не было и в помине (да и сейчас уже нет).

Словарь Флегона противопоставлял себя советским словарям русского языка идеологически, а описание обсценной лексики, хотя и занимало значительную часть этого словарного источника, было вторичным, что, вдобавок к лингвистическому дилетантизму автора, повлияло на качество описания значений.

¹⁹ *Плуцер-Сарно А.* Матерный словарь как феномен русской культуры // Плуцер-Сарно А. Большой словарь мата. СПб.: Лимбус Пресс, 2005. Т. 1. С. 49–74.

²⁰ *Буй В.* Русская заветная идиоматика (веселый словарь крылатых выражений). М.: Помовский и партнеры, 1995.

²¹ *Флегон А.* За пределами русских словарей. Flegon Press, London, 1973.

²² От редакции // Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова: в 4 т. М., 1935. Т. 1. С. iii.

²³ *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1953.

По классификации Беликова Флегона можно отнести к любителям, но не к знатокам. Об этом говорит, например, такой способ толкования значения обценной лексики, как *брань* с вариантами *грязная брань*, *многоэтажная брань*, *политическая брань*, *полуприличная брань*, *вульгарная брань*, *мерзкая брань*.

А НУ ТЕБЯ НА... — брань. Подразумевается: а ну тебя на хуй!

В БАБУШКУ И В БОГА ДУШУ МАТЬ — брань.

ГОВНО ЗАСРАННОЕ — брань.

В РОТ ЕБАТЬ ТВОИ КОСТЫЛИ — многоэтажная брань.

ЕДРЕНА ВОШЬ — брань.

ЖУК НАВОЗНЫЙ — брань.

КРАСНАЯ ВОШЬ — политическая брань.

К ЧЕРТОВОЙ МАТЕРИ — полуприличная брань.

МАТЬ ТВОЮ — вульгарная брань. Подразумевается: мать твою ёб!

ПИЗДОСОС — мерзкая брань, оскорбляющая достоинство гордого советского человека. Применяется как идеологическое оружие в холодной войне между двумя членами общества.

РЕБРО: ЕБИ (тебя и пр.) В РЕБРО — грязная брань.

Понятно, что указание на брань и ее виды никак не может рассматриваться как адекватное толкование значения, а эпитеты *грязная*, *многоэтажная*, *политическая*, *полуприличная*, *вульгарная*, *мерзкая* не несут смысловозначительной функции. Между тем выражения типа *А ну тебя на...* отличаются от словосочетаний *жук навозный*, *едрена вошь* и подобных даже по синтаксической функции, что полностью игнорируется составителем словаря. Действительно, форма *жук навозный* чаще всего оказывается частью составного именного сказуемого:

Но вот что ему, Михаилу, поперек горла Егоршина спесь. Ты, мол, *жук навозный* ²⁴, червь.

Федор Абрамов. Две зимы и три лета

Кроме того, идиома *жук навозный* может употребляться как обращение:

У меня и сердце остановилось, хороший потому что парень, так просто мимо не пройдет, всегда по шапке потреплет, шутливое отмочит: «Ну, чё, *жук навозный*?»

Виктор Астафьев. Последний поклон

Идиома *едрена вошь* в предложении чаще встречается как вводный оборот:

«Думали!..» Детский сад!.. Помощнички, *едрена вошь* !

Владимир Богомолов. Момент истины («В августе сорок четвертого...»)

Петр Житов громко захохотал:

— Ты, *едрена вошь*, вон ведь какая. Двух мужиков взаглот взяла.

Федор Абрамов. Две зимы и три лета

Конструкции типа *А ну тебя на...* являются почти полными предложениями:

²⁴ Для выделения обсуждаемых слов и словосочетаний в цитатах используется курсив. *Прим. авт.*

Во вводных статьях к своему словарю Плущер-Сарно предстает не только как любитель, но и как знаток. Иными словами, он, в отличие от Елистратова, знает, что значит слово *манда*. Однако принадлежность составителя словаря к знатокам и любителям отнюдь не является гарантией качества лексикографического описания. Авторы данной книги познакомились с этим словарным источником еще в виде отдельных рукописных материалов, которые содержали значительный корпус примеров. Более того, Василий Буй использовал некоторые из них в своем словаре, что было указано в списке источников²⁵.

Что касается самого словаря Плущера-Сарно, то он не оправдал ожиданий. Он оказался не словарем как таковым, а корпусом примеров со смысловыми интерпретациями, в которых значения обценных слов не отделяются от контекста. Из-за этого слово *хуй* образует отдельный том, в котором, согласно информации на титульной странице, представлено: «19 значений, 9 подзначений, 9 оттенков значения, 23 оттенка употребления слова *хуй*, 523 фразеологические статьи». Но этого мало: в словаре фиксировано «около 400 идиом и языковых клише и более 1000 фразеологически связанных значений слова *хуй*». Как известно, фразеологизмы некомпозициональны, то есть значение этих устойчивых выражений не совпадает со значением составляющих их слов, если рассматривать эти слова по отдельности. Выделять у обсуждаемого слова «более 1000 фразеологически связанных значений» бессмысленно по той простой причине, что их нет. Так, например, в идиоме *по хую* у слова *хуй* нельзя выделить значение, хотя идиома в целом значение имеет:

ПО ХУЮ (кому-либо), *неценз.* Что-либо / кто-либо совершенно не затрагивает субъекта, потому что он волевым усилием исключает это из своей личной сферы; безразлично, все равно²⁶.

В словаре Плущера-Сарно у формы *по хуй / по хую / по хуям*²⁷ выделяется довольно много различных значений.

1.0.0.0. (кому что). *Быть безразличным к сексуальному партнеру.*

2.0.0.0. (кому что). *Быть безразличным по отношению к неприятным или опасным ситуациям, событиям, фактам.*

2.0.0.1. (что). *Быть безразличным по отношению к малозначительным или неприятным ситуациям, событиям, фактам в ситуации, когда человек занят чем-то очень важным, занят собственными делами.*

2.0.0.2. (что кому). *Быть безразличным по отношению к малозначительным, неприятным ситуациям, событиям, фактам в ситуации, когда человек полностью утратил силу восприятия внешних воздействий вследствие собственного плохого самочувствия.*

2.0.0.3. (кому что). *В сочет. с мест. «всё». Быть равнодушным, безразличным по отношению ко всем окружающим объектам, которые при этом воспринимаются отрицательно, как что-то неправильное.*

2.0.0.4. (что <кому>). *Быть безразличным к общепринятым стереотипам, ценностям.*

2.0.0.5. (что кому). *Не вызывает желания принять участие.*

²⁵ Буй В. Русская заветная идиоматика (веселый словарь крылатых выражений). М.: Помовский и партнеры, 1995. С. xxiii.

²⁶ Буй В. Русская заветная идиоматика (веселый словарь крылатых выражений). М.: Помовский и партнеры, 1995. С. xxiii. С. 46.

²⁷ Отметим, что *по хую* и *по хуй* — это варианты одной идиомы, а *по хуям* — совсем другая идиома с другой семантикой. *Прим. авт.*

2.0.0.6. (что <кому>). Быть безразличным к чьим-л. отрицательным поступкам, действиям, при том, что они совершенно не имеют отношения к говорящему.

3.0.0.0. (кому кто). Считая, что кто-л. не имеет никаких положительных качеств, быть к нему абсолютно безразличным, при том, что у говорящего с ним нет и не может быть никаких общих дел.

4.0.0.0. (кому что). Не вызвать интереса из-за утраты своей значимости.

5.0.0.0. (что чему). Не оказывающий никакого воздействия.

6.0.0.0. (<кому> что). Переставать быть необходимым.

7.0.0.0. (<кому> что). Лекализ. сочет. Безлич. Хорошо; в порядке; спокойно; нормально.

8.0.0.0. (<кому> что). Не сложно, не трудно.

Нетрудно добавить к этому описанию множество других значений. Например, *Мне по хую ваши родственники (быть безразличным по отношению к родственникам собеседника); Мне по хую все эти родственники (быть безразличным по отношению к собственным родственникам); Мне по хую эти новые фильмы (быть безразличным по отношению к произведениям киноискусства); Мне по хую эти новые теории (быть безразличным по отношению к научным идеям).* Пожалуй, хватит.

Очевидно, что вместо различных значений слова *хуй* и фразеологизмов, в которые оно входит, в словаре приводятся найденные контексты употребления с комментированием смысла этих контекстов. Автор, судя по всему, догадывается, что что-то выходит не так, и вторым названием словаря на титульном листе указывает: «Опыт построения справочно-библиографической базы данных лексических и фразеологических значений слова *хуй*». Но и это получилось неудачно: *база данных* — компьютерный инструмент, не имеющий прямого отношения к бумажным словарям. Не говоря уже о том, что прилагательное *библиографический* используется в современном русском языке в значениях, производных от существительного *библиография*, то есть «научное описание и систематизация произведений печати и письменности»²⁸. Таким образом, словарь Плущера-Сарно не является ни базой данных, ни библиографическим инструментом. Добавим, что и как словарь его рассматривать не представляется возможным.

Точную характеристику обсуждаемому изданию, изобилующему разнообразными нелепостями, дал в своей рецензии Алексей Дмитриевич Шмелев: «Подобные ошибки настолько удивляют, что задумываешься: а не является ли произведение г-на Плущера-Сарно мистификацией, произведением словесности эпохи постмодерна, только замаскированным под словарь?»²⁹

Аналогичные подозрения вызывает словарь Татьяны Васильевны Ахметовой «Русский мат. Толковый словарь»³⁰. Автор предуведомляет читателя: «Вы держите в руках толковый словарь “Русский мат”! Помните, что в нем только матерные, похабные, нецензурные слова. Иных вы не встретите!»³¹ На первых же страницах основного корпуса словаря обнаруживаешь словарные статьи таких слов, как *аборт, абортаж, автограф, авторитет, агрессор, аккумуляторы*, и прочих, которые даже по самым строгим меркам языковых пуристов не являются ни матерными, ни похабными. Возможно, что в указанных значениях

²⁸ Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 2007.

²⁹ Шмелев А. Д. Зачем околачивают груши // Еженедельный журнал. 24.05.2002. <https://www.ej.ru/019/life/07lexicon/index.html>.

³⁰ Ахметова Т. В. Русский мат. Толковый словарь. М.: Колокол-Пресс, 2000.

³¹ Ахметова Т. В. Русский мат. Толковый словарь. М.: Колокол-Пресс, 2000. С. 5.

(*аборт*ж — ‘аборт’; *автограф* — ‘куча говна’, *авторитет* — ‘хуй, мужской половой член’, *агрессор* — ‘насильник несовершеннолетних’, *аккумуляторы* — ‘мужские яички’) эти слова можно считать жаргонными, однако нецензурными их назвать нельзя. А уж слово *аборт*, толкуемое как ‘преждевременное прекращение беременности; выкидыш’, вообще является литературным. Отметим, что значения ‘выкидыш’ слово *аборт* в нормальном словоупотреблении не имеет.

Кроме удивительного словника, словарь Ахметовой отличается нетривиальными толкованиями. Большинство обценных идиом не толкуется; вместо этого в духе Флегона дается отсылка к более общему разряду выражений типа «ругательство», «брань» и тому подобные:

А НУ ТЕБЯ В ПИЗДУ — ругательство.

А НУ ТЕБЯ НА ХУЙ — брань.

Возникает дополнительный вопрос о причинах такой категоризации: почему первое выражение — ругательство, а второе — брань? Поскольку справочный аппарат в словаре отсутствует, то найти хоть какой-то ответ на этот вопрос не представляется возможным.

Толкования, где они есть, эпатажируют читателя не по-детски. В нормальном случае в описании значений лексических единиц используются стилистически нейтральные слова — по принципу «сложное толкуется через простое». В этом словаре все устроено иначе. Например, слово *пенис* толкуется как ‘мужской половой член, хуй’. Появление в зоне толкования обценной лексической единицы нарушает саму идею пояснения значения средствами языка. В рассматриваемом примере можно предположить, что автор считает, что словосочетание *мужской половой член* не освоено читателем, а слово *хуй* кажется ему более простым и широко употребительным — где-то даже нейтральным. Сходным образом слово *передок* толкуется как ‘пизда, влагалище’³². Странно выглядит использование обценного слова для толкования разговорной лексики *передок*. Отметим, что в указанном значении это слово употребляется только в идиоме *слаба на передок*. Выбранный способ толкования, по-видимому, отражает чувство языка автора словаря, но вряд ли отвечает интуиции обычного носителя русского языка — даже любителя.

Разумеется, список подобных словарных изданий легко продолжить. Часто составители таких словарей вполне разумно и аргументированно ругают предшественников, но, как было показано выше на примере словаря Плущера-Сарно, сами они по разным причинам не в состоянии использовать инструментарий современной лингвистики для описания этого слоя лексики.

Объективные сложности словарного описания обценной лексики, конечно, имеются. Во-первых, отсутствует не только серьезная словарная традиция, но и опыт научного исследования обценной речи. Во-вторых, табуирование мата выводит за пределы научного социума попытки анализа данного слоя лексики и примеров его использования. В-третьих, составители явно не обладают квалификацией, необходимой для словарного дела.

Можно было бы подумать, что эта сфера языка обречена на забвение. Однако это не так. Уже в 3-м издании словаря Владимира Ивановича Даля³³ обнаруживаются основные слова, которые Роскомнадзор считает матерными.

Блядь ж. публичная женщина, проститутка; вообще распутная женщина. **Блядунь**, род. — **уна** м. развратник, распутный мужчина. **Блядунья** ж. ниже обыкновенной бляди, лахудра, плёха. <...>

³² Ахметова Т. В. Русский мат. Толковый словарь. М.: Колокол-Пресс, 2000. С. 281.

³³ Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Третье, исправленное и значительно дополненное издание под редакцией проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ. СПб.: Издание Товарищества М. О. Вольф, 1903–1909. Т. 1–4.

Хуй , род. **хуя** , м., вульг. неприл., мужской дѣтородный членъ. || Становится почти мѣстоименіемъ въ значеніи что, что-либо, какой, какой-нибудь. **Ни-хуя нить** , ровно ничего нѣтъ. *Ни-хуя не видно* или *не видать* , ничего не видно. <...>

Ети, еть , наст. вр. ед. <...> вульг., совокупляться, употреблять женщину, coïre. Пошлая брань (ругань): *Еби твою мать. Ёбь твою мать. Мать твою ети. Мать твоя ети. Ебѣна мать. Убирайся къ ебену матери* , убирайся къ чорту. <...>.

Пизда ж., вульг., женскій дѣтородный членъ, лат. *cunnus, vulva*.

Отметим, что в приведенных словарных статьях используются основные способы толкования, которые и по сей день применяются в лексикографии. Так, в толковании глагола *ети* обнаруживается, с одной стороны, отсылка к синониму *совокупляться* , а с другой — развернутое описание ситуации, в которой используется данный глагол. Основная проблема, которая легко видна даже читателю-нелингвисту, — это недостаточная проработка семантики, то есть многочисленных значений матерных слов и соответствующих фразеологизмов. При этом коллокация — слабоидиоматичное устойчивое сочетание слов — *блядская строка* ³⁴ истолкована в соответствии с современными требованиями лексической семантики: «неполная, коротенькая строчка, не умѣстившаяся внизу страницы или столбца и помѣщаемая поэтому вверху слѣдующей страницы или слѣдующаго столбца (пріемъ, избѣгаемый въ типографской практикѣ)». В скобках приведена прагматическая информация, мотивирующая выбор номинации — матерного (по Роскомнадзору) слова *блядский*.

Следует иметь в виду, что у редактора словаря — знаменитого языковеда Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ ³⁵ — не было задачи создать полное описание обценной лексики. Судя по третьему изданию словаря Даля и предисловию к нему Бодуэна де Куртенэ, ученый стремился придать современный вид основному корпусу словаря (частично заменив гнездовой способ организации материала на алфавитный ³⁶), а также несколько расширить словник за счет собственных записей и слов из «Словаря русского языка, составленного вторым отделением Императорской академии наук» ³⁷, которые он посчитал важными.

Еще одним приятным исключением из ужасов обценной лексикографии является «Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи» ³⁸ Василия Васильевича Химика. Наряду с разговорными словами и выражениями он включает и матерную лексику, причем обценные слова представлены довольно полно. Так, для глагола *ебать* выделяются целых шесть значений: 1) ‘совершать половой акт, выполняя активную роль (о действиях мужчины)’; 2) ‘сожительствовать с кем-л., иметь длительную половую связь’; 3) ‘бить, колотить, с силой ударять, стучать’; 4) ‘преследовать, ругать, наказывать’; 5) ‘вводить в заблуждение, обманывать’; 6) ‘относиться безразлично, игнорировать, пренебрегать чем-

³⁴ Бодуэн де Куртенэ отметил и происхождение данного фразеологизма, указав немецкий источник — *Nurenzeile* (с той же формой и значением). *Прим. авт.*

³⁵ Считается — и не без оснований — одним из пионеров применения формальных методов в языкознании. *Прим. авт.*

³⁶ При гнездовом способе организации лексики в словаре родственные слова объединяются в одной словарной статье. Например, в словарной статье глагола *гладить* помещаются также толкования слов *глаженье, гладкий, гладилка, гладильня, гладильщик* и других слов с тем же корнем. Алфавитный способ организации предполагает, что однокоренные слова подаются как отдельные словарные статьи. В словаре Даля используется смешанная стратегия, допускающая оба способа организации словарного материала. *Прим. авт.*

³⁷ Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук / Под ред. акад. Я. К. Грота. Изд. 5-е. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1891–1895.

³⁸ *Химик В. В.* Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи: в 2 т. СПб.: Златоуст, 2017.

кем-л., выражая полное презрение к объекту'. Сразу отметим, что пятое значение вызывает определенные сомнения. Иллюстративные примеры к этому значению не убеждают:

Смешно, когда мужик, цветущий густо,
С родной державой соли съевший пуд,
Внезапно обнаруживает грустно,
Что, кажется, его давно *ебут*.

Игорь Губерман. Гарики...

Водкин заплатил за объявление двадцать марок. Валеvскому, с которым он «в доле», скажет, что заплатил пятьдесят. Шкура. Запомнил от него: «Эта падла *е-т* меня на бензине. Я вздерну его на объявлении...»

Виталий Печерский. Немецкий омнибус

Что касается Губермана, то поэтическая речь допускает отклонения от нормы, которые мотивируются ритмом и рифмой. Не последнюю роль играет и образная система. Второй пример, судя по всему, иллюстрирует внутреннюю речь героя, в которой многие стандарты могут нарушаться. Для нашей матерной интуиции фраза *Меня ебут на бензине* нарушает неписанные эталоны русской народной брани.

При этом другие значения выделены и проиллюстрированы со знанием дела, в том числе и лексикографического. Разумеется, доказать, что это исчерпывающий набор значений обсуждаемого плохого слова, вряд ли возможно. В любом случае остальные выделенные значения являются именно значениями, а не перечислением контекстов употребления, как в словаре Плущера-Сарно.

К очевидным достоинствам словаря Химика следует отнести включение в словник многочисленных производных обценных слов. Так, в словаре можно найти статьи, описывающие производные формы от глагола *ебать*: *выебать, выебываться, ебало, ебанутый, вьебываться, заебаться, приебаться, доебаться, объебать, уебывать* и многие другие. Важно также, что словарные статьи включают значительную «заромбовую» зону, в которую помещаются фразеологизмы. Так, на слово *пизда* приводятся идиомы *в пизду на переделку, пизда рулем, без пизды, дать / вломить пизды, по пизде мешалкой, лопнула пизда — пропали денежки, ни в пизду, ни в Красную армию* и другие.

Более полно идиомы с обценными словами представлены в уже упоминавшемся словаре Василия Буй «Русская заветная идиоматика»³⁹. В нем собраны идиомы с компонентами *хуй, пизда, ебать, жопа, блядь, яйца*, а также с эвфемизмами. Словарная статья включает разнообразные виды информации: о семантике, синтаксисе и прагматике. Так, читатель может узнать об идиоме *пиздой накрыться*, что она имеет два значения: 'перестать нормально функционировать или потерять функциональные свойства, как бы оказавшись изолированным от жизненного пространства; сломаться, прийти в негодность' и 'перестать существовать, не иметь места, как бы оказавшись изолированным от жизненного пространства; погибнуть, умереть, исчезнуть, не реализоваться'. И действительно, произнося *Компьютер пиздой накрылся*, говорящий имеет в виду, что компьютер сломался, пришел в негодность (первое значение). В то же время фраза *Пришел через месяц, а банк уже пиздой накрылся* описывает иную ситуацию: 'банк перестал существовать'. Этот пример относится ко второму значению.

³⁹ Буй В. Русская заветная идиоматика (веселый словарь крылатых выражений). М.: Помовский и партнеры, 1995.

Кроме того, в словарной статье приводятся и игровые примеры, в целом характерные для употребления идиом. Например, игровой прием оживления образа (материализации метафоры) представлен в следующем анекдоте:

Разговор двух работяг.

— Сегодня сон видел: голая баба на куче золота. К чему бы это?

— Не иначе тринадцатая зарплата *пиздой* *накроется*.

Надеемся, феномен «тринадцатой зарплаты» еще известен, — по крайней мере, тем, кто вступил в период дожития. Сон, описанный в анекдоте, через упоминание обнаженной женщины актуализует образ вагины, а поскольку голая дева сидит на куче золота, она тем самым закрывает финансовый ресурс, выводя его из жизненного пространства наблюдателя. Читатель найдет в словаре Василия Буя и другие интересные наблюдения, касающиеся использования обценной идиоматики. В уже упомянутой рецензии Шмелева на словарь Плущера-Сарно отмечается, что словарь Василия Буя выполнен «в соответствии с самыми высокими требованиями лингвистической науки»⁴⁰.

* * *

Итак, словарное обценное дело существует, хотя и не очень живет. Причины этого мы уже обсудили. Табуирование обценного затрудняет его научное изучение, а отсутствие научного описания русского мата приводит к тому, что сделать хороший словарь обценных слов почти невозможно. Словарная традиция, хотя и не совпадает с чисто лингвистическими исследованиями функционирования языка, в идеале должна опираться на теоретический фундамент. Иными словами, созданию словаря мата должно предшествовать научное описание феномена мата как части русской разговорной речи. Пока нет оснований надеяться на сглаживание этого противоречия, тем более с учетом возникновения новых юридических ограничений и углубления консервативных тенденций в российском обществе.

⁴⁰ Шмелев А. Д. Зачем околачивают груши // Еженедельный журнал. 24.05.2002. <https://www.ej.ru/019/life/07lexicon/index.html>.

Глава 2. Мат в русской литературе

Наконец из Кенигсберга
Я приблизился к стране,
Где не любят Гуттенберга
И находят вкус в говне.
Выпил русского настою,
Услыхал «ебёну мать»,
И пошли передо мною
Рожи русские плясать.

Николай Некрасов. Наконец из Кенигсберга

Мат классиков. Мат еще не классиков. Мат и агрессия: «хуй тебе» как народное приветствие. Мат как художественный прием. Фольклорные истоки и народное творчество

Согласно распространенному поверью, употребление мата портит русский язык. Факты использования мата классиками русской литературы существуют в каком-то параллельном мире. Это двоемыслие вполне характерно для русской культуры и художественно осмыслено, например, в романе «Маскировка» Юза Алешковского. Герои этого произведения злоупотребляют алкоголем, ведут антиобщественный образ жизни исключительно для того, чтобы ввести в заблуждение пиндосов (слово из современной эпохи) относительно великих дел, которые вершатся в СССР. Впрочем, это не исключительная особенность русской картины мира. Феномен двоемыслия универсален — достаточно вспомнить роман Джорджа Оруэлла «1984».

На филологической почве двоемыслие хорошо иллюстрируется сентенцией, приписываемой Ивану Александровичу Бодуэну де Куртенэ, относительно отсутствия в словарях слова *жопа*: «Жопа есть, а слова нет», что уже упоминалось выше.

Начнем с «нашего всего» — с Александра Сергеевича Пушкина. «А наш француз / Свой хвалит вкус / И матерщину порет» — сообщалось в одной из лицейских песен про Пушкина⁴¹. Многие эпиграммы Александра Сергеевича содержат нехорошие слова, что вполне отвечает стилю этого поэтического жанра, в котором основная идея должна быть выражена кратко и хлестко:

В Академии наук
Заседает князь Дундук.
Говорят, не подобает
Дундуку такая честь;
Почему ж он заседает?
Потому что жопа есть.

Александр Пушкин. Эпиграмма на Дондукова-Корсакова

⁴¹ Пильщиков И. А., Шапир М. И. Текстология vs аксиология. Еще раз об авторстве баллады Пушкина «Тень Баркова» // Антропология культуры. Вып. 3: К 75-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. М.: Новое издательство, 2005. С. 219–248.

Эпиграмма двусмысленна. Неподготовленный читатель поймет этот краткий текст в том смысле, что Дундук глуповат и единственная причина его участия в работе Академии наук — это способность сидеть. Такая интерпретация хорошо вписывается в систему образов, свойственную русскому языку. Жопа легко осмысляется в языковом сознании носителя как нечто связанное с глупостью, идиотизмом, как что-то неправильное, ошибочное и тому подобное. Сравните: *делать все через жопу; думать жопой; у кого-либо одна извилина — и та на жопе; у кого-либо жопа вместо головы.*

Современники легко считывали еще более неприличный и очень обидный для Дундука и Уварова смысл. Известно, что после появления эпиграммы министр просвещения и одновременно президент Петербургской академии наук Сергей Семенович Уваров вызвал Пушкина для объяснений, задав прямой вопрос об авторстве эпиграммы, ходившей в списках. Пушкин формально ответил, что признает авторство только тех стихов, под которыми указано его имя. Столь болезненная реакция Уварова связана с другим пониманием этого текста. Дело в том, что молва приписывала успех академической карьеры Дондукова-Корсакова его интимной близости с Уваровым. Отметим, что и это понимание жопы как сексуального объекта поддерживается образной системой русского языка: *давать в жопу; еще не родился хуй на мою жопу; крутить жопой* и так далее.

К кратким поэтическим формам принадлежат и эпитафии, которые обычно сочинялись в высоком стиле и предполагали восхваление усопшего. Пушкин и здесь остается верен себе, привнося в этот жанр новый взгляд. В эпитафии самому себе он пишет:

О слава тщетная! о тленья грозный вид —
Хуй твердый Пушкина здесь в первый раз лежит.

Для тех читателей, которые не знают *ни хуя*, поясним: Александр Сергеевич отдавал должное любовным утехам. Та же тема, но с другой стороны представлена в эпиграмме на генерала Михаила Федоровича Орлова:

Орлов с Истоминой⁴² в постеле
В убогой наготе лежал.
Не отличился в жарком деле
Непостоянный генерал.
Не думав милого обидеть,
Взяла Лаиса микроскоп
И говорит: «Позволь увидеть,
Чем ты меня, мой милый, ёб».

Кроме малых форм, нехорошие слова встречаются у Пушкина и в произведениях более значительных по объему, например в балладе «Тень Баркова». Авторство этого текста вызывает у некоторых пушкинистов сомнения, однако многие авторитетные исследователи с уверенностью приписывают «Тень Баркова» Пушкину⁴³. В 2002 году появилось издание

⁴² Речь идет об известной в XIX веке балерине Авдотье Ильиничне Истоминой. *Прим. ред.*

⁴³ *Пильщиков И. А., Шатир М. И.* Текстология vs аксиология. Еще раз об авторстве баллады Пушкина «Тень Баркова» // *Антропология культуры*. Вып. 3: К 75-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. М.: Новое издательство, 2005. С. 219–248.

этого произведения с академическими комментариями⁴⁴. Приведем пример в старой орфографии.

Кто всѣхъ задорнѣе ебѣтъ?
Чей хуй средь битвы рьяной
Пизду курчавую дереть,
Горя какъ столбъ багряной?
О землемѣрь и пиздь и жопь,
Блядунъ трудолюбивой!
Хвала тебѣ, разстрига попь,
Пріапа жрецъ ретивой!⁴⁵

Отметим, что Пушкин придерживается фигурного употребления нецензурных слов, то есть обценные выражения выступают не как фон — слова, которые могут быть без ущерба для смысла и связности текста опущены, — а как полнзначный компонент текста. Сравните фоновое употребление идиомы *ебѣна мать* в стихотворении Ивана Семеновича Баркова:

— Эй, ебѣна мать, возница, —
Гаркнул он, и колесница,
Подняв пыль над мостовой,
Понесла его стрелой.

Иван Барков. Пров Кузмич

Фоновое употребление нехороших слов распространено и в современной поэзии. Характерный пример такого рода обнаруживается в песне Александра Лаэртского «Rolling Stones — это славно!»:

Я люблю вокзалы очень,
Мне б уехать, блядь, отсюда.
Только денег, сука, нету,
Я вообще интеллигентный,
Даже чересчур, пожалуй,
И от этого страдаю —
То ли дело пролетарий,
Молодой крестьянин с плугом,
Бороной он землю пашет,
Плугом сеет он пшеницу,
Я же, блядь, интеллигентный,
Я вам, блядь, не чукча сраный,
Я привык носки менять, блядь,
И не реже раза в месяц.

⁴⁴ Пушкин А. С. Тень Баркова. Тексты, комментарии, экскурсии / Издание подготовили И. А. Пильщиков и М. И. Шапир. М., 2002 (= Philologica russica et speculativa. Т. II).

⁴⁵ Пушкин А. С. Тень Баркова. Тексты, комментарии, экскурсии / Издание подготовили И. А. Пильщиков и М. И. Шапир. М., 2002 (= Philologica russica et speculativa. Т. II). С. 33.

Характерная особенность поэзии Лаэртского состоит в художественном преломлении сознания и речевых практик полуграмотного человека, наслышанного о феноменах культуры, музыки, искусства, но совершенно лишенного элементарных знаний о мире: лирический герой приведенного стихотворения не знает, например, что плугом не сеют пшеницу. Он, будучи совершенно уверен в своей интеллигентности, полагает, что настоящий интеллигент меняет носки не реже раза в месяц и этим отличается от пролетариев, крестьян и чукчей. Фоновое употребление мата характерно для полуязычия — неспособности использовать полнозначную лексику для выражения своих мыслей и чувств (подробнее о полуязычии — в главе 3).

Появление мата в художественных текстах часто сопровождается языковой игрой. Малые поэтические формы типа эпиграммы основаны на игровом коммуникативном режиме (подробнее о коммуникативных режимах использования обценной лексики — в главе 3). Однако и в других жанрах нехорошие слова естественны в игровом контексте, поскольку игра как культурный феномен ослабляет запрет на появление в речи мата, ругани, брани и прочих нецензурных элементов.

Сергей Донатович Довлатов, рассказывая о своем детстве, вспоминает в одной из глав книги «Наши» своего деда по материнской линии, который был суров и в минуты раздражения употреблял загадочное слово *абанамат*. Как пишет Довлатов: «Это таинственное слово буквально парализовало окружающих. Внушало им мистический ужас». Герой рассказа, лишь учась в университете, догадался, что это ругательство *ебёна мать*, изменившееся почти до неузнаваемости в речи грузина, говорившего по-русски с сильным акцентом. Юмористический эффект основан здесь на неожиданном узнавании матерного ругательства в речи человека, от которого никто не ожидал подобного. Языковая игра и в этом случае позволяет снизить табуированность обценной лексики.

Стихотворение Иосифа Александровича Бродского «Представление» построено на игре штампов и шаблонов, которые переосмысляются и причудливо сочетаются между собой:

«Ты смотрел Дерсу Узала?»
«Я тебе не все сказала».
«Раз чучмек, то верит в Будду».
«Сукой будешь?» «Сукой буду».

Общий контекст языковой игры стихотворения дополняется внутренней языковой игрой почти в каждой строфе. Реплики в последней строке представляют то, что в лингвистической прагматике называют иллокутивным самоубийством. Так называют ситуацию, в которой содержание произносимого высказывания противоречит коммуникативному (иллокутивному — в теории речевых актов) намерению самого говорящего⁴⁶. Сравните: *Я голословно обвиняю...; Я лгу...; Я ложно утверждаю...* В обычном речевом поведении такие реплики как минимум неуместны, поскольку нарушают основные принципы общения. Между тем в поэзии Бродского речевой акт *сукой буду* (не в смысле клятвы истинности высказывания) используется в процессе художественного переживания советского Вавилона: шедевров кинематографа («Дерсу Узала»), семейной распри и неустроенности («Я тебе не все сказала»), ксенофобии, настоящей на полубразованщине («Раз чучмек, то верит в Будду»), пьянства и уголовщины («Сукой будешь?» «Сукой буду»). Действительно, в уголовном жаргоне слова *сука* и *ссучиться* указывают на заключенных, сотрудничающих с администрацией колонии, тюрьмы и так

⁴⁶ См. подробнее: Вендлер З. Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 238–250.

далее. Предложение стать *сукой* означает стать предателем, доносчиком или стукачом, а согласие «сукой буду» самоубийственно и тем самым невозможно в соответствующем дискурсе. Между тем обмен репликами «Третьим будешь?» — «Третьим буду» в дискурсе советских времен легко прочитывался носителями языка и типичен для ситуаций, обозначенных идиомой *сообразать на троих*. Кроме того, реплика «сукой буду» представляет собой идиому с семантикой клятвы, а вовсе не ответ на предложение стать *сукой* в указанном понимании:

Вага заметно занервничал. Подняв на Гурова голубые глаза, он с волнением сказал:

— Я не наркоман, начальник! Было дело — баловался, но уже год как завязал

— *сукой буду*, начальник!

— Такие страшные клятвы! — покачал головой Гуров.

Николай Леонов, Алексей Макеев. Ментовская крыша

Это значение фиксируется в словаре разговорной речи Василия Васильевича Химика.

Сука / сукой буду [— не забуду]! *Угол. Груб.* Заверение в истинности сказанного, «честное слово». В воровском мире — клятва, готовность признать себя предателем в случае нарушения обещания⁴⁷.

Еще один пример игрового употребления обценных идиом из того же стихотворения Бродского:

И младенец в колыбели,
слыша «баюшки-баю»,
отвечает: «*Мать твою!*»

Игра в данном случае многоаспектна. Фонетическое уподобление в виде рифмы привносит идею коммуникативной связи между репликами «баюшки-баю» и «мать твою», притом что ни смысловая, ни прагматическая связь в данном случае невозможна. Дело в том, что реплика «баюшки-баю» не предусматривает ответа, тем более обценного. Элементы абсурда в духе Эжена Йонеско иконически соответствуют абсурду мира, который поэт и имеет в виду. На этом приеме построено все стихотворение Бродского.

Языковая игра с нехорошими словами может основываться на чистой прагматике, то есть на том, что относится к ситуации общения. В приводимом ниже примере из романа Василия Павловича Аксенова дело не в нарушении семантических или грамматических правил, а в контрасте между вежливостью одного участника ситуации и вопиющим хамством другого, причем вежливый судит о коммуникативной направленности реплики собеседника, исходя из культурных норм человеческого общения.

Кристина улыбнулась ему и протянула руку, как бы заранее благодаря за любезность.

— *Хуй тебе!* — сказал мужчина и стал засовывать шланг в утробу своей машины.

— It's my turn, sir, — улыбнулась она еще раз, но уже несколько растерянно, пожалала плечами.

— *Хуй тебе!* — повторил мужчина свое не очень понятное приветствие.

Василий Аксенов. Остров Крым

⁴⁷ Химик В. В. Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи: в 2 т. СПб.: Златоуст, 2017. Т. 2.

Нарушение постулата вежливости в русскоязычной речевой практике не является чем-то из ряда вон выходящим и вряд ли может рассматриваться как игровой прием, но столкновение двух этических миров и упорное желание сторон оставаться в границах своих речевых привычек обнажает бытовое хамство. Осмысление идиомы *хуй тебе* как приветствия подчеркивает возникший коммуникативный провал. Появление обсценных слов — особенно при непосредственной адресации собеседнику — может переводить общение на уровень полуживотной агрессии, когда общепринятые нормы вежливости, присущие общению цивилизованных людей, теряют всякий смысл.

Для определенного типа дискурса нехорошие слова не только не нарушают коммуникацию, но и являются маркером, оформляющим его как таковой. Общение в этом случае, по крайней мере по форме, состоит из взаимных оскорблений, выражения недовольства собеседником и окружающей действительностью: по принципу «человек человеку — коммуникативный волк». Такой тип дискурса мастерски воспроизведен в романе Владимира Георгиевича Сорокина «Очередь», сюжет которого строится на разговорах людей, стоящих в очереди за каким-то дефицитом, причем эти люди сами не знают, за чем они стоят. Конфликтность — характерная особенность жизни «очереди».

- У вас какой номер?
- Никакой... пьяница чертов...
- Ты где так набрался-то?
- *Отъебись* ...
- Чего — *отъебись*? Ты чего ругаешься?
- *Пошел на хуй!*
- Я вот пойду, пойду тебе!
- Пошшел ты... сволочь...
- Я вот... я вот... пойду...
- Эй, эй, ребята, вы что!
- *Сука хуев* ... падла...
- Я вот...
- А ну, разнимите их! Сережа, разними их!
- *Гандон, бля*... *сука*...
- Успокойся... идиот пьяный...
- *Разъеба, бля* ... ну, иди сюда, *сука* ...

Роман «Очередь» — развернутая метафора советской жизни, бессмысленной, полной хамства, агрессии и общего недовольства. Именно поэтому ругательства людей, стоящих в очереди, не воспринимаются как нарушение коммуникации. Окажись в этой очереди человек из нормального мира, он почувствовал бы растерянность, как героиня Аксенова в примере, разобранным выше.

Сдвинутая система вежливости — где собственно от вежливости уже ничего не остается — особенно рельефно отображалась в советских больницах, поскольку одна из сторон по очевидным причинам занимала униженное и оскорбленное положение. Художественная гипербола Венедикта Васильевича Ерофеева, хотя и несколько преувеличивает степень хамства общения медсестры с пациентом, по сути, вполне реалистична:

Голос Тamarочки (*по ту сторону ширмы*). Ну чего, чего ты орешь, как резаный? Перед тобой — колола человека, — так ему *хоть бы хуй по деревне* ... Следующий! Чего-чего? Какую еще наволочку сменить? *Заебёшься пыль глотать*, братишка... Ты! *хуй неумытый!* Видел у пищеблока кучу отходов? так вот завтра мы таких умников, как ты, закопаем туда и вывезем на грузовиках... Следующий!

Венедикт Ерофеев. Вальпургиева ночь, или Шаги Командора

Специфическая вежливость персонала хорошо известна тем, кто соприкасался с массовой советской медициной.

Сорокин, будучи тонким стилистом, точно передает речевые особенности бытового дискурса советской эпохи, полного ненависти и оголтелого хамства. В письмах персонажа из социальных низов Мартину Алексеевичу из романа «Норма» концентрируются речевые практики этого типа дискурса. Хотя герой начинает свои эпистолярные опусы просторечной «куртуазностью», заканчивает он матом и потерей человеческого облика, причем с каждым письмом «куртуазный» фрагмент сокращается, а мат занимает все больше места. Вначале письмо носит доверительно-дружеский характер:

Парник я только что поставил и обтянул той старой пленкой, которая на чердаке была. Она хоть и прошлогодняя, а ничего — дырки я залепил пластырем и все в норме. И ничего что там покорибилась малость это не страшно. Главное парник вышел на славу. Завтра займусь огурчиками и все путем будет.

Затем тон письма довольно быстро переходит в недовольство, обвинения и угрозы:

...я молодым был не ленился не то что Николай. Он палец о палец не ударит. А мы бывало как заведенные с утра до ночи работаем. А они с Верой нальют глаза да на пляж и на танцы. А она *жопой* там *вертит* а ему хоть бы что — плюет на все. Вот теперь как. А раньше бы ее за волосы да об стену так бы и *измудохал* суку эту. <...>

Пашем как *мудаки* а вы чай гоняете на нас и не смотрите вот как. Значит выходит что мы работай а вы с Николаем плевать на нас? Значит вы владельцы а мы никто? Так что ли? <...> *Поджопник* нам и *уёбывай* отсюда как тебя не было? <...>

Вы кулак и жена ваша — буржуйка, которая позорит и которую надо тоже приструнить как следует. А нас значит побоку? Мы работали сажали а кто туалет ставил? Кто доставал двадцатку тогда? Вы со своим Сашенькой *хуяшенькой*? Или может жена ваша эта барыня сударыня? Это я все на своем горбе делал я кровь с потом проливал а вы только *посрать* и поесть вот как. А что вам *посрали* поели и все а мы убирай подметай да сей опять чтоб вы *срали* и жрали. Вот как у вас получается а мы значит — побоку! <...> Вы вредный элемент вы анекдотики *хуётики* загинаете а сами вон как бы ученый и все. А вы не ученый вы *хуеный* вот вы кто. И дом иметь вы право не имеете потому что вы не ученый а *хуй дрисный*. <...> Вы не ученый а *говно* вот вы кто. Я такой же ученый и не вам учить меня как жить надо. Я почище вашего жизнь знаю Я *посрать* хотел я *срать* с вами рядом не сяду а не то что. И я про вас всем расскажу какой вы ученый. Вы не ученый а *обдрисный мудака*.

Наконец ремиссия и членораздельный конфликт завершаются, начинается серия «трудовых выкриков», иллюстрирующая ментальную деградацию и напоминающая трудовые выкрики САЛ, БЕР, ЙОН и РОШ по академику Николаю Яковлевичу Марру⁴⁸. Сам персонаж приближается к идеалу человека идеологического, борющегося с рудиментами буржуазного мира, строящего теплицы, срезающего усы клубники, ставящего садовые туалеты и чуждого разговорам про науку и анекдотам.

Мы пахали а ты я *ебал*. Я тебя *ебал* гад ты и я. Я тебя *ебал* гад такой чтобы *говно*. Я тебя *ебал* гад не думаешь. Я тебя *ебал* гад *сранный*. Я тебя *ебал гад сранный*. Я тебя *ебал* ты не думаешь. Я тебя *ебал говно* гадский и заберут. Я

⁴⁸ Российский филолог, археолог, языковед. *Прим. ред.*

тебя *ебал* гад ты *хуесор* а не то что. Я тебя *ебал* гад. <...> Чтобы не *срать* на гадский *говна* нас. Я хотел *срать* гад и *ебал* гас. Я вас сгат и *ебал* могол. Я тег *ебал* гад могол. Я тег *ебал* гадо могады. Я гад *ебалы* год вас. Я гад *ебыла* гад магы.

Дискурс ненависти к образованному владельцу дачи органично сочетает в себе элементы советского бюрократического новояза с отборным матом.

Вы вон таблетки *хуетки* а меня и может и таблетки то не берут у меня вон голова гудит как мотор вон давление а от гадостей от ваших кровь к глазам подступает и не вижу ничего убил бы вас *ебанных*. Вы вон *срете бляди* гадские а мы тут с Машей два инвалида на вас работаем на *блядей* а вы только *срете* да жрете а мы горбатимся да ползаем тут как что. Я вас *выведу бляди* гадские! Я вам *напишу во все края* чтоб вас *просветили* ! <...> Вы на нас совсем как не людей смотреть хотите а я не собака вам чтоб на меня *срать* я еще может почище вашего *на вас напишу* и *все общественность на вас подниму*. Я вам покажу как издевать над нами а мы не люди. Вы *срать* на нас а мы тоже *напишем* и *общественность будет вас просветить*.

Речевая практика советского новояза, требовавшая апелляции к «общественности» и «просвещению», органично соединилась в речевом поведении героя с матерным полуязычием.

Не следует думать, что матерщина в русской речи — признак речевой агрессии. Довольно часто обсценные формы сопровождают и дружеский дискурс, выполняя функцию доверительности и искренности. Повесть Юза Алешковского «Маскировка» построена как письмо брату героя, в котором нет и намек на конфликтность. Между тем в речи героя повести обсценная лексика смотрится совершенно естественно.

Вот ты, Гриша, хоть и генерал-лейтенант, брательник мой, и если ты не веришь мне, если не прекратишь погонями трясти и орденами брякать от хохоту, то я тебя и *за хер собачий считать не буду*, не то что за генерала. <...> Ты знаешь, что ты — паразит с окладом, с дачей, с машиной, *блядь*, с филе тресковым и так далее. Ах, разъяснить тебе, почему ты паразит, если целыми днями орешь «мирно-о!» Пожалуйста! На тебя никто нападать не собирается. Вот и все. *На хуй ты кому нужен!* Вот помалкивай тогда и слушай, как твоего родного брата *в жопу выебли*. Нет! Не в треугольнике, не в спортлото, а в буквальном смысле, и куда в этот момент смотрела наша милиция, я не знаю.

Юз Алешковский. Маскировка

Отметим, что идиомы *за хер собачий не считать кого-либо*, *на хуй нужен кто-либо кому-либо* и выражение *в жопу ебать кого-либо* использованы в фигурном режиме употребления, то есть не для связки слов — как слово *блядь* в том же отрывке, — а как полнозначные выражения, передающие соответствующую семантику. Более того, первые две идиомы адресованы собеседнику, при этом конфликтная семантика отсутствует.

Дружеский характер общения подчеркнут игровой составляющей словоупотребления. Метафоры *трясти погонями* и *орденами брякать от хохота* свидетельствуют о шуточной модальности, исключающей конфликтность и агрессию. В выражении *в жопу выебать кого-либо* передается намек на соответствующую идиому с широкой семантикой ‘насилия’, ‘обмана’ и прочими, притом что реализуется буквальное значение (как отмечает герой повести, «в буквальном смысле»).

Появление обсценной лексики в художественном тексте не всегда объясняется стремлением автора отразить реальное словоупотребление. Сорокин обращается к обсценному дискурсу как к художественному приему, позволяющему показать стилистическую несостоятельность языка официально признанной советской прозы. В этом

смысле матерная брань в художественном тексте дает возможность противопоставить правдивый, хотя и грубо-непристойный язык выхолощенному русскому языку, на котором говорили типичные персонажи советской прозы.

Создаваемый контраст между обценными и необценными репликами позволяет показать, что сладкоречивый дискурс персонажей, расцвеченный смачными матюгами, столь же аномален, как фальшивая советская проза, не имеющая к реальности никакого отношения. Девушка в обычном регистре речи не может сказать своему возлюбленному в ответ на его вопрос «Когда я тебя увижу?» нечто малопрстойное:

— Завтра, — поспешно выдохнула она и добавила: — Завтра я пососу твою гнилую залупень ... и мы поедем опять на косу... хорошо?

Противоречие между обценными выражениями и слащавыми описаниями подчеркивает лживость и искусственность последних:

Они прошли в большую комнату. Здесь было просторно, чисто и светло: солнечные лучи искрились в круглом аквариуме, стоящем на подоконнике, в правом углу рядом с письменным столом поблескивало черное пианино, слева по всей стене теснились книжные полки.

В ее быстрых глазах блеснули слезы.

Владимир бежал, радуясь силе и ловкости своего тела, бежал, улыбаясь прохладной темноте, в которой уже начинал угадываться свет наступающего дня.

Такие «красивости» могут быть только порождением псевдолитературы, основанной на идеологии, предписывающей выдуманные нормы мысли и речи.

Неожиданное появление обценных форм среди благостного дискурса создает эффект остранения (по Виктору Борисовичу Шкловскому⁴⁹), позволяющий взглянуть со стороны на ставший привычным советскому человеку язык советской прозы XX века.

Вероника вошла, неловко протянула лилии:

— Нина Ивановна, это вам.

Пухлые руки громко всплеснули:

— Ох, красота какая! Да где ж вы насобирали?

— На косе, мама, — ответил Владимир. — Там их столько, в глазах рябит...

Нина Ивановна осторожно приняла букет, восторженно качая головой:

— Чудо, чудо... Да проходите в большую комнату, что ж вы в коридоре...

Вася! Иди сюда, посмотри какие лилии! Ведь это *усратья сушеными хуями!*

Владимир Сорокин. Возвращение

Очевидно, что форма *усратья сушеными хуями* авторская, что позволяет достичь существенно большей силы остранения. Действительно, понятная большинству реплика *Ведь это же ёб твою мать!* при сильном читательском воображении могла бы интерпретироваться как невольное проскользнувшая в речи даже такой достойной пожилой женщины — хранительницы советского очага и традиционных семейных ценностей. Однако авторская идиома *усратья сушеными хуями* лишает читателя даже такой возможности: речевой маразм советской прозы рельефно выделен фантазмагоричностью акробатического этюда матерного языка.

Еще один современный писатель, тексты которого своеобразны с точки зрения стиля, — Виктор Олегович Пелевин. Лингвистам особенно интересны его эксперименты с речью. В его рассказе «День бульдозериста» обценные формы заменены эвфемизмами — словами из советского идеологического конструктора. Выбраны самые выдающиеся: *мир*,

⁴⁹ Русский советский писатель XX века, литературовед, критик и киновед, сценарист. *Прим. ред.*

труд, май (краеугольный лозунг майских советских праздников) — и добавлены деда, отцы и матери материалистической философии и революционного движения: *Фейербах, Клара Цеткин, Коллонтай*, а также категории марксистской мысли: *базис, надстройка, слабое звено, переход количества в качество* — и специфические советские артефакты-символы (*серп и молот, горн пионерского отряда, пионерский галстук* и другие).

Идиомы *хуй его знает, какого хуя* и слово *однохуйственно* чудесным образом преобразуются с помощью замены нехорошего слова *хуй* на хорошее *май*. Известный императив *отъебись* становится эвфемизмом *отмирись*. Фразеологизм *через хуй* — выражением *через Людвига Фейербаха и Клару Цеткин*.

— Вы как, по какой модели собираетесь?

— А *май его знает*, — ответил, подумав, химик.

Я ей кричу: *какого же ты мая*, мать твою, забор разбираешь... <...>

— Ну так и *отмирись* от меня на *три мая* через *Людвига Фейербаха и Клару Цеткин*, — равнодушно ответил Валерка.

— По-моему, — ответил Валерка, — *одномайственно*.

Персонажи рассказа легко опознают преобразенные формы как отборный мат, который следует пресечь:

— *Ну и успехов в труде*, — сказал мальчик, повернулся и побрел к помойке. <...>

— Я тебя сейчас догоню, — заорал Валерка, забыв даже на секунду о своей бутылке, — и объясню, какие слова можно говорить, а какие — нет... Наглый какой, *труд твоей матери* ...

Многоэтажный мат конструируется с использованием слов идеологического лексикона:

— Точно, есть у нас ветераны, — не сдавался химик, — да ведь у вас традиция соревнования глубже укоренилась, вон вымпелов-то сколько насобирали, ударники *майские, в Рот-Фронт* вам *слабое звено и надстройку в базис!*

Культ свободного безвозмездного труда — важнейшая мифологема советской идеологии — формирует новые ругательства, неведомые общенному дискурсу, но легко понимаемые персонажами рассказа и читателями как таковые. Похабень переходит на новый уровень и усиливается.

— Давай, *трудячь, в партком твою Коллонтай!* — закричал оттуда пьяный голос Валерки, и захохотали какие-то бабы.

— Сейчас, — повернулся он к Ивану, — будет тебе эпифеномен дегуманизации. *Аккордеоном по трудильнику*. — Он потянулся к футляру.

Советские символы — серп и молот, горн и галстук, гипсовая статуя Павлика Морозова, — а также формулировки законов марксистской диалектики и принципов социализма оказываются эффектной заменой матерной лексики.

— *Какого молота* ты там *высерпнуть* хочешь?

— Лучше бы о материальных стимулах думали, *пять признаков твоей матери*, чем чужие вымпела считать, *в горн* вам *десять галстуков и количеством в качество*, — дробной скороговоркой ответил Валерка, — тогда и хвалились бы встречным планом, чтоб вам *каждому по труду* через *совет дружины и гипсового Павлика!*

Обучение марксизму в советской средней и высшей школе строилось на лапидарных дидактических приемах, основанных на перечислении признаков, событий, действующих лиц и так далее. Все это надо было выучить и рассказать на экзамене: три составных части марксизма, пять признаков империализма по Ленину, десять сталинских ударов и прочее. Тем самым в приведенном примере *пять признаков твой матери* появляются совсем не случайно, художественно оттеняя карнавализацию (по Михаилу Михайловичу Бахтину⁵⁰) обценного дискурса.

Художественная цель языкового эксперимента Пелевина — показать похабность и непристойность советского новояза, идеологический лексикон которого хуже любой матерной брани.

* * *

После знакомства с традицией использования мата в русской художественной литературе возникает вопрос о том, насколько эта традиция естественна для русской речевой культуры: не усматривается ли здесь чуждое влияние интеллектуалов, стремящихся сжить русский язык со свету? Увы, мы вынуждены разочаровать читателя: происки врагов России и иноагентов не обнаруживаются. Чтобы убедиться в этом, достаточно заглянуть в «Русские заветные сказки» Александра Николаевича Афанасьева⁵¹. Как известно, при жизни собирателя русского фольклора эти сказки выпущены не были. Первая публикация сборника относится к 1872 году, обозначенному на титуле как «Год мракобесия» в духе гоголевских «Записок сумасшедшего». В сказках обценные слова представлены весьма широко — в самых различных дискурсивных режимах. Они появляются в формулах концовки волшебного повествования. Так сказка № 9 «Пизда и жопа» заканчивается формулой: *Все это давно было, еще в то время, когда ножей не знали, хуем говядину рубили. Счастливый конец сказки № 46 «Чесалка» завершается формульной концовкой: ...и доселева живет, дочку с матушкой ебёт!*

Нехорошие слова встречаются и в присказке — еще одном структурном компоненте русской волшебной сказки, обычно расположенном в начале повествования (после зачина). В уже упоминавшейся сказке «Чесалка» рассказчик, предваряя развертывание сюжета, констатирует:

Не насытится никогда око зрением, а жопа бздением, нос табаком, а пизда хорошим елдаком: сколько ее не зуди — она все, гадина, не довольна! Это присказка, сказка впереди.

Александр Афанасьев. Чесалка

Обценная лексика в русской сказке не обязательно занимает какое-то определенное место в структуре повествования. В «Заветных сказках из собрания Николая Евгеньевича Ончукова»⁵² плохие слова используются как инструмент создания смехового мира — карнавала. Из известной работы Бахтина мы знаем, что карнавальное восприятие мира, характерное для Средневековья, предполагает перевертывание сакрального и профанного: то, что раньше было священным, осмеивается, делается абсурдным⁵³. В сказке «Бабье

⁵⁰ Русский философ, культуролог, литературовед XX века. *Прим. ред.*

⁵¹ Афанасьев А. Н. Русские заветные сказки. Минск: Дайджест, 1992.

⁵² Заветные сказки из собрания Н. Е. Ончукова / Составители В. Еремина и В. Жекулина. М.: Ладомир, 1996.

⁵³ Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990.

пятно» работник отлынивает от работы у попа, ссылаясь на то, что он не может найти свою шапку. Абсурдность ситуации в том, что шапка висит на его эрегированном пенисе, что очевидно всем участникам.

Надо было поежжать на работу, а казаку неохота, он надел [на хуй]⁵⁴ шапку и бегат, ищет.

— Батюшко, не видал ли шапки?

Поп говорит:

— Да ведь у тебя [на хую] ве снёт.

Из собрания Николая Ончукова «Бабье пятно»

Эта ситуация рекурсивно повторяется, усугубляя абсурд вполне в духе обэриутов⁵⁵. Впрочем, это не мешает работнику достичь своей цели — дурить попа и не работать. В других случаях с помощью обсценной лексики создаются другие абсурдные ситуации, неизменно порождающие карнавализацию дискурса. Так, в сказке «Марфа-царевна — отгадчица» Иван — крестьянский сын и Марфа-царевна договорились не использовать плохие слова, о чем бы ни шла речь. При этом Марфа-царевна своей репликой во время соития с Иваном — крестьянским сыном нарушает запрет.

— Ну-ка покорми.

Он поводит у ей кругом [пизды] по шерсти и говорит:

— Вот и поел теперь.

— А где же он пьет? — спрашивает Марфа-царевна.

— А в ваших царских колодцах пьет.

— А ну-ка попой.

Он поить стал, ей и запихал.

Она и говорит:

— Ах, Иван — крестьянской сын, ты что делаешь, [ебёшь]?

— Ах, Марфа-царевна, сама худых речей просила не говорить, а сама-то и сказала.

Из собрания Николая Ончукова «Марфа-царевна — отгадчица»

Очевидно, что в народной фольклорной культуре сам факт произнесения обсценных слов уже порождал смеховой эффект: нарушался культурный запрет на обсуждение сферы сексуального, особенно с использованием матерных слов. Никак не оценивая такой способ создания феноменов смеховой культуры, отметим, что он регулярно повторяется в фольклорных источниках. Сравните близкие смеховые приемы в «Скоморошинах» из собрания Кирши Данилова⁵⁶.

А в городе Руде нашла девушка [муде] приточала к [пизде] огленулася назад хорошо ли та висят.

А у нас на Дону черт [ебал] сатану прислоня ево к тыну запехал [хуй] в дыру сатана та де вертица у него жопа болит.

⁵⁴ Здесь и далее в квадратных скобках восстановлено нами — в тексте источников стоят отточия. *Прим. авт.*

⁵⁵ ОБЭРИУ (Объединение реального искусства) — группа писателей и поэтов, существовавшая в конце 1920-х — начале 1930-х годов в Ленинграде. В группу входили Даниил Хармс, Александр Введенский, Николай Заболоцкий и др. Характерная особенность художественного метода обэриутов — обращение к гротеску, нарочитое игнорирование правил логики и поэтика абсурда.

⁵⁶ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М.: Наука, 1977. Этот сборник русских былин, исторических и лирических песен и духовных стихов был впервые издан в 1804 году.

Матушка свекры ты не спораися всегда что твоя [пизда] велика моя больше
твоей твоя с лукошко а моя с решето семеро телят под секелем стоят а сама свинья
в [пизде] гнездо свила а ведь бык третьяк по колени вбрел.

Кириша Данилов. Скоморошины

Нанизывание образов телесного низа в гиперболизированной форме снимает натурализм описываемых сцен, порождая мир карнавала, в котором бывшее запретным становится допустимым и одобряемым в данном типе дискурса. Интересно, что эти приемы не находили сочувствия у Софьи Власьевны⁵⁷ — дамы строгой и непреклонной: даже в научном издании смеховая культура кастрировалась, что показывает истинное отношение власть имущих к народу и его традициям.

⁵⁷ Эвфемизм, обозначающий советскую власть во времена СССР. *Прим. ред.*

Глава 3. Дискурсивные практики использования мата

*Печатный мат много обиднее мата непечатного*⁵⁸.
Василий Буй, элитарный лингвист

Мат как феномен устной русской речи. Мат в письменной традиции. Нормы мата. Дискурсивные практики и коммуникативные режимы. Фигурное, фоновое и замещающее употребление обсценной лексики Устная речь и русский мат

Кто, когда и как использует запретные слова, до сих пор остается загадкой для исследователя. Социология мата существует только в отдельных изысканиях, дающих неполные и часто обескураживающие ответы⁵⁹. Собственно, не вполне понятно, как обсценный дискурс можно изучать методами социологических опросов: носители языка, которые выступают в роли респондентов, в таких случаях обычно врут.

В лихие девяностые авторы книги, которую вы читаете, выпустили словарь обсценных идиом Василия Буя «Русская заветная идиоматика». Часть тиража украли по пути из типографии в пункт назначения, но кое-что все же доехало до нас. В одно из посещений оптовой базы мы были свидетелями такой сцены: женщина бальзаковского возраста, ознакомившись со словарем «гениального ученого, величайшего лингвиста всех времен и народов» (как Василий Буй сам себя называет), ругалась самыми крепкими словами. Милую даму страшно возмутил «письменный» мат, хотя обильное устное употребление тех же слов ее никак не смущало.

Одно очевидно: мат — феномен устной речи, а не письменной. Определение *непечатный* часто используется по отношению к обсценной лексике: *непечатные слова, непечатная игра слов, непечатное ругательство, изысканный непечатный вокабулярий, непечатная брань, непечатные выражения, непечатный диалог, непечатная идиома* и так далее. В нормативных толковых словарях обнаруживаем:

НЕПЕЧАТНЫЙ. Разг. Грубый, непристойный (о словах, брани и т. д.). *На ругань не обращалось внимания <...>, так как бранное непечатное слово было для всех обыкновенным.* Решетников, «Подлиповцы»⁶⁰.

НЕПЕЧАТНЫЙ (разг.). То же, что нецензурный. *Непечатная ругань*⁶¹.

Впрочем, *непечатный поэт, непечатная проза, непечатные СМИ* — это уже про другое.

Сейчас уже можно сказать, что обсценные слова легко перенеслись в Рунет — в социальные сети и интернет-сообщества, организующиеся по профессиональным, политическим, возрастным и прочим признакам. Понятно, почему это происходит: общение в интернете представляет собой зеркальное отражение устной речи — кривоватое, но вполне функциональное, отвечающее потребностям российского общества.

К чему все это? А вот к чему: записей устных форм общения с «матизмами» (термин,

⁵⁸ Аллюзия на известный афоризм Козьмы Прутков: «Иногда слова, напечатанные курсивом, много несправедливее тех, которые напечатаны прямым шрифтом». *Прим. авт.*

⁵⁹ Впрочем, что-то здесь поддается социолингвистическому анализу (см. предыдущую главу). *Прим. авт.*

⁶⁰ Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1986. Т. 2.

⁶¹ Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 2007.

известный нам из трудов русского лингвиста Валерия Михайловича Мокиенко — спасибо ему!) и «обсценизмами» до обидного мало. Есть богатый источник — результаты оперативно-розыскных мероприятий, или ОРМ; проще говоря, прослушки по делам о взятках, вымогательстве, деятельности преступных сообществ и подобным правонарушениям. В них много мата, но одновременно много и уголовного или профессионального жаргона. Кроме того, эти записи часто плохого качества и почти недоступны обычному исследователю. Между тем интернет-общение и отчасти современная художественная литература (например, художественные произведения Саши Соколова, Владимира Георгиевича Сорокина, Виктора Олеговича Пелевина) — в той мере, в какой писатели пытаются (и часто безуспешно) воспроизвести реальную русскую разговорную речь, — могут послужить материалом для исследования форм бытования русского мата в реальном речепотреблении: в дискурсе. Формы бытования речи называют в науке о языке дискурсивными практиками, то есть принятыми способами выражения определенного смысла. Дискурсивные практики мы будем также для разнообразия называть коммуникативными режимами.

Норма в ненормативном

Общеизвестно, что обсценный дискурс не кодифицирован, то есть нет какого-либо регулятора обсценной или просто грубой, неприличной лексики. Не существует, например, государственной инстанции или академической организации, которая в рамках национальной языковой политики определяла бы правила, обычаи и нормы ругани. Но это вовсе не значит, что мат лишен норм. Это хорошо осознают носители языка, владеющие соответствующими дискурсивными практиками. Так, идиома *ёб твою / вашу мать* используется в разных значениях, но допускает сокращенную форму *ёпт* только в значении маркера истинности⁶².

- Сидит и пихается. Хам!
- Сама ты хамка. Из-за пустяка разоралась...
- Хам!
- Дура ты, *ёпт* ...
- Мы вот щас милицию позовем.

Владимир Сорокин. Очередь

В приведенном примере форма *ёпт* используется для передачи собеседнику идеи говорящего, что сказанное действительно имеет место — в данном случае, что собеседница недостаточно умна.

В других значениях такая сокращенная форма невозможна. Например, в функции выражения досады и недовольства используется только полная форма или форма, в которой опускается первый компонент.

...Когда мы несли с Джоном последнюю вещь — кондишен — силы меня оставили, и кондишен свалился прямо на меня, впрочем, меня не поранив.

- Что ж ты, *ёб твою мать*, — сказал тихо Джон.

Эдуард Лимонов. Это я — Эдичка

На двух конкурирующих лодках два гаванца ругались на чисто русском языке: «Куда ты прешь со своей ананасиной, *мать твою* ...»

Владимир Маяковский. Мексика

⁶² Буй В. Русская заветная идиоматика. М.: Помовский и партнеры, 1995. С. 184.

В этих случаях краткая форма *ёпт* выглядит странной, неуместной.

В то же время отсутствие кодифицированной нормы приводит к тому, что в одних источниках идиома *по хуй* пишется раздельно, а в других — слитно:

— Мне, в принципе, *по хуй*, я не русский, не украинец, я грек.

Михаил Елизаров. Госпиталь

Но прокуратор, похоже, все равно все услышал.

— Мне *похуй*, — объяснил он.

Грым покосился на медаль и сразу поверил.

Виктор Пелевин. S.N.U.F.F

Это вполне объяснимо, если иметь в виду, что мат — это феномен устной речи.

Вообще говоря, похожая проблема существует и применительно к обычной лексике. Так, выражение *не разлей вода* до последних инноваций в сфере орфографии писалось раздельно, что позволяло отнести его к идиомам. В «Русском орфографическом словаре» предлагается слитное написание *неразлейвода*⁶³, что представляется нам немотивированным с точки зрения норм и традиций русской орфографии⁶⁴.

Варьирование формы — характерная особенность фразеологизмов, то есть устойчивых словосочетаний, значение которых не равно буквальному значению входящих в них слов. Так, идиома *крошит батон*, то есть ‘агрессивно предъявлять претензии (по большей части необоснованные) к кому-либо’, имеет вполне употребительный вариант *крошит бублик*. В сфере обценной идиоматики ситуация с варьированием еще более сложная. Так, морфологические варианты идиомы *по хую* и *по хуй*, само собой, не кодифицированы, однако подчиняются правилам и неписаным нормам разговорной речи: форма *по хую* соответствует старшей норме, а *по хуй* — младшей. Иными словами, первый вариант используют носители языка старшего поколения, а второй — молодые практики русского мата. Оценка такого варьирования по понятным причинам может опираться только на интуицию.

С варьированием формы связана также возможность замены обценного компонента идиомы на эвфемизм. Под эвфемизмами в науке о языке понимаются выражения, заменяющие табуированные формы, причем носитель языка, как правило, осознает связь эвфемизма с тем словом или словосочетанием, которое он заменяет. Такие замены позволяют ослабить запрет на употребление⁶⁵. «Эвфемизмы — слова или выражения, служащие в определенных условиях для замены таких обозначений, которые представляются говорящему нежелательными, не вполне вежливыми, слишком резкими»⁶⁶.

Стоит отметить, что распространенное представление о том, что эвфемизмы легко заменяют исходные формы во всех контекстах и значениях, оказывается ложным. Так, компонент *фиг*, легко заменяющий обценное слово *хуй* в идиомах *на хуй* — *на фиг*, *по хую* — *по фигу*, *на хуя* — *на фига*, невозможен при эвфемизации идиом *на хуях носить*.

⁶³ Русский орфографический словарь: около 160 000 слов / Под ред. В. В. Лопатина. М.: Азбуковник, 1999.

⁶⁴ В более позднем авторитетном источнике — АКАДЕМОС — восстановлено старое написание: <https://orfo.ruslang.ru/search/word>. Прим. авт.

⁶⁵ Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Основы фразеологии. М.: Флинта-Наука, 2013. С. 169.

⁶⁶ Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. М.: Просвещение, 1977. С. 199.

Сказать *на фигах носить нельзя⁶⁷. Другие варианты такой эвфемизации *на херах носить* и *на хренах носить* также не представлены в корпусах. Впрочем, встречается идиома *таскать / оттаскать на херах*: *Девочка, натурально, маму на херах оттаскала, потому что обедала и никуда идти не хотела* [Генеральный интернет-корпус русского языка].

Парадоксальным образом некоторые идиомы, содержащие стандартную эвфемистическую замену типа *хер*, *хрен* и *фиг*, не допускают обратную операцию — замену эвфемизма на obscene слово. Так, допустимы формы *фиг два*, *хер два* и *хрен два*, но выражение *хуй два* отсутствует в наших источниках (в частности, во впечатляющем по объему корпусе литературы в Google Books) и даже не находится в русскоязычном интернете с помощью поисковых систем «Яндекс» и Google.

Новое гуманистическое время не обошло стороной и ипподромный верзошник: кабинки спилили чуть ли не до пупа, и теперь в них *фига два* повесишься.

Василий Аксенов. Ожог

А в жизни он будет двигаться, прятаться, и *хрен два* ты его достанешь. Он прикончит тебя еще до того, как ты вообще вытащишь оружие.

Валерия Вербинина. Разбитое сердце богини

Это ж что-то из разряда «доведение до самоубийства» — заведомо проигрышная статья, *хер два* чего докажешь.

Всеволод Беннигсен. Раяд

Тем не менее более тщательный поиск формы *хуй два* в социальных сетях показывает, что такие примеры присутствуют⁶⁸.

Ну и не надо на хвосте самолета крупными буквами «Сибирь» писать, не было бы надписи, *хуй два* бы кто понял, что это они, а так визуальный образ остатка самолета и огромными буквами их лого — охуенный пиар.

Генеральный интернет-корпус русского языка

С нашей точки зрения, появление таких форм, хоть и в относительно изолированных языковых сообществах, объясняется отсутствием кодификации этой сферы и указывает на продуктивность механизмов формообразования в obscene лексике. Существенно также, что интернет-коммуникация вообще не кодифицирована, а существование изолированных сообществ в Рунете способствует размыванию любых норм.

Особенности коммуникативного режима (фоновое, фигурное, замещающее, игровое и метатекстовое употребления мата)

Наряду с классификацией по жанрам, типам дискурса и другим коммуникативным параметрам для obscene слов и obscene идиоматики следует выделить еще один

⁶⁷ Знак * используется для маркировки семантически и грамматически неправильных речевых форм. *Прим. авт.*

⁶⁸ Этим примером мы обязаны В. И. Беликову, которого искренне благодарим за содействие. *Прим. авт.*

важный аспект функционирования. У запретных слов выделяются четыре коммуникативных режима.

В первом случае obscene лексика используется как фон, на котором разворачиваются описываемые события. Основное содержание речи передается словами разговорного регистра. Примером коммуникации такого рода могут служить комментарий в «Живом журнале» и фрагмент из песни Александра Лаэртского (фоновые употребления выделены курсивом):

Блядь , сделали *сука* систему, по которой передаешь данные *ёбанных* счетчиков в Мосэнерго. По телефону-*хуефону* , через сайт-*ебанайт* , через приложение *блядское* в телефоне. Ни один *блядь* из способов *хуй в рот* не работает. До Мосэнерго не дозвонишься, сайт не фурычит, приложение глючит. *Пиздец, блядь* , упростили *сука* подачу показаний, дебилы *сраные*.

Живой журнал

И на скрипке охуенной,
Как ее зовут, не помню,
То ли, *сука* , контрабасом...
Нет, размером, *блядь* , поменьше...
Вспомнил, *блядь* , виолончеля!

Александр Лаэртский. Я играю на рояле

Фоновый режим употребления obscene лексики характеризуется тем, что изъятие obscene выражений не приводит к изменению смысла текста. Так, комментарий в «Живом журнале» вполне понятен, если из него убрать obscene слова.

Сделали систему, по которой передаешь данные счетчиков в Мосэнерго. По телефону, через сайт, через приложение в телефоне. Ни один из способов не работает. До Мосэнерго не дозвонишься, сайт не фурычит, приложение глючит. Упростили подачу показаний, дебилы.

То же можно сделать и с фрагментом из песни Александра Лаэртского, но тогда возникают проблемы из-за присутствия характерных свойств стихотворного текста: размера, ритма и прочих.

В фоновом употреблении obscene слова являются той частью смысла текста, которая отвечает за отношение говорящего к описываемой ситуации. В науке о языке в этом случае говорят о модусе высказывания в противоположность пропозиции, в которой представлено содержание того, что говорящий сообщает слушающему.

Близок к фоновому так называемый партийный мат, который часто выполнял функции маркера истинности, противопоставляя лживость официальной пропаганды доверительным отношениям среди своих. В советские времена между партийными функционерами было принято обращение по имени и отчеству, но на «ты»: *Я, блядь, Николай Иванович, так рад, что удалось выбраться к тебе, — сам понимаешь, надо выполнять постановления партии и правительства!* Использование obscene слов подчеркивало искренность участников коммуникации.

В противоположность фоновому режиму **фигурное** употребление obscene слов характеризует именно пропозицию высказывания, то есть используется для описания самой обсуждаемой ситуации или соответствующих ей событий. Рассмотрим характерные примеры из произведений Сорокина и Пелевина.

Из-под кафтана книжка вываливается. Поднимаю. Открываю — «Заветные сказки». Читаю зачин вступительный: В те стародавние времена на Руси Святой ножей не было, посему мужики говядину *хуями* разрубали.

Владимир Сорокин. День опричника

Его взяли из народной песни «*Ебал* я родину такую», на величавый древний мотив которой Грым сочинил свое творение.

Виктор Пелевин. S.N.U.F.F

В приведенных примерах опущение обценного слова приведет к грамматической неправильности:

Его взяли из народной песни «Я родину такую» <...>.

Или к семантической неполноте, ущербности фразы:

В те стародавние времена на Руси Святой ножей не было, мужики говядину разрубали.

Фоновое и фигурное употребления распространяются также и на сферу идиоматики — обценные фразеологизмы.

...Вы знаете, маршал, я шокирован одним обстоятельством. На него обратили внимание члены моей делегации, знающие русский язык. Например, садовник подстриг утром лавровые кусты и сказал: «*пиздец Америке!*» Водителю «газика» чудом удалось завести машину, и он тоже сделал аналогичное заявление. 23 раза слышали его мои советники. Ваш шеф-повар спросил у коммивояжера, привезены ли фазаны и пулярдки. Тот ответил, что привезены, и шеф-повар не преминул воскликнуть: «*пиздец Америке*». Мы же союзники, маршал, и просим разъяснений.

Юз Алешковский. Кенгуру

В примере, приведенном выше, идиома *пиздец Америке* используется в фигурном употреблении в значении: ‘дело сделано’ или ‘выполнено важное условие для достижения какого-либо результата’. Внутренняя форма этой идиомы, по-видимому, мотивирована важнейшей целью социалистической идеологии — «догнать и перегнать Америку», которая в режиме тяжелой ротации⁶⁹ воспроизводилась в пропагандистских материалах того времени.

Следует отметить, что некоторые идиомы в определенных значениях допускают только фоновое употребление. Так, идиома *ёб / еби его / ее / их мать*, используемая для выражения отрицательного отношения к предмету речи, характеризует модус высказывания, и опущение этой идиомы не приводит к изменению пропозиционального содержания.

Привыкли, <...> *иху мать*, как человек с ними чуть не согласен — так идеологическая диверсия!

Александр Солженицын. Раковый корпус

⁶⁹ Тяжелая ротация — прием в пропаганде, состоящий в многократном повторении одной и той же идеи с минимальным варьированием смысла и формы его выражения. *Прим. авт.*

Та же фраза, в которой обценная идиома опущена, выглядит совершенно нормально.

Привыкли, как человек с ними чуть не согласен — так идеологическая диверсия!

Фоновый и фигурный режимы не исключают друг друга. Так, в примере ниже обценные формы обнаруживают как фоновые, так и фигурные употребления (первые выделены курсивом, а последние — полужирным шрифтом).

Чего? Не, Борь, я занят. Да. Ну? Чего ты не можешь? Борь, ну что ты **муму ебёшь**?! Валится, валится, *бля*! Стоило мне с отдела уйти, у вас все повалилось! Доложи Серову. Ну? И что? Так и сказал? **Ёпт...**

Владимир Сорокин. Лед

В приведенном примере идиома *муму ебать* употреблена фигурно и используется в значении ‘говорить что-либо несущественное, никак не реагируя на важные факторы ситуации, из которых можно было бы извлечь пользу’⁷⁰. С другой стороны, слово *бля* функционирует в фоновом режиме. При этом фонетически урезанная форма идиомы *ёб твою мать (ёпт)* совмещает свойства фигурного и фонового употреблений.

Замещающий режим, или режим **замещения**, характеризует такие ситуации, когда лексический состав фразы практически полностью заменяется обценными формами. Этот режим социально обусловлен и определяется образованием, социальным статусом говорящих и иногда предметной областью, в которой происходит общение. Приведем характерный пример замещающего употребления обценной лексики.

1. Хуйни по этой пиздюлине, захуячь по этой хуёвине, заебашь эту хуемотину влево и пиздани наискосок. <...> Следи, чтоб эта распроёбанная заебулина не дохуячила до этой хуёвины. Иначе пиздец всем. Теперь перехуячивай эту остоёбину до той заебулины. Я сказал: до той заебулины, а не до этой мудятини. Если, не дай бог, эту мудятину перебашить, пиздец всему. Заёбывай, но не перепизди ненароком, а не то как хуйнет, и мало не покажется. Теперь заруби себе на хую: все, что я тебе показал, делать ни хуя нельзя. Распишись за инструктаж.

Марьян Беленький. Скетчи

Приведенный пример напоминает известную фразу Льва Владимировича Щербы о *глокой кудре*, смысл которой становится понятным в основном по элементам грамматической семантики. Несмотря на искусственное происхождение, пример из текста Марьяна Давидовича Беленького хорошо отражает реальное словоупотребление. Легко видеть, что практически все полнозначные слова заменены на обценные — в исходных и производных вариантах. Замещающий режим типичен для полуязычия, — этим словом в социолингвистике описывают речь носителей, не вполне владеющих родным языком. Ревекка Марковна Фрумкина пишет по этому поводу следующее: «Полуязычны герои Зощенко, полуязычен герой “Постороннего” А. Камю, полуязычны многие герои Шукшина. Но не стоит принимать следствие за причину — именно полукультура порождает полуязычие, а не наоборот»⁷¹. Носитель языка, страдающий полуязычием, не в состоянии выразить свою мысль обычными русскими словами, что и показано в примере.

⁷⁰ Буй В. Русская заветная идиоматика. М.: Помовский и партнеры, 1995.

⁷¹ Фрумкина Р. М. Психолингвистика. М.: Академия, 2003. С. 194.

Феномен полуязычия, реализующийся, в частности, в использовании обценных идиом, хорошо иллюстрируется примерами ниже — анекдотом, персонаж которого не в состоянии выразить свою мысль словами литературного русского языка или варианта, приближенного к нему, и диалогом из произведения Михаила Георгиевича Гиголашвили.

2. Иностранцы гости в колхозе просят выступить на собрании рядового колхозника. На трибуну вылезает мужик.

— Как *ёб твою мать* , так *ёб твою мать* , а как *ёб твою мать* , так *ёб твою мать* !

Переводчик дает перевод:

— Как работать, так Кузьмич, а как деньги получать, так другие!

Городской фольклор

3. Васятка, резко рванув, повернул и чуть не врезался в соседнюю машину.

— Куда гонишь, водколаз? — ощерился Юраш.

— А *хули* этот *хуиный хуй хуячит* так *хуёво на хуй* ?! — заорал Васятка, вырulingая обратно на прямую.

Михаил Гиголашвили. Чертово колесо

Замещающее употребление может встречаться и в ситуации диглоссии. Так, офицер, беседующий с низшими чинами, говорит иначе, чем, например, в семье⁷² или в школе на родительском собрании. Фактически это два различных языка, использование которых определяется коммуникативной ситуацией и предметной областью.

В реальных — невыдуманных — примерах полуязычия все выглядит намного хуже. Это не анекдот, рассчитанный на смеховой эффект, а поток полусознания, непонятный постороннему наблюдателю.

— Чё ты на меня смотришь, жирное чудовище, блядь, а? Ты мне чё, сука, неделю назад говорило, блядь?

— Две недели назад.

— Да мне похуй, блядь. Что ты мне, сука, сказало? Своими погонами ебучими? Вот это что ты мне принес? Это что ты мне, нахуй ты мне эту хуйню, бля, занес, а? [Бьет вентилятором, тот падает.] Нахуй? Ты уже, сука, слабый, нахуй. Ты от одной пощечины падаешь, блядь. Привязанные как две мартышки, блядь, нахуй. Мне часы снять, блядь? А?

[Тот мотает головой.]

— Что нет, блядь?

— Вы правы.

— Правы?

— Да.

— Ты, сука, тварь, отдай свою карточку, отправь ее письмом домой на родину, блядь, мразь ты ёбаная.

[Обращается к другому.]

— Тебе чё, блядь, надо, чтобы карточку отправить домой, блядь? Какие, сука, предпосылки? Кто у вас, сука, деньги забирает, блядь, здесь?

— Да никто не забирает.

— Никто? Чё те, сука, не хватает, ты сказал, тебе надо выпить было. Тебя, суку, блядь, как шлюху привезли, блядь, в машине, блядь. Тоже мразь упала от первого удара, блядь. Мне, сука, 15 секунд на каждого надо, чтоб, сука, нахуй, вас умотать, нахуй. 15 секунд на каждого. Я, сука, нахуй, столько ору, нахуй, теряя

⁷² Если и в семье говорят как в армии, то это случай полуязычия. *Прим. авт.*

свой ебучий голос, блядь, чтобы в твою бошку, блядь, вдолбить. Дебил, блядь.

[Обращается к другому.]

— Ты, блядь, такой же дебил, сука, нахуй. Вас, сука, разматывает личный состав, если, блядь, увидит, нахуй, долбоёбов. Пидары вы ёбанные, нахуй. У меня нету, нахуй, ни к тебе, блядь больше по фамилии, не то что по званию, сука, какой ты лейтенант, нахуй. Сними свои ебучие вот эти погоны ёбанные, блядь. [Срывает погоны.] Сука, тебе их кто дал-то, блядь? Мразь ты ёбаная, блядь.

Для понимания процитированного фрагмента общения военнослужащих необходима экстралингвистическая информация (то есть знания о реальном или воображаемом мире), поскольку полуязычный дискурс понимается только при включенном наблюдении. В данном случае старший начальник отчитывает подчиненных — командиров низшего звена (видимо, лейтенантов) — за посещение борделя и пьянство. По-видимому, он пытается наставить их на путь истинный и переслать банковские карточки родным, обеспечив их материально. Функция вентилятора не вполне ясна: судя по всему, это подношение «жирного чудовища» в попытке избежать наказания и задобрить начальника. Не лишним будет отметить, что разговор происходит на фоне одной из программ Владимира Соловьева по центральному телевидению.

По существу, это вариант писем к Мартину Алексеевичу из «Нормы» Сорокина (см. главу 2). Хорошо видна постепенная утрата связной речи. Дискурс увещевания — пусть и матерного и даже с вкраплением «ученых» слов типа *предпосылки* — к финалу переходит в бессвязный набор слов с потерей грамматических связей между ними: «У меня нету, нахуй, ни к тебе, блядь больше по фамилии, не то что по званию, сука, какой ты лейтенант, нахуй». Остаются только оскорбления и ненависть.

Игровой режим бытования обценной лексики ослабляет силу табу. Типичный пример такого рода — анекдоты. Так, в известном анекдоте слепому дают мацу. Тот, ощупав предмет, реагирует: «Хуйню какую-то здесь понаписали». Замена в реплике слепого слова *хуйня* на эвфемизм — «Фигню / херню какую-то здесь понаписали» — возможна, но она снижает смеховой эффект, и анекдот теряет соль. Отметим, что само по себе слово *хуйня* табуировано, но в контексте анекдота его появление допустимо, если не в публичном дискурсе, то в беседе образованных людей.

Игровое употребление обценных идиом часто основывается на искусственном смещении прямого (буквального) значения словосочетания и идиоматичного, присущего идиоме. Рассмотрим следующий пример.

Беседа двух иностранцев:

— Не понимаю я этих русских.

— А я даже их физиологии не понимаю. Вчера стою в очереди, а один мужик говорит другому: «Надень шапку *на хуй*, а то уши отморозишь».

Городской фольклор

В этой беседе игровой эффект возникает в результате коммуникативного подчеркивания буквального значения обценной фразы — именно так интерпретируют выражение *на хуй* иностранцы, притом что участники описываемого диалога (мужики) имеют в виду одно из значений идиомы *на хуй*, указывающее на серьезность последствий игнорирования совета.

Один иностранный коллега, в целом неплохо владеющий русским языком, услышав песню Сергея Шнурова «Экспонат», поинтересовался, как может быть *прима без пизды*, упустив из виду, что словосочетание *без пизды* в тексте песни используется как идиома в значении маркера истинности: ‘то, что я говорю, истинно’ или, более идиоматично, ‘клянусь, так и есть’:

Там сразу без заминки.
В партере «Мариинки».
Все поняли блондинки.
Я прима, без тизды.

Группа «Ленинград». Экспонат

Игровым оказывается также пример из серии анекдотов про Штирлица — героя сериала «Семнадцать мгновений весны».

Штирлиц бежал по коридору. Мюллер подставил ему ножку, и тот грохнулся. «*Едрит твою мать!*» — подумал Штирлиц.
— Не смейте мне тыкать! — закричал Мюллер.

Городской фольклор

Как и в предыдущем случае, один из участников разговора понимает идиому *Едрит твою мать!* буквально, однако если в примере с беседой двух иностранцев прямое понимание в принципе возможно (действие может быть произведено), то для примера со Штирлицем прямого (буквального) понимания не существует, — впрочем, притяжательное местоимение *твой* (в форме *твою*), взятое отдельно, сохраняет свое значение.

Рассмотренные режимы употребления обценной лексики по-разному соотносятся между собой. Так, фигурные и фоновые употребления противопоставлены в том смысле, что фоновое употребление не может быть одновременно фигурным, и наоборот. Замещающее употребление может быть фигурным в тех случаях, когда из контекста понятно, что именно замещает обценное выражение. Так, во фразе *дай мне вон ту хуёвину* указательное местоимение (возможно, дополняемое жестом) выделяет конкретный объект действительности — молоток, пилу, шапку и тому подобные. В таком случае семантика пропозиции восстанавливается точно. С другой стороны, в примерах выше 1, 2 и 3 пропозициональная семантика остается неопределенной для адресата. Иными словами, эти употребления нельзя рассматривать как фигурные.

Фоновый режим может совмещаться с игровым.

Перед пионерами выступает Будённый:
— Выезжаю я однажды на белом коне. Гляжу налево — *ёб твою мать!*
Гляжу направо — *ёб твою мать!*
Школьники восхищенно:
— Во, *бля*, память!

Городской фольклор

Эффект игры в приведенном примере оказывается многоуровневым. С одной стороны, персонаж анекдота — Будённый — не может ничего вспомнить, на что указывает фоновое употребление идиомы *ёб твою мать*, передающее положительно окрашенное удивление, но ничего конкретного об обсуждаемой ситуации не сообщающее. С другой стороны, школьники парадоксальным образом воспринимают выражение эмоции как подробное описание ситуации, вызвавшей удивление от увиденного и слева, и справа. Особенность разбираемого примера также в том, что он напоминает замещающий режим функционирования обценной идиоматики. Действительно, идиома *ёб твою мать* использована как фоновая, поскольку она передает модусный смысл (удивление), однако одновременно ее употребление свидетельствует и о том, что персонаж не способен описать ситуацию общепринятым образом.

Исследованный материал показывает, что игровой режим сочетается с замещающим, как в примерах с анекдотом и цитатой из «Чертова колеса» (3); с фигурным, как в примерах с беседой иностранцев и песней группы «Ленинград»; а также с фоновым, как в анекдоте с Будённым.

Рассмотренные коммуникативные режимы свойственны не только русскому языку. Они встречаются для соответствующей лексики и в других речевых традициях. Так, герои американского телесериала «Прослушка» (The Wire), осматривая в одной из сцен место преступления, используют исключительно слово *fuck* с различной интонацией, сопровождая свои реплики разнообразными жестами. В этом случае, судя по всему, реализуется режим замещения. Очевидно, что в других языках возможны и прочие коммуникативные режимы, которые разбирались выше: фигурный, фоновый и игровой.

Отметим, что существует еще один режим, присущий и обычной лексике. Он характерен для случаев, когда в речи обсуждаются значения слов и особенности их употребления. В науке в этом случае говорят о метатекстовых употреблениях. Например, поясняя свое понимание того или иного слова, говорящий может уточнить: «Когда я говорю “часто”, то имеется в виду почти каждый день». Метатекстовые употребления иногда выделяются кавычками.

Хорошим примером метатекстового режима употребления обценной лексики служит стихотворение Ивана Семеновича Баркова «Ебёна мать».

Ебёна мать не то значит, что мать ебёна,
Ебёной матерью зовут и Агафона,
Да не ебут его; хотя ж и разьебать,
Все он пребудет муж, а не ебёна мать!
<...>
То ж, но нежней скажи: А! Брат, ебёна мать!!!
Ебёна мать уж ты! — значит к тебе презренье,
Уж я ебёна мать — значит к себе почтенье,
Что за ебёна мать? — есть недоумевать,
А храбрости есть знак: Кто нас! Ебёна мать!
Ебёна мать дурак! — в проступке есть улика,
Дурак ебёна мать! — значит вина велика;
Я дам ебёна мать! — то значит угрожать,
А не хотеть, вот так: О! Ох! Ебёна мать!
Ебёна мать значит и сердце умиленно;
Как кто раскается в грехах своих смиренно,
Из глубины души начнет вон изгонять
С пороком те слова: Ах! Я ебёна мать!

По сути, стихотворение представляет собой исчисление ситуаций, в которых уместно употребить идиому *ебёна мать*. Недостатком такого описания семантики является невозможность достоверного исчисления всех возможных ситуаций употребления. Однако для поэтической формы это несущественно, поскольку, по Роману Осиповичу Якобсону⁷³, поэтическая функция языка не равна информационной.

Коммуникативные режимы и научное описание нехороших слов

Различение режимов использования обценных идиом (и шире — обценной лексики в целом) необходимо при изучении этой специфической области идиоматики и лексики. Замещающие употребления не могут использоваться в лексической семантике и лексикографической практике для анализа значения обценных идиом и слов, а также как

⁷³ Выдающийся российский и американский лингвист XX века. *Прим. ред.*

иллюстративный материал, поскольку их план содержания оказывается слишком общим, с одной стороны, и тесно привязанным к ситуации общения — с другой.

Что касается фигурных и фоновых употреблений, то эти режимы в полной мере демонстрируют значения обценных форм, и соответствующие контексты могут использоваться в словарных статьях, иллюстрирующих семантику обценных идиом. Более того, в ряде случаев противопоставление фигурных и фоновых употреблений позволяет выделять значения многозначных форм. Так, идиома *на хуй* в значении ‘выражение честности и искренности коммуникативных намерений говорящего’ (при словах — чаще глаголах — со значением уничтожения, ухода, исчезновения и подобными) функционирует исключительно в фоновом режиме.

Приезжай в Тбилиси, зарэжем *на хуй*.

Венедикт Ерофеев. Из записных книжек

Я открыл дверь. Голос и его эхо сплелись в один звенящий кнут.

— Руки! Я сказал, *на хуй* руки убрал, козляра!

Михаил Елизаров. Госпиталь

— Сука, блядь ебучая, ёбанный рот, уволю *на хуй* завтра же! Где Петр? Уволю пидараса в пизду! Платеж провела? <...> Всех *на хуй* завтра же уволю!

Сергей Боровиков. В русском жанре

Идиома *на хуй* в фоновом режиме реализует еще одно значение, которое можно проиллюстрировать следующим примером.

Яковлев, в роли наглого, но неопытного начал рассказывать:

— Глюкозу, говорят, неплохо с водкой через капельницу колоть! Нормально так должно вставить!

— Что ты людям каждый раз мозги каким-то говном заливаешь?! — возмущенно отвечал Прасковьян. — Какая *на хуй* водка с глюкозой?!

Михаил Елизаров. Госпиталь

Идиома *на хуй* в этом значении связана с идеей несогласия с высказанным мнением собеседника, причем идиома усиливает смысл несогласия. Именно поэтому она может быть опущена без существенного изменения смысла всего выражения. Так же ведут себя в подобных контекстах идиомы с эвфемистическими заменами *на хер*, *на хрен*, *на фиг*, а также идиомы *в жопу*, *к черту* и другие.

Рассматриваемая идиома имеет и ряд значений, которые реализуются только в фигурном режиме.

«Хорошая идея, — согласился я, — но прежде вы мне командировку дайте на остров Сааремаа. Хочу собрать материал о труде наших советских эстонских рыбаков».

Главный редактор поморщился <...>: «Да ну вас *на хуй*, старик! Что вас туда тянет, в эту Эстонию?»

Василий Аксенов. Негатив положительного героя

— Да отдам я ему, отдам. Через пару дней контракт с американцами подпишу, аванс получу и хотя бы часть отдам.

— Да ну его *на хуй*, Вадя! — взъерилась Лариса. — Подождет, не сдохнет. Хватит, забыли про него.

Эдуард Володарский. Дневник самоубийцы

В этих двух примерах представлено одно из значений обсуждаемой идиомы: ‘выражение подчеркнутого нежелания принимать во внимание кого-либо/что-либо’. В данном значении идиома *на хуй* имеет обязательную семантико-синтаксическую связь (*кого-либо/ что-либо*) и не может быть опущена, хотя замена на синонимы допустима.

Рассматриваемая многозначная идиома имеет и другие фигурные значения.

— А из-за чего выгнали?

— Я просто перестал ходить на лекции и перестал ходить на семинары. И скучно было, да и незачем. Я приподнимался утром и думал, пойти на лекцию или семинар, и думаю: *на хуй* мне это надо, — и не вставал и не выходил.

Венедикт Ерофеев. Интервью

— Сереж, *на хуя* ты отошел-то?

— А я тебя не дождался.

Владимир Сорокин. Очередь

В приведенных примерах идиома *на хуй* (и ее вариант *на хуя*) используется в значении, сходном с семантикой вопросительного слова *зачем*. Изъятие идиомы из контекста в этом значении невозможно.

Игровые употребления хотя и не могут использоваться для иллюстрации значения описываемой единицы, тем не менее показывают потенциал развития семантики и возможности модификации формы. Иными словами, игровые употребления могут использоваться в словарных описаниях, но с обязательной маркировкой их статуса — режима употребления.

Метатекстовый режим не сочетается с другими, за исключением игрового. Разобранное выше стихотворение Баркова «Ебёна мать», кроме метатекстового режима, характеризуется и игровыми элементами.

Ориентация на материал при исследовании обсценной лексики неизбежно приводит к необходимости учета различных режимов использования указанных форм. Действительно, замещающее или фоновое употребление обычной лексики если и возможно, то не имеет регулярного характера и несущественно для теории и лексикографической практики. Более того, опора на замещающие употребления обсценных слов и идиом приводит к выделению несуществующих значений. Так, в словаре Алексея Юрьевича Плущера-Сарно у слова *хуй* выделяются среди прочих значения: ‘любой объект, имеющий продолговатую форму и воспринимаемый как имеющий сходство по форме с частью тела мужчины, служащей для сексуальных контактов, расположенной посередине передней поверхности его тела и состоящей из цилиндрической части и конусообразного окончания’, ‘пищевой продукт, абсолютно негодный к употреблению внутрь из-за каких-либо негативных качеств’, ‘неприятная ситуация’ и подобные⁷⁴. Очевидно, что это не значения слова *хуй*, а предположения о возможной семантике этого слова в замещающих употреблениях.

В то же время игровой режим свойственен и обычным словам. Ориентация на реальные речевые практики использования нехороших слов в данном случае влияет на получаемый

⁷⁴ Плущер-Сарно А. Большой словарь мата. М.: Лимбус Пресс, 2005. Т. 1.

результат, причем это относится не только к дискурсивным режимам, которые мы рассмотрели, но и к составу обценной идиоматики: выявить соответствующие идиомы можно только при последовательном анализе значительных корпусов употреблений.

Экстралингвистический аспект исследований обценной лексики

Сфера обценной лексики — как фразеологизмов, так и обычных лексем — изучена удивительно слабо для мирового языка с такой богатой традицией научного описания, ведущей свое начало со времен Михаила Васильевича Ломоносова. Это объясняется многими причинами. Очевидно, что почти исключительно устная форма бытования обценного дискурса затрудняет сбор необходимого материала. Отсутствие академической словарной традиции также оказывается препятствием для исследований этого пласта лексики русского языка. Но самое существенное препятствие — негативное отношение научного сообщества к данной проблематике. Среди редких исключений можно назвать серьезную статью известного филолога Бориса Андреевича Успенского, посвященную исследованию мифологического происхождения запретов, накладываемых на употребление матерных слов⁷⁵. Согласно его теории, табуирование обценной лексики объясняется ее связью с языческими ритуалами. Борьба с язычеством была частью деятельности православной церкви на Руси. В настоящее время запрет на мат в секуляризированной части российского общества уже не ассоциируется с религиозными ограничениями.

Перестроечная демократизация речевых практик общественного дискурса не затронула собственно научное исследование обценной лексики. Вряд ли эта ситуация изменится в ближайшем будущем. Иными словами, эта область обречена на периферийный статус, граничащий с маргинальностью.

⁷⁵ Успенский Б. А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Успенский Б. А. Исследования по русской литературе, фольклору и мифологии. М.: Common place, 2018. С. 195–268.

Глава 4. Новое в обсценном дискурсе

Про новое в языке. Норма старшая и младшая. Новое в словах и новое в употреблении. «Медная пизда», «ебать ту Люсю» и другие новшества. Эвфемизмы нехорошего и языковые игры Норма, которую мы выбираем

Язык постоянно меняется по разным причинам и с разной скоростью. На наших изумленных глазах глаголы, управляющие винительным падежом, получают новую модель управления — с предлогом *о* : вместо *считать что-либо* мы регулярно слышим *считать о чем-либо*.

Многие источники *считают о* том, что...
Vesti.ru

...Апелляционный суд *считает о* наличии оснований для изменения решения суда.

Газета «Коммерсантъ»

Вместо *полагать что-либо* — *полагать о чем-либо*.

Можете ли вы про себя сказать, что понимаете женщин, как долго *полагал о* себе ваш герой?

Газета «Коммерсантъ»

Из-за того что современные птицы и крокодилы размножаются путем откладывания яиц, ученые *полагали о* существовании неизвестного биологического препятствия для этого.

lenta.ru

При этом самые быстрые изменения происходят в лексическом составе языка — в его словаре.

Понятно, что вопрос новизны относителен: новое для носителей русского языка почтенного возраста — это одно, а для молодых — совсем другое. Для нас (авторов этой книжки) порогом новизны в русском мате естественно считать девяностые годы. Экономические, политические и социальные преобразования сказались на лексической системе русского языка весьма существенно. Демократизация русской речи — в самом широком понимании — привела к частичному ослаблению табуирования нехороших слов. Весьма вероятно, что это могло стимулировать изменения и на уровне грамматики, и на уровне лексики в речи людей с низкой социальной ответственностью, хотя и скрепной в определенном смысле.

В русской (точнее, советской) традиции лексикографии новые слова фиксировались в серии словарей новых слов, регулярно выходивших в Словарном отделе Ленинградского отделения Института языкознания РАН, который в те годы был подразделением Института русского языка⁷⁶. Понятно, что таких материалов по обсценным словам нет и не могло быть.

⁷⁶ См., например: *Новое в русской лексике*. Словарные материалы / Под ред. Н. З. Котеловой. М.: Рус. яз., 1980.

Единственная возможность — включенное наблюдение, то есть изучение исследуемых явлений в естественной речевой среде. Мы — как носители нехорошей речи — только и можем оценить тот или иной «матизм» как новое или старое. Будем руководствоваться этим точным методом познания, не отказывая себе ни в чем, по возможности проверяя информацию по существующим корпусам текстов — прежде всего по Национальному корпусу русского языка (НКРЯ), — а также по различным электронным библиотекам (например, Google Books) и текстовым источникам Рунета.

Новое в словах и новое в употреблении

Начнем с лексического состава области «матизмов» и «обсценизов». Одна из очевидно новых для нас форм — слово *заебца*, используемое в функции различных частей речи (частицы, междометия, наречия) со значением ‘хорошо, отлично’.

Пистолет и обойма отправились в багажник, под запаску. Патроны пересыпал в подлокотник. *Заебца*. Теперь хоть никого не пристрелит ненароком.

Александр Шишковчук. Схрон. Дневник выживальщика

— *Заебца* волына! Как в кино. Тяжелая.

Денис Воронин. Кровь как лимонад

— Толян! Какие люди! Как жизнь, братан?

— Да все *заебца*, сам-то как?

Дмитрий Кацман. В круговороте смертей и рождений

В НКРЯ это слово отсутствует, однако обнаруживается довольно много примеров в Google Books, в основном в произведениях начала XXI века. Не давая никаких оценок качеству этих текстов, отметим, что они, судя по всему, отражают общепринятое употребление, и форма *заебца* типична для дискурса определенного социума — малообразованного, криминального и полукриминального, склонного к насилию.

С точки зрения словообразования слово *заебца*, видимо, возникло от глагольной формы *заебись* с той же семантикой.

Слово *хуеплет* толкуется в словаре Василия Васильевича Химика как ‘болтун, говорун, тот, кто говорит вздор’⁷⁷.

Жена помолчала, собирая воедино разрозненные попреки, и мгновение спустя на Кравцова обрушился камнепад визгливых проклятий: у тебя крыша поехала, мудака, и так живем от получки до получки, шмотку купить не на что, ты что завтра жрать думаешь, *хуеплет* сраный?

Александр Кузьменков. Вакидзаси

Приведенный пример отражает характерную синтаксическую функцию слова *хуеплет* — предикативно-оценочную. Однако, как многие другие оценочные слова, оно допускает контексты указания на человека, рассматриваемого говорящим как неизвестное лицо (часто с неопределенно-личными местоимениями).

⁷⁷ Химик В. В. Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи: в 2 т. СПб.: Златоуст, 2017. Т. 2.

Я провожаю взглядом задницу жены, которой она мастерски выписывает круги и на которую пялятся еще несколько мужиков, помимо меня. Ёбаное все! Я так всю жизнь беситься должен? *Какой-то хуеплет* у бара останавливает ее!

Helga Duran. Омский горячий твой

Слово *хуеплет* образовано по той же словообразовательной модели, что слова *рифмоплет, стихоплет* и близкое по смыслу, хотя и довольно редкое слово *пустоплет* :

Как о главе правительства, Генеральном Секретаре партии и вскоре Верховном Главнокомандующем писать — генералу, который часто, много соприкасался с ним в Великую Войну, и в очень разных настроениях Верховного, — и даже стал его прямым заместителем? Участнику той войны — поверить нельзя, как с тех пор Верховного развенчали, балабаны, чуть не оплевали разными баснями: «командовал фронтами по глобусу...» <...> Сейчас вот главного озорного *пустоплета* и самого скинули — по шапке и по шее. И, может, — постепенно, постепенно восстановится почтение к Верховному.

Александр Солженицын. На краях

К числу новых обценных слов относится глагол *шароёбиться*, образованный от слов *шар* и *ебаться*. Не вполне очевидно, как внутренняя форма мотивирует актуальное значение. Впрочем, последнее достаточно понятно: ‘бессмысленно передвигаться по разным местам (вместо того, чтобы заниматься какой-то полезной деятельностью)’.

Необходимо подготовиться самому, подготовить команду, ну и избирателей подготовить так, чтобы не впопыхах листовки расклеивать и по подъездам *шароёбиться*, а спокойно, уверенно и безоговорочно победить в первом туре.

Андрей Агишев (agishev). Живой журнал

Нужно дома сидеть, а не по ночным клубам *шароёбиться*.

Виталина Дэн. Во власти эмоций

В дискурсе представлено и другое значение этого глагола — нечто вроде ‘пытаться прятаться, обнаруживая свое присутствие неудачным движением’.

Невесело выглядел маленький Петря — и все стонал, стонал да стонал без остановки, — когда Тудор, махнув рукой на свой атеизм, пошел в церковь смести паутинок за иконами. Там-то его и подловил сельский священник, отец Паисий.

— Ая-яй, сын мой, — сказал он неодобрительно. — Что же ты за иконами *шароёбишься*? — сказал он зычно. — Выйди на свет, хочу посмотреть на того мудака, который решил нашу церквушку ограбить, — сказал он.

Владимир Лорченков. Сын Ра

По нашим критериям к новым относится также прилагательное *пиздатый* с наречием *пиздато*. В словаре Василия Васильевича Химика прилагательное *пиздатый* толкуется через отсылку к форме *пиздастый* со значением ‘ценный, важный, высококачественный в каком-либо отношении’⁷⁸. Употребительность прилагательного *пиздастый* ощутимо ниже, чем *пиздатый*. Впрочем, в основном корпусе НКРЯ нет ни того ни другого, хотя в подкорпусе социальных сетей находим уже 470 примеров употребления слов *пиздатый* и

⁷⁸ Химик В. В. Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи: в 2 т. СПб.: Златоуст, 2017. Т. 2.

пиздато, притом что слова *пиздастый* и *пиздасто* опять-таки отсутствуют (на начало августа 2024 года).

Он *пиздастый* ахуенный невьёбенный современный...
Телеграм-чат для художников

Постарайтесь поставить в начало шутку с максимально коротким заходом, чтобы до первого смеха не пришлось ждать минуту. Не выбирайте слишком банальные и актуальные темы. Их выберет большинство, вы с ними не запомнитесь. Каким бы *пиздастым* комиком вы бы себя не считали, на банальные темы пошутить лучше всех остальных у вас вряд ли получится, так что не рискуйте.

Дмитрий Бахметьев. Бахмет

Рак. 18 июля. Вот так нихуясе, вы сегодня как Чев Челиос из «Адреналина» — ебашите дела красиво, все в ахуе с ваших действий. Жизненный тонус — пиздец как высок. Вам нравится, вам *пиздато* — все как надо.

Социальная сеть «ВКонтакте»

В книге Гасана Чингизовича Гусейнова «Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х» прилагательное *пиздастый* с синонимом *пиздецовый* определяется как ‘замечательный, очень хороший’⁷⁹, хотя слово *пиздастый* отсутствует. Действительно, в Рунете можно найти отдельные примеры употребления слова *пиздастый* в обсуждаемом значении.

Анна положила кассету и деньги на торпеду.
— *Пиздастые* деньги! — весело глядя на пачку, порадовался за нее Андрюха.

**Владислав Мирзоян. Vertухайка ля мур. Дикий мед домашней осы.
Два сценария**

В то же время слово *пиздецовый* (и соответственно, наречие *пиздецово*), как оказывается, многозначно, причем значение ‘замечательный, очень хороший’ встречается нечасто. Рассмотрим редкий пример из электронной библиотеки Google Books.

Он нам радовался и говорил: «Девули мои пришли». О, если б это дальше длилось! Это был бы *пиздецовый* вариант.

Софья Купряшина. Царица поездов

Основная часть примеров представляет другое значение, соотносимое с семантикой слова *пиздец*, то есть нечто вроде ‘очень плохо / плохой’:

ЧТО ЗА ПИЗДЕЦОВЫЙ МЕСЯЦ

Две недели назад уволили нашего главного редактора и убили «Русскую планету». Вчера влетела в свое первое настоящее ДТП с участием ДВУХ других машин (я цела, не волнуйтесь, машина — почти, но родной кузовной ремонт меня ждет). Сегодня Московскую школу гражданского просвещения включили в список иностранных агентов. И это еще далеко не полный список за ноябрь-декабрь!

Социальная сеть «ВКонтакте»

⁷⁹ Гусейнов Г. Ч. Д. С. П. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х. М.: Три квадрата, 2004. С. 157.

Р. С. Причитания типа «Он еще столько мог бы дать!» засуньте себе в жопу.
Моторхэд — одна из самых *пиздецово* однообразных групп.

Социальная сеть «ВКонтакте»

Формы *невъебенный* — *невъебенный*, *невъебенно* — *невъебенно* также появились в общенном дискурсе сравнительно недавно — не раньше 1980-х годов. Они передают высокую степень проявления признака — как положительно оцениваемого, так и отрицательно.

Как из города Петербург выдвигается Смольненский собор, искажающий все правила перспективы; с первого поворота на Суворовский проспект он высится над городом, будто вообще *невъебенной* высоты, затем — по мере приближения к нему — противоестественно уменьшается, доходя до соразмерных окружению, разумных размеров, после чего, на следующем же шаге от этой линии примирения, опять принимается делаться *невъебенно* громадным.

Андрей Левкин. СПб & amp; т. п.

Как только он зашел на порог, обрадовался, говорит: «Какая ты у меня молодец! Как знала, рыбу приготовила, я такой голодный!» Я ему, мол, ничего я не готовила. Оказывается, на всю хату почему-то воняло моей писью:(стыдно так. В общем, он поел *невъебенного* борща и сделал мне куни (с любовью к рыбе). Обожаю его!

Социальная сеть «ВКонтакте»

Но вот что я знаю наверняка — наше время под солнцем было абсолютно *невъебенной* красоты.

Социальная сеть «ВКонтакте»

— Умеют *невъебенно* выносить мозг. И иногда, кстати, это плюс.

Социальная сеть «ВКонтакте»

Давно существовавшее прилагательное *хитрожопый* получило в современном языке новый близкий по значению аналог — *хитровыебанный*, то есть очень хитрый, сложный для понимания, с какими-то подвохами.

По его роже ничего нельзя понять: такой он *хитровыебанный* пацан. «Ну что?» — спрашиваю я. Он не отвечает.

Владимир Козлов. Гонники

Это построение сюжета, когда герои придумывают *хитровыебанный* план, он проваливается, из-за чего они вынуждены срочно переигрывать все и делать новый план.

Социальная сеть «ВКонтакте»

К сравнительно новым относится также существительное *уёбок* с весьма прозрачной внутренней формой — как бы результат действия, обозначаемого глаголом *уебать*. По значению оно близко слову *мудак* (как известно, не запрещенному Роскомнадзором).

Идет себе, ботаник. Кого тебе надо, уёбок ?

Захар Прилепин. Санька

Я торможу на секунду, и он бьет меня ногой по яйцам, а когда я приседаю — еще раз, в нос.

— Вот тебе, блядь, уёбок ебучий. — Он убегает, но я успеваю рукой схватить его за ногу, и пацан падает.

Владимир Козлов. Гонники

Слово *уёбище* на первый взгляд семантически является усилением *уёбка*, то есть значит нечто вроде ‘очень глупый мудака’, однако анализ контекстов употребления показывает, что значение этого слова скорее относится к внешности человека, которая характеризуется как крайне неприглядная.

Не следуя стандартам, а собственному желанию видеть в зеркале не какое-то толстозадое целлюлитное *уёбище* с тремя складками на брюхе, а стройное красивое тело.

«Фэндомная правда» (форум)

Работала со мной вместе одна очень миловидная девушка, и вот она вышла замуж за самого страшного парня в нашей организации (ну просто кошмар на тоненьких ножках!). Все, естественно, в недоумении. А она и говорит как-то раз: «Я, конечно, понимаю, что все думают, что у меня муж *уёбище*, но зато никто не позарицца, средство профилактики от сердечной боли».

«Женщина + мужчина: брак» (форум)

Слово *хуйло*, конечно же, образовано от слова *хуй* и передает отрицательную оценку. Изучение корпуса примеров показывает, что его вполне можно рассматривать как синоним упомянутого выше слова *уёбок*.

Когда конем управляю я, он в целом слушается, но даже по ушам его можно прочесть это самое Мнение: «А что это за *хуйло* там нокает? Он вообще, бля, кто такой?»

Дмитрий Горчев. Декабрь

Хуй знает, что на меня накатило, но я вдруг вспомнил, что я старое, нищее, стремное, никому не нужное и ничего не добившееся в этой жизни *хуйло*.

Социальная сеть «ВКонтакте»

Уж это-то я понимаю — тексты были говно, и вообще мне по секрету недавно сказали, что *хуйло* я, а не писатель.

Социальная сеть «ВКонтакте»

Новое в форме и грамматике нехорошего

Очевидно, что изменения в сфере обсценной лексики распространяются не только на

состав обсценных слов, но и на особенности произношения и, соответственно, написания. Как уже было сказано ранее, с конца 90-х годов XX века идиомы *на хуй* и *по хую / по хуй* в произношении переходят в фонетические формы *нах* и *пох*. Одновременно это оказывается способом эвфемизации, позволяющим в разговоре избежать произнесения нехорошего слова *хуй*.

— А в народе говорят...

— Слушай, пошел он *нах*, этот народ! То он меня с братом сравнивает, то с женой!..

Сергей Осипов. Страсти по Фоме. Книга вторая. Примус интер парэ

— Я же сказал: на будущей неделе сделаю.

— Но ты, бля, обязательно, *нах*, понял?

От интонаций азербайджанца Гусева покорило еще больше, чем от непрекращающихся завываний в динамиках.

Олег Дивов. Выбракровка

— Ну вчера тут деревья старые вырубил, шум был, тетки протестовали.

— Тебе не *пох*? — удивилась Русь.

— Не *пох*, история же.

Ноу Найн. Слухи про нее верны

Он очень любил свою родину, хотя работал простым инженером. По холодильным установкам. Однажды он приехал на дачу, выпил с горя водки, и у него не выдержало сердце. Папе-то было уже *пох*, а мне в два с половиной года весьма чувствительно.

Антон Уткин. Дорога в снегопад

Стяжение идиомы в одно фонетическое слово имеет для формы *пох* определенные грамматические последствия. В некоторых контекстах эта форма приобретает управление с предлогом *на*, что не свойственно идиоме *на хуй* (фраза *мне по хуй на него* нарушает правила грамматики даже в некодифицированном русском матерном).

Мне *пох* на политику и на думы все ваши с премьерями.

Антон Голицын. Ящик. История одного шоу

Ломоносов вообще из села глухого — и что... А если родителям *пох* на своих детей, то те и растут тупыми растениями.

«Я плакаль» (форум)

Не нравится — пользуйся другим оператором. Отвечаю: я и не жалуясь, просто рассказываю, какие они пидорги. У Ростелекома есть только одно преимущество — цена. В остальном они, повторюсь, пидорги, которым *пох* на клиента.

Отзыв о Ростелекоме

Весьма вероятно, что носители языка связывают форму *пox* с глаголами типа *плевать на кого-либо / что-либо, посрать на кого-либо/что-либо* и подобными, что способствует переносу модели управления по аналогии.

Сокращенный вариант идиомы *на хуй* — *наx* — претерпевает на наших глазах дальнейшую редукцию, превращаясь в *на*, что провоцирует игровые употребления.

Попутный в направление фиаско,
И не хватает душки-Сталина!
Маразм крепчал, и не напрасно!
Да и вообще — мы все устали на...
Владимир Гончаров. Устали на...

Если игровая часть предшествующего примера связана с аллитерацией форм *Сталина* — *устали на*, то следующий пример более изящен в том отношении, что порождает коммуникативную неудачу. Непонимание в телефонном разговоре возникает из-за омофонии — совпадения слов и словосочетаний по звучанию.

— Алена, это Яна!
— Я не Алена!!!
— А я не Яна. Просто-на я так-на разговариваю-на...⁸⁰

Поскольку паузы между словами в обычном разговоре отсутствуют, то *аллэ-на* звучит как имя собственное *Алена*, а словосочетание *я-на* адресат, не практикующий эвфемизм *на* в смысле *на хуй*, слышит как *Яна*.

Одно из характерных новшеств в сфере обценной лексики — изменение категориальной принадлежности слов (переход из одной части речи в другую). Так, глагол *ебать* в определенных контекстах стал употребляться в функции междометия. Приведем пример.

Зато я из-за этого поняла, что я люблю биологию, ахаха. До 9 класса у нас была так себе училка, которая на уроках по био просто отчитывала всех за какую-нибудь хуйню, пушто она была завучем. Потом в 10–11 классах у нас была другая училка. И *ебать*. Вот она действительно учила. Ей до пизды было, кто там с распущенными волосами, кто не так оделся, кто родителей в школу не привел.

Телеграм-чат для художников

По старшей норме вместо слова *ебать* в функции междометия употреблялись бы формы *ёб твою мать*, *ни хуя себе* или *блядь* (с сильным подъемом тона на первом или на единственном ударном слоге и долгим гласным звуком). Последнее выражение часто используется именно в таком значении.

Стоим. Молчим. Наверное, плачем. Он:
— Мишка, *ёб твою мать!* Ты — на фоне Парижа.
Михаил Козаков. Актерская книга

В социальных сетях слово *ебать* часто употребляется в видеоматериалах очевидцев, фиксирующих удивительные, неординарные события: неожиданный пожар, дорожное происшествие, взрывы и тому подобное.

— Смотри: летит, снижается, сейчас ёбнет! [Взрыв.] *Ебать!*
Телеграм-чат «Двач»

⁸⁰ Большое спасибо за эти примеры известному знатоку новых трендов в русском мате и вообще Ирине Борисовне Левонтиной. *Прим. авт.*

Не исключено, что такое употребление глагола *ебать* как-то связано с идиомой *ебать-колотить*, употребляющейся в той же синтаксической функции и близком значении.

— Я вообще из России.

— Ни хуя себе! Откуда? Небось из Москвы? *Ебать-колотить!*

Социальная сеть «ВКонтакте»

Отдельный интерес для грамматистов представляет новое матерное слово *ебейший*, по морфологической форме соответствующее превосходной степени прилагательного, в лексической системе не существующего:

В принципе люблю художницу Холи Равиоли, все ее работы *ебейшие*.

Telegram-чат для художников

При выходе из номера мы попали под *ебейший* дождь.

Генеральный интернет-корпус русского языка

Слово *ебейший*, судя по всему, успешно осваивается грамматической системой: на его основе возникло наречие *ебейше*, широко используемое в обценном дискурсе:

У меня чёт *ебейше* сегодня горло заболело.

Telegram-чат для художников

Почему все так *ебейше* сложно?

Генеральный интернет-корпус русского языка

Значение слов *ебейший* и *ебейше* мотивировано суффиксом превосходной степени, то есть это что-то очень хорошее, плохое или сильное: в приведенных примерах — очень хорошие работы художницы, очень сильный дождь, очень сильная боль, очень высокая сложность.

У слов *пизда* и *жопа* в младшей норме появляются предикативные употребления (то есть использование как сказуемого) и новое значение, которое в первом приближении можно описать как «плохо, конец, неудача» и так далее. В конструкциях такого рода появляется дательный падеж, указывающий на участника ситуации, испытывающего результат негативного воздействия.

— <…> Не надо меня пугать.

— Нет, я сейчас встану — и пиздец тебе.

— А я тебя не боюсь.

— Ну все. Сейчас тебе *пизда* будет.

Быра вскакивает и бежит в комнату. Слышно, как он дает своей бабе оплеухи, потом возвращается на кухню.

— Ну, давайте допьем.

Он разливает остатки самогонки.

Владимир Козлов. Гонники

В приведенном примере традиционное *пиздец тебе* соседствует с новым употреблением *тебе пизда*. Вот еще иллюстрации этого новшества.

Ну да, он знал этот физический закон: если в одном месте все сложится хорошо, то в другом — обязательно полная *жопа*.

Андрей Житков. Кафедра

Когда у одноклассницы ёбнулся телефон и она рыдала, ее успокаивал весь класс, а я подошел такой, посмотрел и сказал: «А, ну все, *телефону пизда* так-то».

Телеграм-чат для художников

Судя по всему, на основе нового значения слова *пизда* появилась идиома *по пизде* (часто в варианте *все пошло по пизде*):

Итак: мне 30 лет, у меня 500 000 р. в месяц, я не спал 7 лет, отдыхал 1 раз в год и отсыпался все выходные. Никакой личной жизни и времени на друзей. Здоровье *по пизде пошло*, нервы ни к черту.

Социальная сеть «ВКонтакте»

<...> еще почти на конце покраса поняла, что *все по пизде пошло*, блин.

Телеграм-чат для художников

Из приведенных контекстов употребления идиомы *по пизде* видно, что она описывает ситуации полного неуспеха, неудачи выполнения плана, достижения цели; плохого состояния, порчи чего-либо и тому подобное.

Слово *отъебись* в значении ‘отстань’ давно было известно в русском языке как форма императива (побуждения). В современном употреблении оно встречается в сочетании *на отъебись*, то есть ‘[делать что-либо] быстро и плохо, не обращая внимания на качество результата’.

Я работаю *на отъебись*, как и все здесь.

Телеграм-чат для художников

Ну да, если тебе это нужно, то ты выучишь, а если делаешь *на отъебись* (простите за мат), то даже за 20 лет не выучишь, наверное.

Телеграм-канал Rozetked Discuss

[Andrey Popomarenko, муж.]

Согласен, к «ланосу» хоть применимо слово «качество», ВАЗ вообще сделан «*на отъебись*», и так сойдет».

«Посоветуйте. Хочу купить машину» (форум)

Обнаруживается много нового в сфере функционирования идиом. Так, фраза *с какого хуя* (с вариантами *с какого хрена / хера*) стала встречаться в форме *с каких хуёв* без изменения значения.

Бля, ну чё за хуйня! Кто, сука, дал мой номер счета в «Яндексе» и приватный номер телефона? *С каких хуёв* кто-то имеет доступ к такой информации?

Живой журнал

Интересно, что это новшество не распространяется на эвфемизмы *с какого хрена / хера*: сказать *с каких хренов / херов* в нашей норме нельзя. Впрочем, в современном матерном словоупотреблении и такое бывает.

С каких хренов она ровняет мя с тупым племенем безмозглых девок своего столетия.

Генеральный интернет-корпус русского языка

С каких таких херов мне возвращать утерянный бонус?

Генеральный интернет-корпус русского языка

Аналогичный случай изменения формы при сохранении значения — идиома *ебать-копать* (в старшей норме — *ебать-колотить*).

Вот интересно, почему я обо всем-всем-всем узнаю так поздно? Оказываетца, в Афганистан еще в феврале отправился уже пятый контингент черногорцев! *Ебать-копать*, от 30 до 45 рыл отправляют уже, страшно сказать, третий год.

Социальная сеть «ВКонтакте»

Естественное направление развития обценного дискурса — грамматикализация кратких форм типа *блядь / бля, сука, ёпт* и подобных. В процессе грамматикализации слова теряют свои лексические значения — частично или полностью — и приобретают грамматические функции. Так, частица *мол* образовалась от глагола *молвить*, а, казалось бы, современные разговорные дискурсивные маркеры *грит* и *грю* представляют собой сокращенные формы от *говорит* и *говорю*: «Чё, — *грит*, — вам, недоумки, надо?» (Виктор Астафьев, «Пролетный гусь»); «Я ему: так ты ж, *грю*, козззёл, сам на русские уроки по средам уёбываешь» (Марина Палей, «Дань саламандре»). При кажущейся их современности они уже присутствовали в русском языке XIX века:

А они этак переглянулись и смеются... Дело было за ихним завтраком: блюдо почек и четверть на столе, все по форме. «Кому же, — *грят*, — ехать?» «Это, — *грю*, — вам ближе знать, а французинка готова в полной форме».

Дмитрий Мамин-Сибиряк. Клад

Обнаруживается явственная тенденция использования нехороших слов *блядь / бля, сука* как маркеров (показателей) темы и ремы. Тема — это то, о чем говорится в высказывании, а рема — то новое, что сообщается о теме. Например, в последовательности фраз *Виктор интересовался поэзией. Она составляла основной предмет его занятий* имя собственное *Виктор* образует тему первой фразы, словосочетание *интересовался поэзией* — ремю первой фразы. В то же время местоимение *она* во второй фразе оказывается темой, а словосочетание *составляла основной предмет его занятий* — ремой. Если говорящему хочется выделить эти коммуникативные категории в обценном дискурсе, то эта последовательность фраз будет выглядеть так:

Виктор, *сука*, интересовался поэзией, *блядь*. Она, *сука*, составляла основной предмет его занятий, *блядь*.

Сконструированная фраза выглядит как анекдот, а вот реальное наблюдение — разговор милых девушек на улице:

У нее, *сука*, куртка новая, *блядь*. С виду, *сука*, дорогая, но хуёвая, *блядь*. Я ей, *сука*, ничего не сказала, *блядь*.

Вот еще реальные употребления из «Национального корпуса русского языка»:

Шла Саша по шоссе, и тут, *сука*, взрыв, *нахуй*, кишки в стену, *блядь*.
Социальная сеть «ВКонтакте»

В приведенном примере форма *нахуй* разделяет тему и рему, дополнительно структурируя устный дискурс. В других контекстах конструкция *блядь / бя, сука* может использоваться для выделения иных категорий коммуникативной организации речи. При этом изменение порядка следования элементов порождает совершенно другую семантику. Сравните следующий пример:

Запыхавшаяся продавщица с гордостью протягивает тебе продолговатый апельсин.

— Это продолговатый апельсин.

— Нет же, нет, это кумкват, самый настоящий, попробуйте!

— Это, *блядь*, продолговатый апельсин, бесноватая ты *сука*, хули ты мне пытаешься впарить, тварь?!

Социальная сеть «ВКонтакте»

В данном случае слово *блядь*, грубо говоря, выражает комплекс негативных эмоций говорящего в связи с происходящим, а слово *сука* — негативную оценку продавщицы. Иными словами, нехорошие слова *сука* и *блядь* использованы независимо друг от друга и единой конструкцией не формируют.

Отметим, что нельзя утверждать, что такая грамматикализация — абсолютно новый феномен. Весьма вероятно, что и ранее некоторые обценные слова и их сочетания использовались в этой функции.

От конструкции *сука <...> блядь*, выделяющей тему и рему сообщения, следует отличать единое фонетическое слово *сука блядь* (часто в написании *сука бя*, а также с дефисом: *сука-блядь*, *сука-бя*), произнесение которого не предполагает паузы между словами *сука* и *блядь*. Причем ударение приходится на первый компонент фонетического слова, поэтому возможна фонетическая редукция последнего компонента *сука-бя*. Характерный коммуникативный режим употребления этого фонетического слова преимущественно фоновый.

А еще и брешете, что дефицит... Дефицит, *сука-бя* ...

Социальные сети «Городское тепло- и водоснабжение»

Всякие «сикреты дамахазяйке» не считаются. Еще я промолчу об обоях на потолке нашей комнаты. Оранжевые... *Сука блядь*, с блестяшками!!! Мне хочется рыдать, когда я смотрю вверх.

Социальная сеть «ВКонтакте»

Фонетическое слово *сука бя* также может использоваться для смыслового выделения фрагментов высказывания.

ВСЕМ! ВНИМАНИЕ! СЮДА! Лайкайте, засирайте новостную ленту к хуям собачьим. <...> — это блядский Schecter Diamond Series Blackjack ATX C-7⁸¹ (он, *сука бя*, белый! <...>), пили на нем невероятные соляки, ебашь жирнейшие рифаки, на нем можно делать все что хочешь, пальцам будет где разгуляться, ведь там, *сука бя*, 7 струн!!!

Социальная сеть «ВКонтакте»

⁸¹ Объявление о продаже электрогитары. Обращается особое внимание на ее белый цвет. *Прим. ред.*

В этом потоке сознания сочетание *сука бя* выделяет из множества почти беспорядочных аграмматичных форм (мы-то текст примера подсократили, чтобы облегчить участь читателя) что-то важное, что должно дойти до сознания собеседника: это цвет гитары — белый (*он, сука бя, белый!*) — и количество струн (*ведь там, сука бя, 7 струн!!!*).

Отметим, что последовательность компонентов фиксирована, то есть выражение *блядь сука* произносится с паузой и передает два различных смысла с негативной оценкой.

«Какой же мудень, господи, знал бы, что такое говно вырастет, — отдал бы всю власть Лимонову, вот честное слово!» «Не надо Лимонову», — вдруг робко проговаривает человек. «Ах, блядь, сука, Лимонова тебе не надо? А кого тебе, пидор, блядь, надо? Нет, подзалупник ты лошадиный, именно Лимонова тебе и надо, если Родину по-доброму любить не хочешь! Это твоя страна, мудилище, блядь!»

Социальная сеть «ВКонтакте»

В последнем примере слова *блядь* и *сука* написаны через запятую и передают две очень близкие, но различающиеся негативные эмоции: нечто вроде ‘выражая возмущение, будто бы вызванное нарушением принципов морали’ и ‘выражая недовольство чем-то плохим, как бы внутренне присущим источнику плохого’. Понятно, что это не точные определения, а лишь иллюстрации наблюдений о семантике и употреблении обсуждаемых нехороших слов.

Интересно, что словосочетание *сука блядь* стало мемом, причем не только в русскоязычной среде. В транслитерации *сука blyat* или *suka blyat* оно используется в языках европейского ареала в основном для выражения неудовольствия внезапно открывшимися негативными факторами развития ситуации.

«*Suka, blyat!*» he said, attempting to spit at Reece.
(Англ.: «Сука, блядь», — сказал он, пытаясь плюнуть в Рису.)
Jack Carr. Savage Son

Suka Blyat, filmt ihr das mit versteckter Kamera?
(Нем.: Сука блядь, вы это снимаете скрытой камерой?)
Slavik Junge. Vom Präsident zum Hartz IV

Предположительно, международную известность и статус мема выражение *сука blyat* или *suka blyat* приобрело после выхода широко известного в узких кругах кинофильма «Шестиструнный самурай» (Six-String Samurai). В нем советский генерал (актер — американский армянин Джон Саркисян) повторяет несколько раз одну и ту же фразу с отчетливым армянским акцентом (других не говорит): *Сукаблять козлы, куда вы идете, а?* — что переводится субтитром: «This will be harder than I thought» («Это будет сложнее, чем я предполагал»).

«Медная пизда», «ебать ту Люсю» и другие новшества

В обценном языке последних десятилетий обнаруживаются и новые идиомы. Так, появилось новое выражение *ху ева туча*, используется в значении ‘очень много’. Его употребление представлено в примерах ниже. В семантике этой идиомы, очевидно, присутствует образ, но внутренняя форма этого образа остается непрозрачной — это явно не туча, состоящая из пенисов, или туча, принадлежащая пенису.

И платят тебе 30 тыс. А! Ну еще все продукты, которые снимаешь в сюжете, на свои деньги покупаешь. Ну тебе потом Первый канал их отдает, но месяца через два. И для этого надо к каждому сюжету написать сценарный план и собрать *хуеву тучу* подписей.

Социальная сеть «ВКонтакте»

Представительный. Обожает руководить по телефону, способен обзвонить *хуеву тучу* народу и обговорить уйму дел, не вставая с кресла.

Социальная сеть «ВКонтакте»

23 октября. Вас действительно порадуют незамысловатые, но очень охуенные развлечения, активный отдых и импровизированные поездки. Эти выходные явно мимо не пройдут. Они подойдут, поздороваются и оставят после себя *хуеву тучу* нереальных впечатлений.

Социальная сеть «ВКонтакте»

Значение идиомы *хуевая туча* не передает оценку множества того, чего очень много, — то есть плохое оно или хорошее. Собирать *хуеву тучу* подписей — тяжело и неприятно, *обзвонить хуеву тучу* народу — нейтрально. *Хуева туча нереальных впечатлений* не может не радовать. Иными словами, оценка наводится контекстом и не фиксируется в значении самой идиомы.

Сравнительно недавно в разговорную речь вошла идиома *морищить жопу / попу*. В варианте *морищить попу* она описана в «Толковом словаре русской разговорной речи»⁸², причем количество значений довольно велико. Это выражение используется в разнообразных ситуациях. Например, когда приходится прилагать большие усилия, чтобы сделать что-то, работать (*морищил попу — вскапывал грядки*) или понять что-то (*морищил попу я тут как-то над механизмом открывания крыши*). Это выражение употребляется также в ситуациях, когда человек изображает задумчивость или дает понять, что чем-то недоволен.

Конечно, если вы настаиваете, я могу все время, как это называется в русском народе, *морищить попу*, то есть изображать такую крайнюю задумчивость.

***Дмитрий Быков*⁸³. Радиоэфир на «Эхе Москвы»**

Чаще всего эта идиома встречается в контекстах ярко выраженного недовольства.

Николя, арендодатель, *жопу морищил* конкретно, особенно не по нраву пришла ему установка отдельного счетчика.

Наташа Корнеева. Рио-де-Жанейро

— Так что перестань *морищить попу* и займись жратвой! Ты все поняла?

И Алине ничего не оставалось делать, как только скорбно сидеть рядом, из последних сил улыбаясь углами своего красивого рта.

Сергей Таранов. Черт за спиной

⁸² Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 3: П — Р / Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Издательский дом ЯСК, 2019.

⁸³ Признан иностранным агентом на территории РФ. *Прим. ред.*

Сначала директор станции, маленький сытый татарин с лысиной и брюшком, стал *морищить жопу* и говорить о престиже фирмы, но, когда я положил перед ним пятьсот долларов, тут же заткнулся и вызвал по селектору механика Шахмаметьева и сварщика Нигматуллина.

Борис Седов. Воровское счастье

Новые обценные формы часто возникают как результат контаминации нескольких выражений. Так, идиома *накрыться пиздой* и ее эвфемизм *накрыться медным тазом*, часто не осознаваемый носителями языка как производный от обценной идиомы, порождают новое выражение (далеко не эвфемизм) *накрыться медной пиздой*.

Как только какое-либо закрытое элитарное сообщество начинает думать про себя как про закрытое и элитарное, тут-то оно *медной пиздой* и *накрывается*.

Артеми́й Лебедев. Бизнес-линч

Индустрия, в которую засовывает свое жало [государство], *накрывается* в России *медной пиздой* очень быстро.

Форум DTF

Любителей халявы и кастомных прошивок позволю себе расстроить. Ваши надежды *накрылись медной пиздой*, поскольку гарнитура на данный момент работает только на оригинальной прошивке от 4.21 и выше.

Живой журнал

Идиома *накрыться медной пиздой* очевидно смеховая: перенос распространенной в разговорном языке формы *накрыться медным тазом*, основанной на образе предмета быта, в сфере абсурда, сочетающего несовместимое, приводит к карнавализации речи.

Набор эвфемизмов в языке часто меняется, поскольку они с течением времени теряют свои «защитные» функции (сравните цепочку обозначений: *уборная* — *сортир* — *клозет* — *отхожее место* — *руки помыть*). Новый якобы эвфемизм, тоже игровой природы, — идиома *пойти / послать козе в трещину*. По нашим ощущениям этот эвфемизм гораздо более непристойен, чем исходная форма *пойти / послать в пизду*, — по крайней мере, ничем не слабее последней. Если метафора в старой идиоме для практикующих нехорошие слова уже в значительной мере стерлась, то в новом выражении образ живой и красочный.

— А то, что про Улбосын мы забыли.

— А что с ней? — удивился Тулин, будто вспоминая, кто такая Улбосын.

— Она же наследница. Квартира по закону ее.

<...>

— Катька, что ли? Да *пошла* она *козе в трещину*, ничего она не получит, — горячо возмутился Тулин, будто только сейчас сообразив, о ком речь. — Да она отца родного не приехала хоронить!

Екатерина Манойло. Отец смотрит на запад

— Не, если надо, я могу занять немного, под восемнадцать процентов, квартира в залог...

— Ой, *идите* вы, Андрей Сергеевич, *к козе в трещину*.

— Не *к козе в трещину*, а в культурно-досуговый центр «Матрешка».

Константин Нагаев. Сорок тысяч. Антибиография

— &It;...> Марго, ты как? — Парень отвлекся на девушку, которая зашевелилась на полу.

— *Да шли бы вы оба козе в трещину*, педики!

— Ты базар-то фильтруй, марамойка! — угрожающе двинулся к ней Квадрат.

Макс Вальтер. Тлен

Комично выглядит, когда совершенно новая идиома появляется в речи персонажей давно ушедших эпох.

Иван скоренько прошел всю деревеньку. Камнями вслед никто не кидался, из-за угла не нападали, а еле слышные проклятия сводились к одному: «Чтоб все сахибы с перепадами настроения и неустоявшимися религиозными взглядами шли прямым путем *к козе в трещину!*» Подъесаул ускорил шаг.

Андрей Белянин. Казак в раю

Еще одна новая идиома — *ебать ту Люсю*. Она используется в современном общенном дискурсе для выражения досады и недовольства в связи с отрицательно оцениваемыми факторами ситуации, не вписывающимися в представление говорящего о нормальном устройстве мира.

Ёбаный в рот! Второй раз!!! Это, блядь, как говорил тот чукча из анекдота, уже тенденция. Что все это значит?! *Ебать ту Люсю!* Я что, и правда с ума схожу? Брежу наяву?

Сергей Мавроди. Сын Люцифера

Сколько же во мне бабского, *ебать ту Люсю*.

Алекс Шу. Записки партизана сцены

Ебать ту Люсю. Фитнес-клубы забиты под завязку. Все качаются в переполненных залах. Плавательные бассейны переполнены мокрыми телами. Все трутся друг об друга.

Иван Сергеев, Дим Пименов. Свиной бульон

Ебать ту Люсю, подумал я, теперь деньги Ивану надо отдавать за кастрюлю или новую покупать. У меня своей кастрюли не было, он разрешал варить в своей.

Андрей Киров. Приключения лимитчика в столице

Он оглянулся на вертолетчиков и разглядел, что все они тоже пили из расколотых кружек. О чем они разговаривали, сложно было разобрать; он только услышал, как один из них, пожилой, когда пролил пиво себе на куртку, спокойно сказал: «*Ебать ту Люсю*» — и стал отряхиваться тыльной стороной пухлой ладони.

Антон Уткин. Крепость сомнения

Приведенные примеры показывают, что форма *ебать ту Люсю* стала общепринятой и по семантике близка давно существующим идиомам *ёб твою мать*, *ёбаный в рот*, *ебать мой хуй*, а также словам *блядь*, *пиздец*, *охуеть* в одном из значений.

Встречаются примеры, в которых эта идиома употребляется в нестандартной форме — с расширением компонентного состава.

Ебать ту Люсю, что мне в отцы годится.
Телеграм-чат Rozetked Discuss

Появление таких альтернативных номинаций неудивительно: стирание экспрессивной семантики очень характерно для часто употребляемых выражений. Появляется необходимость в обновлении формы: новая форма привлекает к себе внимание и более успешно выражает экспрессивное значение.

Другая сторона этого явления — использование в речи окказионализмов (слов или фраз, сконструированных автором и используемых в рамках определенного контекста), которые отражают размывание неписаной нормы употребления обценных слов и идиом. Так, в примере ниже окказиональное выражение *ебать вашу дочь* с очень прозрачной внутренней формой включено в контекст, в котором возникает конкуренция между буквальным и переносным пониманием этого выражения, что порождает смеховой эффект.

Звонок в дверь. На пороге стоит мужик в пиджаке и с чемоданом:
— Сантехника вызывали, *ебать вашу дочь*?
— Да ты что, мужик, в своем уме?
Дверь захлопывается. Мужик:
— Ну и сидите без воды, *ебать вашу дочь*.

Коллекция анекдотов: абстрактный анекдот

Фраза сантехника *Ну и сидите без воды* указывает на то, что он использует рассматриваемое выражение как своеобразное слово-паразит «для связки слов», а жители квартиры увидели в этом агрессию и восприняли как прямую угрозу половой неприкосновенности.

В полной мере новые практики использования мата проявляют себя в речевых реакциях субъектов на ужасы «дивного нового мира». В посте из социальных сетей, который приводится ниже, новое и старое органично соединены.

— Вон оно, выброс идет, Жень. Пошел выброс, пошел-пошел, глянь. Бля, пошла.
— О, пошла, пошла-пошла. Пошла, блядь.
— Щас уебет.
— А-а-а!
— Фотографируй, фотографируй.
— Ебать! [Взрыв.] Ахуеть. Аж сюда запекло.
— Обана...
— [На фоне.] Тика ем нахуй.
— Та там пизда всем пацанам, кто там был, бля. [Заводится мотор.] Там все сгорели нахуй щас. Все сгорели нахер. Там всем пацанам кряк. Охереть.

В приведенном фрагменте разговора среди традиционных обценных способов выражения негативных эмоций по поводу происходящего ужаса (*бля, блядь, ахуеть*) обнаруживаются и новые: *ебать* («Ебать! [Взрыв.] Ахуеть. Аж сюда запекло») и слово *пизда* в функции предикатива с негативной семантикой («Та там *пизда* всем пацанам, кто там был, бля»). Старые и новые дискурсивные практики хорошо сочетаются, не порождая противоречий, непонимания или неоднозначности интерпретаций.

Русский народ не только целомудрен, как писал Достоевский, но и устойчив к негативным воздействиям. Сопротивляемость русского народа вошла в пословицы. *Нас ебут, а мы крепчаем!* — гласит известная народная мудрость.

Возможно, правы те, кто говорит — нельзя огульно обвинять в гомофобии народ, подаривший миру Чайковского и поговорку «Нас ***, а мы крепчаем»...

Виктор Пелевин. Любовь к трем цукербринам

*Нас ебут, а мы крепчаем
И того не замечаем,
Что, покуда нас ебут,
Годы лучшие идут.*

Игорь Иртеньев. Хозяйке на заметку

Тема не стареет: совсем недавно появились конкуренты этой мудрости. В современном обценном дискурсе, представленном в интернете и социальных сетях, широко употребительна поговорка *Нас ебать — только хуй тупить*.

Со временем солдат достигает той степени просветления, когда может сказать: «*Нас ебать — только хуй тупить*». И это святая военная истина.

Живой журнал

И пусть в 2025 году положительных эмоций станет больше! С праздничком. Ухожу на новогодние праздники! <...> И не забывайте: *нас ебать — только хуй тупить!*

Буси

Некоторые обценные идиомы вошли в речевое употребление из популярных анекдотов. В последующем такая связь теряется, что напоминает судьбу крылатых слов, которые из известных цитат переходят в разряд идиом или поговорок (например, идиома *жеребий брошен* — изначально цитата, приписываемая Юлию Цезарю). Новая обценная идиома *напихать / насовать хуёв в панамку* обязана своим происхождением анекдоту про мужика и маленькую девочку. В одной из версий этого анекдота девочка надоедала мужику дурацкими приколами типа: «*Дяденька, скажи “раз”!*» — «*Раз*». — «*Ты — пидорас! Ха-ха-ха!!!*» В конце концов мужик решил ей ответить в том же духе: «*Девочка, скажи “сто”*». — «*Сто*». — «*Сто хуёв тебе в панамку!*» — «*Так ведь не складно!*» — «*Вот сиди и складывай!!!*»

Смеховой эффект возникает здесь не только из-за абсурдности образа, но и в результате нарочитого понимания наречия *складно* как формы глагола *складывать*. Идиома *напихать / насовать хуёв в панамку* (с вариантом *напихать (полную) панамку хуёв*) широко используется в разговорном языке и Рунете:

Задашь кретинский вопрос, а тебе вместо того, чтоб культурно ответить, — *насут хуёв в панамку* и мудаком обзовут, ну нельзя же так!

Живой журнал

Видимо, опасается, что ему сразу *напихают полную панамку хуёв* в любом месте, где он не модератор.

Живой журнал

Панамку хуёв ему там в комментах *напихали*, надеюсь?

Социальная сеть «ВКонтакте»

В значении этой идиомы присутствует идея разнообразной критики в адрес провинившегося человека, которая имеет форму многократного вербального осуждения со

стороны одного говорящего или целой группы хулителей. Интересно, что семантика идиомы лишь частично наследует ситуацию речевого противоборства маленькой девочки и мужика из анекдота. Мужик своей неуклюжей репликой про панамку хотел ответить девочке языковой игрой в ее же духе. Получилось неудачно, но все равно обидно. Идея критики по принципу «сама дура» здесь в каком-то отношении присутствует, но возникающая идиома описывает более сложную ситуацию множественных упреков.

Эвфемизмы нехорошего и языковые игры

Обсценный дискурс органично включает в себя процессы эвфемизации, то есть замену нехороших слов на условно нехорошие: *фиг, хрен, хер* и подобные, а также — в письменном тексте — использование отточий, тире и других литер, полностью или частично заменяющих матерное слово. Эта письменная дискурсивная практика активно применялась в печатной традиции советского периода в академических изданиях классиков XIX века. Так, в полном собрании сочинений Александра Сергеевича Пушкина⁸⁴ используются и отточия, и тире.

Чтоб напечатать Онегина, я в состоянии — т. е. или рыбку съесть, или —
сесть. Дамы принимают эту поговорку в обратном смысле.

Александр Пушкин. Письмо П. А. Вяземскому, апрель 1824 г.

С утра садимся мы в телегу;
Мы рады голову сломать
И, презирая лень и негу,
Кричим: пошел!.

Александр Пушкин. Телега жизни

Практика такого способа эвфемизации в большинстве случаев не позволяет читателю восстановить то обсценное выражение, которое имеется в виду, поскольку количество замещающих знаков, как правило, не совпадает с количеством букв. Так, вполне понятно, что в письме Петру Андреевичу Вяземскому глагол *сесть* в данном контексте предполагает предложную форму *на хуй*, однако три коротких тире не соответствуют количеству букв предложного оборота. И совсем уж непонятно, что скрывается за тремя длинными тире после словоформы *состоянии*. Некоторые интерпретаторы полагают, что это словоформа *хуя*, то есть имеется в виду: «в состоянии хуя», но значение этого словосочетания нам неизвестно, если не считать медицинские контексты типа: «Батенька, у вас все более-менее нормально, но в состоянии хуя наблюдаются нездоровые тенденции».

Читателя ставит в тупик даже сама нотация: почему для замены нехороших слов в собрании сочинений Пушкина, изданном под эгидой Пушкинского дома в начале 1950-х годов, используются и длинные, и короткие тире, и отточия. Остается непонятным, с какой целью идиома *ебёна мать* в стихотворении «Телега жизни» заменяется шестью точками, а выражение *на хуй* в письме Вяземскому — тремя короткими тире.

Современные компьютерные технологии коммуникации, а также хранения и обработки речевых данных привели к радикальному изменению способов эвфемизации. Один из них — литуратив — описан Гусейновым в статье «Неполная коммуникация в блогосфере: эрративы

⁸⁴ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1951.

и литуративы»⁸⁵. Обсуждаемый феномен относится к письменному тексту. Под литуративом понимается зачеркивание того или иного фрагмента текста, который оставляет объект эвфемизации доступным для читателя, но при этом снимает с пишущего ответственность за написание чего-то признаваемого нежелательным по тем или иным причинам. По сути, это прием зловредного обнародования информации. Фактически намеренное зачеркивание — это вид троллинга, который сосредоточивает внимание читающего именно на зачеркнутом, то есть на том, о чем якобы нельзя говорить. Вот характерный пример:

Геннадий Юрьевич так и не понял, что, когда обосрался устроил безобразный скандал, лучше уйти в тину и молчать. Хотя бы какое-то время.

Телеграм-канал «Мардан»

В примере выше глагол *обосраться* написан с зачеркиванием. Эксплицитное, то есть явно выраженное, зачеркивание в интернет-коммуникации позволяет не отказаться от использования слова (словосочетания и прочего), а лишь изменить его прагматический статус, показав, что на самом деле думает автор текста, и продемонстрировать свою осведомленность о существовании норм этического и правового характера. Не менее часто эксплицитное зачеркивание используется по отношению к обценной лексике.

Гендиректор Apple Тим Кук заявил, что если вы хотите качать приложение из неофициальных источников, то вам надо пойти на хуй купить себе андроид и не нуть.

Телеграм-канал «Двач»

В последнем примере зачеркивание нехорошей идиомы *пойти на хуй* де-факто коммуникативно выделяет то, что реально думает автор поста, но делает вид, что он тоже против нехороших слов.

Более продвинутый способ в смысле технологии сокрытия обценного — «забеливание», «ретуширование» и подобные манипуляции с текстом, снимаемые одним кликом курсора мышки. Существенное отличие от зачеркивания состоит в том, что эксплицитно зачеркнутый текст в любом случае виден адресату, а при «забеливании» ответственность обнародования плохих слов и мыслей переносится на читателя: не хочешь — не кликай. Такая технология используется, например, в Национальном корпусе русского языка. Пользователь не увидит обценных слов, если он их не ищет:

Где Петр? Уволю ... в ... ! Платеж провела? Какого ... ты там сидишь, ... недоёбаная?! Всех на ... завтра же уволю! И т. д.

Сергей Боровиков. В русском жанре — 39. Больничное

Однако интересующиеся могут движением курсора мыши преобразовать такой фрагмент в аутентичный текст источника:

Где Петр? Уволю *нидараса* в *пизду* ! Платеж провела? Какого *хуя* ты там сидишь, *пизда* недоёбаная?! Всех на *хуй* завтра же уволю! И т. д.

Отметим, что НКРЯ тоже оказывается не вполне последовательным в эвфемизации, хотя и использует современные методы ухода от аморалки. Так, словоформа *недоёбаная* не

⁸⁵ Гусейнов Г. Неполная коммуникация в блогосфере: эрративы и литуративы. Режим доступа: <http://speakrus.ru/gg/litulative.htm>. О феномене литуративов см. также: Пиперски А. Ч., Сомин А. А. Преднамеренное зачеркивание в Интернете и его аналоги в различных коммуникативных средах // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 3: Экономические, гуманитарные и общественные науки. 2014. № 3. С. 63–69.

забеливается, демонстрируя специфический подход искусственного интеллекта к составу обценного.

Использование эвфемизмов сводится к двум семантическим операциям, которые можно представить следующим образом:

- 1) говоря S, я не произношу плохое X;
 - 2) я имею в виду плохое X,
- где S — произносимый эвфемизм, а X — обценное, неприличное слово.

С течением времени в процессе употребления ослабевает связь между S и X. Это может происходить в двух направлениях. С одной стороны, S само может становиться неприличным. Так, слово *хер*, изначально бывшее названием буквы кириллического алфавита, в качестве эвфемизма заменяло слово *хуй*, которое, как известно, и начиналось с буквы «хер», — намек был понятен каждому. Действительно, это как сегодня *послать на х* или *послать в п* или охарактеризовать некую даму как *известную б*. В современной речи *послать на хер* по степени грубости приближается к *послать на хуй*. И действительно, в «Толковом словаре русской разговорно-обиходной речи» Химика и слово *хуй*, и слово *хер* получают одинаковую помету — *скверносл.* (сквернословие), при этом слово *хрен* — только *сниж.* (сниженное)⁸⁶. Мы не уверены тем не менее, что лексему *хер* следует относить к тому же стилистическому регистру, что и слово *хуй*, однако использование одинаковых стилистических помет для квалификации слов *хуй* и *хер* имеет под собой определенные основания. Таким образом, слово *хер* сейчас нельзя рассматривать как удачный эвфемизм для лексемы *хуй* (не выполняется операция 1, поскольку плохое заменяется на плохое).

С другой стороны, связь между S и X может теряться в том отношении, что слово S перестает восприниматься как замена слова X. Так, глагол *трахать* не ассоциируется с обценной формой *ебать* и рассматривается носителями современного русского языка как автономная лексема. Аналогично слово *фиг* потеряло связь с матерным словом *хуй*. Так что и в этом случае успешная эвфемизация невозможна (не выполняется операция 2).

Дискурсивные практики в сфере эвфемизации также меняются. Здесь важно упомянуть два направления изменения (развития?) системы эвфемизмов русского языка.

Первое — возникновение новых эвфемизмов на основе уже имеющихся техник эвфемизации. К примерам такого рода относится довольно прозрачный эвфемизм *зуй* как результат замены первой буквы нехорошего слова, часто мотивированной близким расположением букв «х» и «з» на клавиатуре.

Неоколониализм не прошел. Немца просто послали *на зуй*. Посол Германии в Намибии пожаловался президенту этой страны на засилье китайцев.

Социальная сеть «ВКонтакте»

Смирись, товарищ, с судьбой своей,
Над трудностями не охай, не ахай,
Неси иль кати скорей и быстреей,
Либо пошлют *на зуй*.

Социальная сеть «Одноклассники»

⁸⁶ Химик В. В. Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи: в 2 т. СПб.: Златоуст, 2017. Т. 2.

Подобно элементам обсценной лексики, эвфемистические замены часто становятся инструментом языковой игры. Отметим, что в примере выше уже присутствует игровая семантика: строка *Либо пошлют на зуй* представляется автором как опечатка, возникшая из-за близости на стандартной клавиатуре клавиш «з» и «х». Действительно, рифма требует сохранения обсценной формы: *не ахай — на хуй*. Еще более развернутый пример языковой игры, основанной на близости букв на клавиатуре, представлен в известном анекдоте Дарьи Митиной «Бля Хуева». Приведем его для иллюстрации полностью.

Уважаемая компания «Джениус»!

Переместите на ваших клавиатурах букву **Ю** подальше от буквы **Б**, а букву **З** подальше от **Х**! Заранее спасибо. Юля Зуева.

Уважаемая Юля Зуева!

Настоятельно рекомендуем Вам выйти замуж и сменить фамилию (или взять обратно девичью, если вы замужем). Что же до имени, то имя Джулия Вам очень прекрасно бы подошло.

Уважаемая компания «Джениус»!

Моя девичья фамилия — Судакова, а буквы **С** и **М** на ваших гребаных клавиатурах тоже стоят рядом. И никакая я вам не Джулия!

Уважаемая Бля Хуева!

Не пойти ли Вам на зуй! Нам каждый день приходит туева хуча писем ото всяких судаков вроде Вас со всего света, юукв на всех не напасешься!

Не стремясь пересказывать соль анекдота — что, очевидным образом, бесполезно, — обратим внимание, что коллизия Юли Зуевой в том, что, даже поменяв свою фамилию на девичью (Судакова), в переписке она с высокой вероятностью время от времени будет представлять как Мудакова. Ответная реплика компании «Джениус» идеально выстроена на регулярных заменах букв, находящихся рядом на клавиатуре, — тенденция гиперболизирована, что воспринимается как достойный ответ на безумное письмо.

Второе направление эвфемизации связано с появлением новых технологий представления текста, в том числе в интернете. Рассмотренные выше литуратив и «забеливание» неприличных слов относятся к новым приемам эвфемизации. Дальнейшее расширение вселенной Гутенберга с неизбежностью приведет к появлению новых способов отстранения говорящего от нехорошего в речи — как нарочито иронического, так и искреннего.

* * *

Изменение и даже, прости господи, развитие обсценной лексики и обсценного дискурса существенно не отличаются от аналогичных тенденций в русском языке в целом. Меняется лексический состав, происходят преобразования в грамматической системе — постепенные, поскольку нормирование и кодификация консервируют феномены старшей нормы, но неотвратимые. Язык описывает реальность, а реальность меняется — часто очень радикально. Язык, отражая дивный новый мир (*brave new world*⁸⁷), становится другим языком, иногда трансформируясь в новояз. Впрочем, это уже другая тема.

Обратим внимание на другое: сформулированный, вполне тривиальный тезис важен в том отношении, что сфера обсценного является не заповедником безнравственности и греха, возникшим из-за подрывной деятельности то ли татаро-монголов, то ли англосаксов. Она представляет собой органичную часть русского языка и отраженного в нем взгляда на мир,

⁸⁷ Название романа-антиутопии английского писателя Олдоса Хаксли *Brave New World*, опубликованного в 1932 году; в романе описывается ужасающий мир будущего.

которая расширяет речевой инструментарий выражения смыслов и эмоций «по-нашенски» — по-русски. Гонителям «матизмов» и «обсценизов» соболезнуем.

Глава 5. Право мата

Мат по закону и по понятиям. «Артистический» мат. Обсценный дискурс *par excellence* — мат по-армейски. Как помочь отправлению правосудия

Тема права уже затрагивалась на страницах этой книги, что вполне закономерно. В основе права лежит мораль, а появление запретных слов во многих ситуациях общения осуждается именно по моральным основаниям. Нормы права отражают — часто весьма причудливо — моральные представления социума. Неудивительно, что некоторые новеллы законов прямо запрещают использование нецензурной лексики. Так, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП) запрещает организацию публичного исполнения произведений литературы, искусства и других, если они содержат нецензурную брань (ст. 6.26 КоАП); запрещено распространение таких произведений без специальной упаковки и текстового предупреждения (ст. 6.27 КоАП). Разумеется, наказание воследует за нецензурную брань в общественных местах (ст. 20.1 КоАП). Существуют и другие запреты: введены санкции за нецензурную брань в интернете, требование модерирования постов в социальных сетях (с посещением более 500 000 пользователей) и прочие. Интересующиеся легко найдут полное исчисление соответствующих законодательных новелл, побеседовав с нейросетью GPT.

Между тем проклятые слова прокляты для всех, а не только для приверженцев обсценных дискурсивных практик. Русская матерная речь оказывается проблемой и для правоприменителей. Один из авторов книги — судебный эксперт⁸⁸. Ниже рассматриваются два кейса (по-простому — случая) из его практики посильной помощи правосудию.

Случай с розовой кофточкой

Причем присовокупил безнравственное выражение в смысле простонародного ругательства, о чем и имею честь донести.

Антон Чехов. Затмение луны

В мае 2004 года известный российский певец Филипп Бедросович Киркоров проводил вместе с Анастасией Александровной Стоцкой пресс-конференцию в Ростове-на-Дону. Одна из журналисток — Ирина Михайловна Ароян — спросила Киркорова о причине большого количества ремейков в его репертуаре: «Чем обусловлено столь большое количество ремейков в вашем репертуаре? Это нехватка новых мелодий, новых авторов?..»⁸⁹ Надо сразу сказать, что вопрос был провокационным, поскольку предполагал, что количество ремейков у Киркорова велико. Действительно, отвечая на вопрос о причине, Киркоров соглашался бы со злоупотреблением ремейками как с фактом⁹⁰. А предположение о нехватке новых мелодий и новых авторов подлило масла в огонь. Именно это и вызвало крайне негативную реакцию со стороны певца и породило впечатляющий скандал.

⁸⁸ Данная глава написана доктором филологических наук Анатолием Николаевичем Барановым. *Прим. авт.*

⁸⁹ Здесь и далее используется транскрипт пресс-конференции, представленный в «Рувики»: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Скандал_Киркоров_—_Ароян.

⁹⁰ Это прием навязывания пресуппозиции, широко используемый в различных видах речевого воздействия, в частности в рекламе. Например, рекламный текст «Почему наш банк входит в число трех лучших банков России» предполагает, что банк таки входит в указанное число, хотя на самом деле это совсем не очевидно. Подробно прием навязывания пресуппозиции описан, в частности, в книге: Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста. Теоретические основания и практика. М.: Флинта, Наука, 2011. *Прим. авт.*

Киркоров: А назовите, пожалуйста, количество ремейков в моем репертуаре, кроме «Ой, мама, шика дам» и «Вива ля дива»? (*Заметив, что на него наводят фотокамеру, Киркоров нарочно таращит глаза в объектив. Журналистка несколько смутилась.*)

Ароян: Я так сразу, навскидку не назову...

Последовало настоятельное — и вполне законное — требование доказательств.

К.: Ну так вы же отвечайте за свои слова. <...> Секундочку, вы отвечайте за свои слова — я буду отвечать за свои. Значит, начнем сначала. «Атлантида» — собственная песня? Собственная песня? Что вы меня фотографируете? Вы слушайте! «Атлантида». Дальше. «Ты, ты, ты» — чья песня, кто исполнял? «Небо и земля» кто исполнял? Дана Интернешнл? Таркан и Рики Мартин, а? Дальше. «Зайка моя» — кто? «Марина», «Я поднимаю свой бокал»...

А.: Вы великий... (*Попытка журналистки смягчить накал страстей не удалась.*)

К.: Да я знаю, что я великий! <...> Ремейки делать. (*Ароян продолжает щелкать фотоаппаратом.*) Я не хочу, чтобы вы меня фотографировали! Вы мне надоели. Меня раздражают ваша розовая кофточка, ваши сиськи и ваш микрофон. Да. А?

А.: Вы не против того, что я так и напишу?!

К.: А? Да мне... да мне *по хую* , как вы напишете, — так же, как и вы! Я не люблю про... непрофессионалов: непрофессионалам тут делать нечего. <...> А вы отсюда уйдете!

А.: Почему вы так себя ведете?

К.: Все, взя ла и ушла отсюда.

А.: Я, как и вы, на работе.

К.: Встали и ушли!

А.: Вы считаете, что это нормально?..

К.: Да, я считаю — нормально. Встала и ушла отсюда! Ремейков ей, видите ли, большое количество... На пресс-конференции к звездам надо приходиться подготовленными, а не так, как вы: вчера у подворотни, а сегодня здесь, на втором ряду.

А.: «У подворотни» — это...

К.: Все, до свидания!

А.: Хорошо, до свидания! <...> А вы научитесь себя прилично вести! «Звезда»!..

К. (рифмуя): Да... *Пизда!*

В пространной дискуссии между Киркоровым и Ароян (здесь она воспроизводится фрагментарно) обценных слов не так много: идиома *по хую* и слово *пизда*. Однако в целом впечатление создается крайне негативное: звезда российской эстрады переходит границы приличий. Собственно, сам факт использования обценной лексики на публичном мероприятии — пресс-конференции — даже по тем «вегетарианским» временам был нарушением административного кодекса. Передразнивание реплик Ароян, говорившей с некоторыми фонетическими особенностями южнорусских говоров, по нынешним временам вообще тянет на разжигание межнациональной розни (шутка).

К. (передразнивая южный говор Ароян): До свидания, да свиданья!!! Гаварите сначала, да... Научитесь говорить сначала по-русски, да... до свиданья, все.

Скандал приобрел вселенский масштаб, поведение Киркорова широко обсуждалось в СМИ. Даже летний сезон отпусков и всеобщей расслабленности не снизили накал страстей. Я случайно услышал часть пресс-конференции, поскольку ее фрагменты воспроизводили основные российские СМИ, и отметил для себя, что, несмотря на все безумие состоявшегося блистательного дискурса (прямо в театр — будут аншлаги), придраться особенно не к чему, возможен только штраф в рамках КоАП. Да и по КоАП истцам не успеть: срок давности очень небольшой.

Когда ко мне обратились адвокаты Киркорова и выяснилось, что подан иск по оскорблению, то я был несказанно удивлен. Дело в том, что оскорбление тогда подпадало под ст. 130 ч. 2 УК РФ, то есть «Оскорбление, содержащееся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации».

Согласно этой статье, оскорбление определялось как «унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме». Кроме того, юридическая интерпретация оскорбления предполагала (и предполагает сейчас) направленность выраженной отрицательной характеристики на конкретное лицо. Не буду приводить соответствующую практику по этим делам, но она есть (читатель может мне поверить). Между тем в состоявшемся феерическом обмене мнениями реплики с обценными словами не передают негативной характеристики Ароян, — или, по крайней мере, это практически невозможно доказать.

Действительно, в реплике «А? Да мне... да мне *по хую*, как вы напишете, — так же, как и вы! Я не люблю про... непрофессионалов: непрофессионалам тут делать нечего. <...> А вы отсюда уйдете!» Киркоров адресует Ароян отрицательную характеристику — непрофессионализм. Для сообщения этой характеристики используется слово литературного русского языка — *непрофессионал* (в формах *непрофессионалов, непрофессионалам*). Однако эта характеристика не выражена в неприличной форме, поскольку передана словами принятого литературного стандарта. С другой стороны, обценная идиома *по хую* не приписывает Ароян никаких отрицательных характеристик: она в данном фрагменте употреблена в значении «все равно, неинтересно, безразлично». Иными словами, Киркорову безразлично, что о нем напишет журналистка. Продолжение фразы *так же, как и вы* указывает на то, что говорящему безразлична и сама журналистка.

Другая реплика Киркорова, подозрительная в смысле характеристики Ароян в неприличной форме, содержит матерное слово *пизда*.

А.: А вы научитесь себя прилично вести! «Звезда»!..

К. (рифмюя): Да... *Пизда!*

В приведенной реплике слово *пизда* (в речевом акте, состоящем из этого же слова) допускает две различные интерпретации. В первом случае Ароян приписывается некоторая характеристика, и она выражена в неприличной форме.

Во втором понимании речь идет о языковой игре, основанной на рифме со словом *звезда* из предшествующей реплики Ароян. Такой обмен «любезностями» напоминает ситуацию вялой семейной перебранки: «Когда же ты наконец, блин, вынесешь мусор?» — «Мусор-хуюсор». В последнем случае участники непринужденной беседы скорее выражают неудовольствие друг другом, чем обмениваются взаимными оскорблениями.

Поскольку реплика Киркорова состоит из одного слова — очень нехорошего — и следует после частицы *да* в значении согласия, по контексту невозможно установить, что конкретно имеется в виду — приписывание негативной оценки или языковая игра. Непонятно также, к кому относится эта оценка: строго говоря, *звезда* в данном контексте — Киркоров, но тогда нехорошее слово говорящий может адресовать самому себе — в порядке самокритики, так сказать.

Если серьезно, то определить, кому адресовалась подобная неприличная оценка, можно было бы по видеозаписи пресс-конференции. Однако подробная судебная экспертиза с анализом видеоматериалов, с сопоставлением вербального и невербального поведения участников (типичный способ исследования речевого общения в дискурс-анализе) назначена не была.

Еще один пункт обсуждаемого дела — слово *сиськи*.

К.: <...> Я не хочу, чтобы вы меня фотографировали! Вы мне надоели. Меня раздражают ваша розовая кофточка, ваши *сиськи* и ваш микрофон. Да. А?

Слово *сиська* квалифицируется в толковых словарях русского языка как просторечие⁹¹. В приведенной реплике слово *сиськи* употреблено с той же стилистической окраской. Заметим, что изменение стилистических характеристик слов в принципе возможно, но это очень редкий случай и зависит скорее не от контекста, а от значения. Так,

⁹¹ Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1988. Т. IV.

идиома *сумасшедший дом* в значении 'место пребывания и лечения сумасшедших' относится к нейтральному слою фразеологизмов, а в значении «беспорядок» — к идиомам разговорного стиля речи. В данном случае значение слова *сиська* не меняется и сохраняет свои стилистические характеристики. Таким образом, форму выражения смысла нельзя рассматривать как неприличную, да и негативной оценки журналистки здесь нет, хотя отношение Киркорова к ней передано очень ярко.

Наконец, еще один пункт обвинения — метафора ПОДВОРОТНИ, использованная Киркоровым.

К.: <...> На пресс-конференции к звездам надо приходиться подготовленными, а не так, как вы: вчера у *подворотни*, а сегодня здесь, на втором ряду.

Действительно, слово *подворотня* в рассматриваемом контексте употреблено как метафора. Как известно, метафора представляет собой способ осмысления одной сущности в терминах другой, в основе которого лежит идея сходства, уподобления одной сущности другой⁹². Метафоры в тексте имеют различные семантические следствия, которые определяются характером ситуации общения, ситуацией, описываемой в высказывании, и другими факторами. Так, метафора «народ / общество — это стадо» часто используется в современной публицистике для смыслового выделения идеи несамостоятельности, покорности, поскольку знания о мире говорят нам, что стадо животных (например, коров, овец и других) управляется пастухом.

...Мы вновь, как в недавние времена, являемся лишь бессловесным *стадом* для экспериментальных губительных игр «верхов».

Журнал «Молодая гвардия»

В спорном фрагменте слово *подворотня* как метафора может влечь различные семантические следствия: от осмысления подворотни как места обитания маргинальных слоев общества (в частности, женщин с низкой социальной ответственностью) до сопоставления с поклонницами, ожидающими артиста у запасного выхода из театра. Последнее вряд ли, но формально этому ничто не противоречит.

Само по себе слово *подворотня* не относится к числу неприличных. Иными словами, метафора подворотни может рассматриваться как что-то неприличное и, соответственно, как оскорбление только в контексте явного следствия, включающего бранное, неприличное или обценное выражение, например слово *проститутка*. Очевидно, однако, что при негативном понимании обсуждаемой метафоры с тем же успехом можно предположить и другие варианты негативно-оценочных лексем, обозначающих представителей низов общества, обитающих в подворотнях, — *пэтэушница*, *бомжиха*, *алкоголичка* и прочие. Разумеется, они несут явный негативный смысл, но квалифицировать их как неприличную форму выражения все-таки нельзя. Многообразии семантических следствий из метафоры не позволяет однозначно указать на то или иное понимание, а однозначность понимания для судебной лингвистической экспертизы — условие *sine qua non*⁹³. Неопределенность семантического следствия оказывается в данном случае решающим фактором при оценке реплики Киркорова в судебной экспертизе: она не могла рассматриваться как оскорбление в смысле ст. 130 УК РФ.

⁹² Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004, с. 27; Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969.

⁹³ *Sine qua non* — в юридической практике какое-либо обстоятельство, при котором определенное действие считается причиной вреда или правонарушения, без которого вред или правонарушение не возникли бы. *Прим. ред.*

Основная коллизия данного дела, вызвавшая бурную реакцию российского общества, заключалась в очевидном расхождении между законодательством и обыденными представлениями носителя русского языка⁹⁴.

Действительно, представим себе такую ситуацию. К чиновнику приходит пожилой человек для получения некой справки. Он ждет в очереди несколько часов, а когда заходит в кабинет, то чиновник (или чиновница) в ответ на предъявляемые посетителем совершенно законные претензии сообщает, что приемное время закончилось. Является ли это оскорблением? В обычном смысле — весьма вероятно.

Однокоренные слова литературного русского языка *оскорбительный*, *оскорбление*, *оскорбительно* используются в различных ситуациях, не имеющих отношения к оскорблению в юридическом смысле.

Как держать себя в таких случаях: пройти мимо, сделав вид, что не узнали, — противоестественно, но естественно ли здороваться, не будет ли это принято за подобострастие, не получим ли мы в ответ безразличный взгляд и *оскорбительно* -вельможный кивок?

Владимир Тендряков. На блаженном острове коммунизма

Румата *оскорбительно* засмеялся.

— Возьмите, — сказал он, косясь на окно. — Взять его!

Аркадий и Борис Стругацкие. Трудно быть богом

Однажды вождь западников пренебрежительно отозвался о русском квасе. Хотя квас в Партграде давно исчез, вождь славянофилов заявил, что он такое *оскорбление* русского национального достоинства стерпеть не может.

Александр Зиновьев. Катастрожка

Очевидно, что в описываемых здесь ситуациях не идет речь об оскорблении в смысле закона, хотя и кивок чиновника, и смех Руматы оскорбительны в бытовом смысле, на что указывает наречие *оскорбительно*. С другой стороны, пренебрежительная оценка русского кваса также воспринимается в идеологизированной картине мира вождя славянофилов как *оскорбление*. Во всех этих случаях нет никаких признаков оскорбления в смысле прежней ст. 130 УК РФ.

В дальнейшем, обсуждая с разными лингвистами и правоведами дело Филиппа Бедросовича, я натолкнулся еще на одно интересное соображение, которое поначалу выглядело как слабое и несущественное для аргументации по делу «Арьян против Киркорова». Один весьма поднаторевший коллега, ментально потрепав автора этих строк по плечу, сказал: «Старик, ты там перемудрил. Любое научное слово в твоём тексте воспринималось как хорошо заплаченная отмазка звезды. Никто поэтому даже не заметил, что ты допустил возможность наличия оскорбления. Ты бы лучше по-простому написал: не подумайте, мол, плохого, это у них там, у звезд эстрады, так принято говорить, это у них речекряк такой». Иными словами, нормы речевого общения у каждой социальной группы свои, и в данном случае такая дискурсивная практика является нормой. Я поначалу отверг такой аргумент. Действительно, перенос дискурса одного типа в дискурс совершенно другого типа, вот так сразу, не говоря худого слова, — вернее, очень даже говоря, — вполне тянет на 130-ю статью. Например, фраза *Эй ты, мудака, куда лестницу-то дел?* в контексте строительного ремонта или при обращении старослужащего к «черпаку» (новобранцу или

⁹⁴ Разумеется, были и другие, чисто прагматические факторы, обусловившие столь резкую реакцию, о которых, однако, не имеет смысла говорить в рамках данной работы. *Прим авт.*

солдату первого года службы) выглядит совершенно органично. Однако в университетской библиотеке с древними высокими стеллажами, требующими использования лестницы (такие еще очень даже сохранились), вряд ли будет признана уместной и при наличии свидетелей может повлечь соответствующие правовые последствия. Аналогично нормы общения звезд между собой не могут быть перенесены на публичное мероприятие — на пресс-конференцию.

Между тем такой аргумент реально использовался в схожем деле. Станислав Юрьевич Садальский в интервью назвал известную певицу Азизу Абдурахимовну Мухамедову (сценический псевдоним Азиза) *блядь*, причем, в отличие от разобранный выше случая, контекст употребления этого слова не оставлял никаких сомнений: возмутительная номинация была адресована именно певице.

Во время застолья Игорь признался, что ему очень нравится Азиза... Поэтому, узнав о трагедии в Ленинграде, я поклялся, что никогда не буду общаться с этой *блядь*ю.

Станислав Садальский. Интервью «Презирая смерть, или Скандальные откровения Азизы в крещенскую ночь»⁹⁵

Авторы официальной экспертизы в качестве основного выдвинули следующий аргумент: читатели данной газеты относятся к людям специфической субкультуры, они ждут именно таких выражений, это для них норма.

Вывод экспертизы был таков: «Сам стиль “Экспресс-газеты” и публикации в ней, по нашим наблюдениям, позволяют автору более свободно обращаться со словом, в каком-то смысле считать, что слово *блядь* для круга читателей “Экспресс-газеты” не бранное, а свое, житейское, находящееся на самой грани просторечной лексики»⁹⁶.

Прокуратура дело прекратила. Интересно, какое бы решение принял суд, если бы делу дали ход. Была бы возможность сравнить судебную практику. В принципе, судебное дело «Арьян против Киркорова» и несостоявшееся разбирательство «Мухамедова против Садальского» в существенных чертах очень близки. Более того, в случае с певицей Мухамедовой оскорбление куда более очевидно. Правда, ролевая структура дел совершенно разная: в деле Азизы, хотя и оскорблена женщина, она — певица, а не журналистка. Случай Азизы был практически проигнорирован и СМИ, и общественностью.

Тему можно закончить строками из комментария Андрея Александровича Черкизова на «Эхе Москвы» по поводу дела Киркорова, которые фактически воспроизводят этот, как оказалось, неубиенный, хотя и теоретически сомнительный аргумент.

Другой эксперт по делу против Киркорова — профессор Баранов из Института русского языка РАН — считает, что слово «сиськи» вполне допустимо в обиходной речи. Но я вполне могу предположить, что дама-журналистка предпочла бы слово «грудь» или, к примеру, «молочная железа». В любом случае это только и только ее проблема. Так что дело не в словах. *Дело в поведении, в отношении к собеседнику. И дело в собеседнике — знаешь ведь, с кем разговариваешь! Хочешь рисковать — рискуй. Такая у нас профессия.*

Андрей Черкизов. Реплика от Черкизова⁹⁷

⁹⁵ Экспресс-газета, 1998. № 3.

⁹⁶ Авторы экспертизы: Ю. А. Сафонова (тогда ГЛЭДИС) и Н. А. Фатеева (ИРЯ РАН). Текст этой экспертизы полностью воспроизведен в книге: Баранов А. Н., Бельчиков Ю. А., Сафонова Ю. К., Шварцкопф Б. С. Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. М., 2001. С. 29–33.

⁹⁷ В полном виде реплика Черкизова сохранилась в «Живом журнале»: <https://filkovska.livejournal.com/47391.html>.

Р. С. Феерический судебный кейс с участием Ароян и Киркорова состоялся в те времена, когда действовала ст. 130 УК РФ, впоследствии отмененная. С тех пор оскорбление для обычных граждан перешло в ст. 5.61 КоАП РФ и получило расширенную формулировку: «Оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме». В предыдущей версии — в ст. 130 УК РФ — определение оскорбления было более лаконичным — «унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме». Старая формулировка более формальна, хотя понятие «неприличная форма» тоже далеко от идеала точности. Привнесение норм морали («противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме») предполагает, что вместо более или менее формальной категории неприличной формы суд должен оперировать понятиями морали и нравственности. Стремление включить в законодательство моральные нормы вряд ли приведет к нужному результату — объективности принимаемых судебных решений.

Значительная часть моральных установлений должна оставаться в сфере неформального общественного договора и регулироваться на уровне частной и публичной коммуникации. Отказ пожимать руку часто куда эффективнее, чем судебный приговор, — в том числе и в рассмотренном деле.

Случай в карауле⁹⁸

Поскольку времени немного,
Я вкратце матом объясню.

Владимир Вишневский. Двустышья

Три армейских товарища заступили в караул, — не будем уточнять, где, как и когда. Для краткости будем их назвать Майор, Капитан и Лейтенант и писать с прописной буквы как имена собственные. Как водится, разожгли мангал, нанизали на шампуры шашлыки, открыли бутылку и наполнили рюмки (может, стаканы — несущественно). Ну и так далее... Выбрав свою норму, Майор пошел спать в каптерку, а оставшиеся продолжили. Что произошло дальше, науке и практике достоверно неизвестно, только дежурный по части глубоко ночью был побеспокоен телефонным звонком. Сняв трубку, он услышал голос, в котором не без труда узнал Капитана. Тот, очевидно экономя время, кратко сообщил: «Я ёбнул Лейтенанта» — и прервал связь.

Прибыв на место, дежурный обнаружил Капитана в невменяемом состоянии, сидящим возле каптерки. Единственные слова, которые он произнес, были: «Там *пизда*, лучше не заходи туда». В каптерке на полу около стола лежал труп Лейтенанта, рядом с телом валялся табельный пистолет последнего. На столе в живописном беспорядке были разбросаны остатки безыскусной армейской трапезы: бутылки, стаканы, хлеб, огурцы, помидоры, шампуры и прочие принадлежности для возлияния. За перегородкой мертвецким сном спал Майор, так и не проснувшийся за все время смертельного перформанса.

Дежурный по части позвонил куда надо. Кто надо прибыли на место в течение пары часов. Расспросы Капитана поначалу не дали результата. Лишь утром компетентным органам удалось допросить единственного свидетеля, который мучительно соображал, где он находится и что с ним — и не только с ним — случилось. Судя по первым допросам, Капитан признавал, что незнамо как — память отрезало — убил Лейтенанта. Однако не мог объяснить, почему единственный выстрел был произведен из табельного оружия жертвы, а

⁹⁸ Ничего такого не было, а если и было — не в нашем районе. *Прим. авт.*

не из пистолета самого Капитана. Оставалось загадкой и расположение тела: никакие разумные версии схватки или, наоборот, хладнокровного расстрела не объясняли результат. Следы перемещения трупа отсутствовали. Отпечатки пальцев на рукояти и стволе пистолета были недостоверны, поскольку принадлежали самым разным людям. Увы и ах, пистолет не был изолирован в самом начале и не был помещен в пакет для улики как доказательство.

В довершение всего через несколько дней подследственный отказался от первоначальных показаний и вспомнил, что курок не нажимал, что возникла потасовка и Лейтенант случайно сам выстрелил в себя. Следы пороха на смывах с кистей рук подследственного были неинформативны. На таком следственном фоне и при бедности доказательств возник вопрос о значении лаконичной фразы «Я ёбнул Лейтенанта». Действительно, *ёбнул* — это убил? Иными словами, по горячим следам признание в убийстве имело место? Небезынтересна и семантика реплики «Там *пизда*, лучше не заходи туда». Указывает ли слово *пизда* в данном употреблении на смертоубийство?

Начнем с нехорошего глагола. В моем матерном идиолекте глагол *ёбнуть* не имеет значения ‘убить’. И действительно, в имеющихся словарных источниках, к которым квалифицированный лингвист может испытывать минимальное доверие (в академических и нормативных изданиях мата-перемата, как известно, нет), такое значение у обсуждаемого слова не выделяется. В известном словаре разговорной речи Василия Васильевича Химика глагол *ёбнуть* описывается следующим образом⁹⁹.

ЁБНУТЬ., *св, однокр. Скверносл. Дисф.* Совершить резкое энергичное действие. 1) *кого (чем)*. Сильно, резко ударить, неожиданно стукнуть, прозвучать. (≈ БАХНУТЬ...). *Ё-л молотком по пальцу. | Меня вчера током ё-ло.* 2) *что*. Украсть, стащить у кого-л. что-л. (обычно о мелких вещах, деньгах). (≈ СТЯНУТЬ...). *На минутку только оставила сумку на скамейке и тут же ё-ли, ну что за народ?!* 3) Выпить залпом, лихо (обычно о спиртном). *Ё. стопку водяры*¹⁰⁰.

Из приведенной словарной статьи легко понять, что глагол *ёбнуть* имеет три значения: 1) ‘сильно, резко ударить, неожиданно стукнуть, прозвучать’; 2) ‘украсть, стащить у кого-либо что-либо (обычно о мелких вещах, деньгах)’; 3) ‘выпить залпом, лихо (обычно о спиртном)’. Первые два значения у обсуждаемого глагола выделяются также в словаре Валерия Михайловича Мокиенко и Татьяны Геннадьевны Никитиной¹⁰¹:

ЁБНУТЬ (ЕБНУТЬ), *сов. однокр. Общ. Грубо-прост.* 1) *кого*. Сильно (и часто неожиданно) ударить кого-л. 2) *у кого что*. Украсть у кого-л. что-л.

Все три значения слова *ёбнуть* подтверждаются корпусными данными — представительными коллекциями текстов современного русского языка, а также примерами общения в социальных сетях. Так, поиск в НКРЯ — по коллекции художественной литературы и текстам социальных сетей — позволяет выявить следующие примеры.

1. Сильно, резко ударить, неожиданно стукнуть, прозвучать.

Я смотрел на этого человека и думал: он очень удобно сидит, чтобы сейчас, например, вынуть мельхиоровый половник из супницы и *ёбнуть* ему этим половником по лбу.

Игорь Сахновский. Острое чувство субботы

⁹⁹ Здесь и далее в этой главе словарные статьи даются в сокращении. *Прим. авт.*

¹⁰⁰ *Химик В. В.* Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи: в 2 т. СПб.: Златоуст, 2017. Т. 1.

¹⁰¹ *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Русское сквернословие. Краткий, но выразительный словарь. М.: Олма, 2008.

Думаешь, ты один умный? Гриша, *ёбни* ему.

Владимир Козлов. Бергман

2. Украсть, стащить у кого-либо что-либо (обычно о мелких вещах, деньгах).

Алексей, в том-то и дело, что списания нет — там просто *ёбнули* деньги.

Социальные сети

3. Выпить залпом, лихо (обычно о спиртном).

Ни от них, ни от него я не слышал ничего об их досуге, кроме того, как они погудели, сколько бутылок водки *ёбнули* и какие с ними были телки.

Вадим Ярмолинец. Свинцовый дирижабль «Иерихон 86–89»

Сидим и слушаем блатняк на магнитофоне.

— Давай *ёбнем* по одной, — говорит Обезьяна. — А то тут охуеешь, пока дождешься их.

Владимир Козлов. Гонники

Из предоставленного набора значений для глагола *ёбнуть* к реплике «Я *ёбнул* Лейтенанта!» подходит только первое: ‘Сильно, резко ударить, неожиданно стукнуть’. Остановившись на этом выводе, мы решаем поставленную задачу в пользу того, что Капитан не утверждал, что он убил Лейтенанта.

Такой вывод не противоречит и значению слова *пизда* в фразе «Там *пизда*, лучше не заходи туда», обращенной к дежурному по части. В уже упоминавшемся словаре матерных слов Мокиенко и Никитиной у леммы *пизда* также выделяются три значения: 1) ‘женский половой орган’, 2) *презр.* или *бран.* ‘о женщине’ и 3) ‘конец, крах’¹⁰². Понятно, что первое значение слова *пизда* в фразе-предостережении реализоваться не может. Можно было бы предположить, что Капитан предостерегает дежурного об опасности, исходящей от некой женщины, к которой Капитан относится с презрением или бранит ее (отсюда номинация *пизда*), то есть второе значение, но это вряд ли: не может же армейский офицер так бояться опасности, исходящей от какой-то бабы. Предостережение от таких страстей-мордастей вряд ли было уместно в описанной ситуации. Наиболее приемлемый вариант — третье значение, то есть рассматриваемая фраза значит нечто вроде ‘не ходи туда, там что-то ужасное’.

Данное значение является относительно новым для русской разговорной речи, что уже отмечалось выше в главе 4. В НКРЯ оно фиксируется начиная с нулевых годов XXI века. Сравните характерные примеры.

— А я тебя не боюсь.

— Ну все. Счас тебе *пизда* будет.

Быра вскакивает и бежит в комнату. Слышно, как он дает своей бабе оплеухи, потом возвращается на кухню.

Владимир Козлов. Гонники

¹⁰² Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Русское сквернословие. Краткий, но выразительный словарь. М.: Олма, 2008.

- Верни мою Муську!
- *Пизда* твоей Муське!
- Ну ты ГОВНО!

Социальная сеть «ВКонтакте»

В третьем — эсхатологическом — значении (‘конец всему, крах, что-то ужасное и страшное’) фраза Капитана «Гам *пизда*, лучше не заходи туда» может указывать и на смертоубийство, и на результат потасовки с причинением разнообразного ущерба здоровью. Тем самым семантику обсуждаемой фразы можно описать как ‘там конец, крах, что-то ужасное, не советую тебе идти туда’.

Для уточнения характера эсхатологии в исследуемой фразе важно рассмотреть еще одну реплику Капитана, которую он произносит в связи с произошедшим в несколько иных обстоятельствах и тоже по телефону. Он просит: «Беги сюда, здесь *пиздец*!» — побуждая адресата прибыть в то место, где находится он сам (*сюда*). Значения слова *пиздец* ‘завершение, безусловное окончание чего-либо’ или ‘констатация безвыходного, крайнего положения’¹⁰³ в составе реплики «Беги сюда, здесь *пиздец*!» в ситуации гибели военнослужащего могли бы указывать на его смерть как окончание, завершение жизни. Однако выражение такого смысла во фразе *здесь пиздец* маловероятно. Действительно, в указанном значении слова *пиздец* обычно реализуется конструкция с дательным падежом объекта действия (пациенса) — *кому-либо*, то есть *Лейтенанту пиздец, имяреку пиздец* и тому подобное. Но существительного с дательным падежом здесь нет. Таким образом, версия убийства хотя и не отменяется, но определенно не подтверждается и в данной реплике.

Семантический анализ еще далек от завершения: эксперт должен проверить свою интуицию, поставив под сомнение собственную норму брани. Действительно, семантическое развитие значения от ‘ударить’ к ‘убить’ вполне вероятно и соответствует житейской логике: жизненный опыт подсказывает, что, хорошенько ударив, можно и убить... Хотя НКРЯ не дает для глагола *ёбнуть* контекстов, где реализуется значение ‘убить’, можно воспользоваться другими коллекциями текстов. Например, заглянуть в Google Books. И действительно, приблизительно на сотню просмотренных примеров удалось найти достоверный контекст с таким значением.

- Скорей всего, это те, которые на нас наехали, — сказал Женя.
- Те были залетные... — Сиплый огляделся по сторонам <...>. — Мы с ними перетерли.
- Ну, могли же вернуться...
- После таких разговоров не возвращаются. Ладно, короче, я на ментов не сильно надеюсь. Поговорю с пацанами. Найдем, кто Антоху *ёбнул*.

Владимир Козлов. Lithium

К сожалению, поиск по Google Books неудобен, но обнаружили и другие примеры — менее удачные, но вполне очевидные.

- Кот работает с «Шедди». Не так давно у «Шедди» отмутили часть партии товара. Наглым и бесстыдным образом. А «Щенки» предложили Коту сделку. Поэтому «Шедди» и приехали прямо к ним на базу и сейчас выебут всех прямо в здании. Такие дела.
- И поэтому мы вписались в непонятное? Нас чуть не *ёбнули*. Нахуй было мутить такую сложную схему? — взорвался я.

Гоблин MeXXanik. Борьба за существование

¹⁰³ Химик В. В. Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи: в 2 т. СПб.: Златоуст, 2017. Т. 1.

Приведенный пример менее показателен с точки зрения иллюстрации значения, поскольку это форма с отрицанием в модальности возможности. Но этого тем не менее достаточно, чтобы сделать вывод о существовании младшей нормы, в которой глагол *ёбнуть* развивает или уже развил такое значение, осуществив естественный переход от семантики 'ударить' к семантике 'убить'.

Достоверно установить, по какой матерной норме — старшей или младшей — живет речевое бессознательное Капитана, не представилось возможным. Эталонный корпус мата-перемата обвиняемого предоставлен не был. Полное оправдание по лингвистическим основаниям не случилось, а было бы красиво... Впрочем, истина дороже.

Р. С. На судебном следствии государственное обвинение представило экспертизу доктора педагогических наук. Реальные обценные формы в репликах обвиняемого были заменены на эвфемизмы «нецензурное слово 1», «нецензурное слово 2». В экспертизе делались выводы по репликам, которые обвиняемый не произносил. Например, анализировалась реплика «Я его убрал», которая представляла собой результат интерпретации (понимания) слов Капитана свидетелем («То, что мне сказал Капитан, в протоколе моего допроса отражено в мягкой форме. На самом деле он произнес фразу с нецензурным выражением “я его убрал...”»). В судебной лингвистической экспертизе такая подмена недопустима, поскольку аналогична по последствиям искажению, а то и подмене доказательств.

Эксперт ссылаясь на «Краткий словарь криминального сленга», размещенный в Рунете, в котором исследуемые слова отсутствовали. У обценных глаголов эксперт выделял значения, которых у них нет. Ну и так далее и тому подобное. Испанский стыд, одним словом.

* * *

Реальная речь всегда представляет проблему для лингвистической экспертизы, поскольку до самого последнего времени лингвистическая теория строилась на специально сконструированных идеальных примерах, рожденных в пробирке языковой способности ученых-лингвистов. В последние пару десятилетий ситуация меняется, и речь как продукт речевой деятельности признается основным источником знаний о структуре и функционировании языка, — отсюда бурное развитие корпусной лингвистики. Однако во многих случаях русистика и, шире, теоретическая лингвистика не в состоянии предоставить серьезный инструментальный анализ, или, по крайней мере, его приходится по крупицам собирать в научной литературе.

Эксперт-лингвист должен обладать серьезными исследовательскими навыками, чтобы понимать, что является объектом исследования, какой категориальный аппарат можно и нужно использовать, какие ограничения на применение выбранного метода существуют и так далее. Когда объектом исследования оказывается обценный дискурс, ситуация усугубляется табуированием этой области бытования русского языка. Пренебрежение матом-перематом оборачивается неспособностью лингвистической теории и практики помочь обществу в отправлении правосудия (ч. 5 ст. 32 Конституции РФ). Это не самое печальное, но чувствительное следствие игнорирования речевой реальности.

Глава 6. Концептуализации нехороших слов

Слегка о научном: суть концептуального анализа. О жопе разной. Хуй в языковом сознании. Про пизду концептуальную

Концептуальный анализ обычно понимают как попытки найти истинную сущность, стоящую за значением слов и будто бы раскрывающую суть вещей. Истоки этого подхода лежат в рационалистической философии XVII века, его придерживались такие представители европейской философской мысли, как Рене Декарт и Джон Локк. Позднее, в середине XX века, на основе рационализма и других направлений логики и философии возникли позитивизм и неопозитивизм. Особенность этих направлений мышления состояла во внимании к естественному языку как основе познания и неперемennomу условию понимания между людьми. Изначально эвристические принципы концептуального анализа использовались философами и применялись к довольно узкой области философских категорий истины и лжи, веры и неверия, рационального и иррационального и некоторых других¹⁰⁴.

Метод концептуального анализа в лингвистике (если не превращать его в унылые псевдофилософские изыскания) заключается в том, чтобы по данным употребления языковых выражений реконструировать стоящие за ними понятия, причем в идеале результат должен отражать наивное, естественное понимание окружающего мира, его естественную категоризацию. В орбиту концептуального анализа в лингвистике были вовлечены такие понятия, как ЦЕЛЬ, ДЕЙСТВИЕ, СУДЬБА, ДУША¹⁰⁵, имеющие интересные языковые воплощения. Анна Вежбицкая в серии работ 1980-х годов расширила область концептуального анализа за счет включения конкретной лексики — слов типа *чашка, кружка, велосипед, автомобиль, кошка, собака, абрикос, банан* и других¹⁰⁶.

Ничто не мешает использовать метод концептуального анализа для изучения нехороших слов, поскольку по сложности семантики и многообразию употреблений они не уступают словам *истина, ложь, вера, добро, любовь* и подобным объектам анализа, характерным для философских, антропологических и культурологических изысканий. Возможно, это поможет найти ключ к разгадке небывалого успеха, которым пользуются грубые и неприличные слова у отдельных представителей русского народа (главное — не обобщать).

О жопе

Начнем нашу реконструкцию с концепта ЖОПА как элемента русского национального сознания. Читателю, который по каким-либо причинам сомневается в элитарности выбранного объекта исследования и ворочит нос, стоит напомнить известное замечание Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ о том, что слово *жопа* ничуть не хуже, чем слово *генерал* (добавим со своей стороны: ничуть не хуже, чем слова *судьба* и *душа* и уж тем более *лицо* и *фигура*). Эти размышления о ЖОПЕ и *жопе* основываются на

¹⁰⁴ См. пример анализа истории понятий в работе: *Живов В. М.* Время и его собственник в России раннего Нового времени (XVII–XVIII вв.) // *Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени* / Под ред. В. М. Живова. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 27–101.

¹⁰⁵ Здесь и далее понятия, концепты, понятийные категории, обсуждаемые в данной главе, выделяются малыми прописными буквами. *Прим. авт.*

¹⁰⁶ См., например, *Wierzbicka A.* Lexicography and Conceptual Analysis. Ann Arbor: Karoma, 1985.

достаточно солидном эмпирическом материале, представленном в словаре Василия Буя и «Академическом словаре русской фразеологии»¹⁰⁷.

Метод концептуального анализа применим в первую очередь в сфере метафорики, поскольку метафоры априори содержат образный компонент — источник метафорической проекции. Метафора и метонимия лежат в основе многих фразеологизмов, образуя внутреннюю форму этих элементов словаря русского (и не только!) языка. Внутренняя форма — это образ, лежащий в основе значения слова или устойчивого выражения и мотивирующий его. Так, значение идиомы *засучив рукава* основывается на образе человека, приготовившегося к активной физической работе, хотя идиома используется в более широком смысле — ‘усердно, старательно, энергично (делать что-либо)’¹⁰⁸. Следует отметить, что актуальное значение данной идиомы вовсе не предполагает именно физическую работу, выполняемую руками (хотя и не отменяет ее). С точки зрения концептуализации существенно, что любая работа осмысливается здесь как приложение физических усилий. В дальнейшем мы основываем свой анализ в первую очередь на изучении метафор в примерах употребления идиом, поскольку именно идиомы чаще всего отсылают к образу.

Слово *жопа* функционирует в идиоматике не столько как наименование соответствующей части тела, о которой не принято говорить в обществе, сколько как выражение, обладающее значительной символической составляющей, которая вычисляется с той или иной степенью приблизительности на основе метафоры, фиксированной во внутренней форме. Это напоминает анализ вещных коннотаций, предложенный Владимиром Андреевичем Успенским в работе «Вещные коннотации абстрактных существительных»¹⁰⁹. Наше понимание и использование идиом с нехорошими словами возможно благодаря интуитивному осознанию этих символических функций. Иными словами, мы имеем дело не с плоским, одномерным концептом ЖОПЫ: «идиоматическая жопа» способна поворачиваться к нам разными сторонами — прямо как алмаз своими гранями. Попробуем проследить за ее движениями.

Перед тем как перейти непосредственно к описанию материала, необходимо сделать одну оговорку. Концептуальный анализ, то есть выделение некоторых представлений, связанных с определенным понятием, в сфере конкретной лексики направлен не только на сам концепт, но и на соответствующий объект действительности, обозначаемый словом и осмысляемый через призму языка. В результате объект действительности приобретает определенные свойства символа.

Жопа глупая

В таких идиомах, как *думать жопой, жопа вместо головы, не голова, а жопа, одна извилина — и та на жопе, жопе слова не давали*, ЖОПА концептуализируется как самое глупое, что есть у человека, как орган, не способный думать, не предназначенный для этого процесса или, по крайней мере, думающий катастрофически плохо. Действительно, идиома *думать жопой* используется в значении ‘быть не в состоянии принимать правильные решения даже в простых проблемных ситуациях из-за собственной глупости — как бы из-за того, что в мышлении используется непригодная для этого часть тела’.

¹⁰⁷ Академический словарь русской фразеологии / Под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Лексрус, 2020; Буя В. Русская заветная идиоматика (веселый словарь крылатых выражений). М.: Помовский и партнеры, 1995.

¹⁰⁸ Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. Изд. 3, стереотип. М.: Русский язык, 1978.

¹⁰⁹ Успенский В. А. Вещные коннотации абстрактных существительных // Семиотика и информатика. М., 1979. Вып. 11.

Теперь понятно, куда он ездил. За средствами для оказания первой помощи. И тащил все потом на себе. Пальцем деланные мачо! *Жопой думают* снобы! Недоразвитые кобели!

Мариам Петросян. Дом, в котором...

Решили оборудовать это место знаками, чтоб официально. Так ведь, дебилы, воткнули знаки и раскрасили асфальт через одно машиноместо от нужного. Дальше. Уже который раз замечаю, что когда где-то делают такие места, то *думают жопой*.

Социальная сеть «Архангельск и область»

Семантика идиомы *думать жопой* основывается на стандартном представлении, что нормальным инструментом мышления является голова (мозг). С когнитивной точки зрения формирование актуального значения рассматриваемой идиомы описывается как процедура замены стандартного содержания слота ИНСТРУМЕНТ МЫШЛЕНИЯ (ГОЛОВА / МОЗГ) на нестандартное — ЖОПА. Похожим образом объясняется порождение актуального значения идиомы *одна извилина — и та на жопе*. В словаре Василия Буя идиома толкуется так: ‘кто-либо отличается исключительной глупостью, сопоставимой с глупостью человека, который пользуется в качестве инструмента мышления органом, к мышлению совершенно не способным’¹¹⁰. Если более точно учесть внутреннюю форму, то толкование выглядело бы так: ‘кто-либо отличается исключительной глупостью, сопоставимой с глупостью человека, у которого нет никаких признаков разумности, а один из анатомических признаков, который можно было бы принять за таковой, находится отнюдь не в мозгу’.

Еще один пример ЖОПЫ ГЛУПОЙ представлен в идиоме *жопе слова не давали*. Ее значение можно сформулировать следующим образом: ‘оценка речевого высказывания собеседника как неуместного и глупого в форме отождествления собеседника с неприличной частью тела человека’.

Таким образом, ЖОПА интерпретируется как своего рода антиголова. Этим объясняется то обстоятельство, что, не являясь антонимами сами по себе, слова *голова* и *жопы* в русской языковой картине мира (в том числе в идиомах) воспринимаются как лексические единицы, стоящие в оппозиции друг к другу, как лексемы, на которых может основываться антитеза, контраст.

Противопоставление ‘голова — жопы’ поддерживается и пространственной ориентацией соответствующих частей тела. Эта оппозиция актуализуется и имеет опору в контексте, даже если отсутствует точное воспроизведение идиоматических форм. Рассмотрим уже разобранный в главе 2 эпиграмму Александра Сергеевича Пушкина.

В Академии наук
Заседает князь Дундук.
Говорят, не подобает
Дундуку такая честь;
Почему ж он заседает?
Потому что *жопы* есть.

В первой — профанной — интерпретации этот краткий текст понимается в том смысле, что жопы противопоставлена голове: Дундук глуп и из-за этой личной особенности не имеет

¹¹⁰ Буя В. Русская заветная идиоматика (веселый словарь крылатых выражений). М.: Помовский и партнеры, 1995.

оснований участвовать в работе Академии наук.

С ЖОПОЙ ГЛУПОЙ тесно связана ЖОПА БЕЗДАРНАЯ, иллюстрируемая идиомой (*кто-либо/что-либо из кого-либо*) как *из моей жопы драмкружок*, поскольку отсутствие таланта к чему-либо при желании можно интерпретировать как глупость в определенной сфере: *‘кто-либо не в состоянии выполнять профессиональные функции кого-либо в силу полной неспособности к этому, точно так же, как часть человеческого тела, которой абсолютно не присущи функции мышления, неспособна участвовать в создании культурных ценностей’* 111.

В идиоматике представлена и другая крайность — ЖОПА ХИТРАЯ (*на всякую/каждую хитрую жопу есть хуй (с) винтом*), толкуемая в словаре Василия Буя (с некоторыми уточнениями) как *‘сентенция, указывающая на отсутствие границ человеческих возможностей: любая проблема, вызванная выдающейся хитростью некоторого лица, может быть устранена еще более изобретательным человеком, подобно тому, как всякому, даже очень осторожному и хитроумному человеку можно навязать роль объекта сексуальной агрессии’* 112.

Это довольно редкий случай, — скорее всего, вторичный по отношению к базовой закономерности. Отметим, что здесь речь идет не об уме, а о хитрости, что далеко не одно и то же. Кроме того, наличие в структуре идиомы прилагательного *хитрый* свидетельствует о том, что этот компонент отсутствует в плане содержания слова *жопа* и соответствующего ему понятия. Сравните в связи с этим интерпретацию Джорджа Лакоффа¹¹³ английского словосочетания *cold anger* (*‘холодный гнев’*), согласно которой наличие в этом словосочетании прилагательного *cold* (*‘холодный’*) указывает на то, что идея *‘холода’* отсутствует в семантике и внутренней форме слова *anger* (*‘гнев’*¹¹⁴).

Жопа неприличная

Это измерение ЖОПЫ реконструируется из семантики таких идиом, как *лизать жопу/задницу, целовать в жопу, ковырять(ся)/колупаться в жопе/заднице/заднем проходе, показать жопу кому-либо (в одном из значений)*. Действительно, идиомы *лизать жопу/задницу кому-либо* и *целовать в жопу кого-либо* значат *‘делать кому-либо приятное, будучи готовым совершать унизительные с точки зрения общественного мнения поступки и нанося тем самым ущерб своему общественному лицу, в надежде получить за это какую-либо выгоду’* 115. Идиома *показать жопу кому-либо* многозначна и в одном из значений толкуется как *‘повернувшись к окружающим спиной и наклонившись, показать им табуированную часть тела (часто в обнаженном виде), ассоциируемую с чем-то грязным, выразив им тем самым свое крайнее пренебрежение’*. Сравните характерные употребления.

Саха помолчал, пощелкал пальцами, потом вдруг повернулся, нагнулся, снял штаны и показал жопу.

— Вот вам! — выкрикнул он, просовывая лицо между ног. — Идите в жопу!

Егор Радов. Якутия

111 Буя В. Русская заветная идиоматика (веселый словарь крылатых выражений). М.: Помовский и партнеры, 1995.

112 Буя В. Русская заветная идиоматика (веселый словарь крылатых выражений). М.: Помовский и партнеры, 1995.

113 Американский лингвист, известный специалист в области когнитивной лингвистики. *Прим. ред.*

114 Lakoff G. Women, fire, and dangerous things. What categories reveal about the mind. Chicago, London, 1987.

115 Буя В. Русская заветная идиоматика (веселый словарь крылатых выражений). М.: Помовский и партнеры, 1995.

А то и вслед из-за ворот кричать, дразниться: «Желвак! Желвак!» А то забежит какая вперед тебя на тропку, поперек пути встанет, подол задерет и голую жопу покажет: чтоб обидно стало. А и впрямь обидно, до слез.

Татьяна Толстая. Кысь

Идея ‘неприличности’ сочетается в рассматриваемых идиомах с концептами УНИЗИТЕЛЬНОСТИ, УНИЖЕНИЯ, УНИЧИЖЕНИЯ: соприкосновение с ‘неприличным’ переносит это качество на того, кто с ним соприкасается, — ситуация, близкая к тому, что описывается значением глаголов *пачкать(ся)*, *запачкать(ся)*. Сила унижения увеличивается из-за того, что идея неприличности ЖОПЫ отчасти связана с идеей грязи (сравните: *голос как в жопе волос — тонок, да не чист*), тем самым ГРЯЗНОЕ соприкасается с ЧИСТЫМ (губами, ртом и тому подобным), что создает дополнительный контраст.

Другие два базовых обценных феномена — ПЕНИС и ВАГИНА — хоть и являются близкими по данному свойству концепту ЖОПА, однако актуализуют его в концептуальном поле несколько слабее. Если для ПЕНИСА еще можно обнаружить идиомы типа *сосать хуй*, в которых можно усмотреть элементы неприличия, то для ВАГИНЫ даже таких примеров нет.

Жопа некрасивая

Когда мы говорим, что у кого-либо *не лицо, а жопа* или у кого-либо *лицо — просто жопа наизнанку*, а также что кто-либо *жопа с ушами*, происходит концептуализация жопы как антилица¹¹⁶. Эта категория противопоставляется лицу по целому ряду параметров, причем характеристики ЖОПЫ в сравнении с характеристиками ЛИЦА оцениваются как отрицательные. Действительно, в примерах ниже ЖОПА осмысляется как некрасивое лицо.

— Я с первого дня понял, что ты меня хочешь. У тебя было такое лицо...

— Да как же ты понял, если у меня *не лицо, а жопа*.

Упырь Лихой. Славянские атаку

— Есть один известный человек, — ответил Котов и дал Тане его маленькую фотографию.

— Что это за *жопа с ушами*? Что-то мне лицо его знакомо, — пыталась понять Таня.

Дмитрий Ганин. Кромщик vs Робототехника

В идиоме *жопа с ушами* соединение ЖОПЫ с ушами — характерной принадлежностью головы — совмещает концепты ЛИЦА и ЖОПЫ, что вызывает дополнительный комический эффект из-за карнавальной техники совмещения низа и верха¹¹⁷.

Аксиологические, то есть оценочные, компоненты рассматриваемого концепта интересны потому, что в объективном мире все части тела аксиологически нейтральны. Вопрос, что лучше — ноги или руки, бессмыслен. Конечно, части тела могут оцениваться по основанию их функциональной пригодности (*Ноги у меня совсем плохие стали — еле хожу*),

¹¹⁶ На этом противопоставлении построены известные строки В. В. Маяковского: «Вокруг, / с лицом, / что равно годится / быть и лицом / и ягодицей, / задолицая / полиция». *Прим. авт.*

¹¹⁷ О феномене карнавала см. подробнее: *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Худ. лит., 1990.

по эстетическому основанию (*Какие у нее замечательные ножки!*) и по другим параметрам, однако в этом случае ноги сравниваются с другими ногами, а не, например, с головой.

Функционируя в составе идиом, номинации частей тела покидают пределы поля нейтральности и переходят в разряд слов, которым языковое сознание часто раздает оценки. Это, естественно, относится не только к ЖОПЕ. Сравните, например, *беречь как зеницу ока*, где зрачок выступает в функции самого ценного, что есть у человека. Точно так же и ЖОПА, попав в контекст соответствующей идиомы, получает оценочный компонент 'самая некрасивая часть тела, которую предосудительно показывать'.

Идея 'некрасивости' получает развитие в идее 'неприличности': некрасивое и грязное нежелательно демонстрировать прилюдно, сравните: *сверкать (голым) задом*.

Итак, ЖОПЕ в русской идиоматике явно не повезло: она и 'глупая', и 'неприличная', и 'некрасивая'. К этим обидным квалификациям примыкает и ее следующая идиоматическая ипостась.

Жопа плохая, олицетворенная

Обращаясь к кому-либо *Эй ты, жопа!*, мы однозначно выражаем отрицательное отношение к этому человеку, не специфицируя, однако, признак, положенный в его основание. С равным успехом речь может идти о человеке, которого говорящий считает глупым, неэстетичным (например, неряшливо и грязно одетым) и так далее. Подобное употребление слова *жопа* не позволяет более детально определить черты его концептуальной структуры, существенные для данного случая, и заставляет использовать термин общей оценки. Это значение общей оценки человека реализуется в следующих выражениях (частично — в идиомах, частично — в относительно устойчивых словосочетаниях): *засранная / обосранная / сраная жопа / задница*.

— Во-общее-то-о, — припадая грудью к коленям, зашипел потерявший терпенье старпом, вытянувшись как вертишейка, — коз-з-зел вонючий, пош-шел вон отсюда, *жопа сраная*.

Александр Покровский. Муки Коровина

— Смелость города берет, милейший мой! Вы же, извините за грубость, *старая жопа!* Вдарь кулаком — и мокренько!

Андрей Алдан-Семенов. Красные и белые

То, что общеоценочное значение слова *жопа* реализуется исключительно в сочетаниях типа «существительное + прилагательное» или «прилагательное + существительное», по-видимому, не случайно: общеотрицательная оценка нуждается в уточнении. *Кто-либо — жопа* означает лишь, что кто-либо почему-то не нравится говорящему, в то время как *кто-либо — старая жопа* означает 'лицо пожилого возраста, к которому говорящий относится грубо-фамильярно из-за того, что оно потеряло значительную часть своих физических и/или интеллектуальных способностей, оказавшись в состоянии выполнять лишь тривиальные физические и/или мыслительные функции'¹¹⁸.

Жопа неправильная, противоестественная, ненормальная

Концепт ЖОПЫ в составе идиом может поворачиваться еще одной своей стороной, связываясь с идеей 'неправильности' / 'неправильного места', 'нерациональности', 'чрезмерной (неоправданной) сложности', 'противоестественности', — например, *всё через жопу / задницу* (с возможным продолжением *кроме клизмы*), *делать что-либо через жопу / задницу, пойти через жопу / задницу*.

¹¹⁸ Буй В. Русская заветная идиоматика (веселый словарь крылатых выражений). М.: Помовский и партнеры, 1995.

Но *все пошло*, естественно, *через жопу*. Да и чего я ожидал-то? Все мои задумки и планы всегда *шли через жопу*. Вся моя жизнь *шла через жопу*! Наверное, мне стоило бы привыкнуть к этому маршруту.

Дарина Грот. Ангелы

— Добро пожаловать в вывернутое *через задницу* бытие! — отчего-то радостно завопил начмед.

Татьяна Соломатина. Девять месяцев, или Комедия женских положений

— Опять твои заморочки!.. — Ветка потрясла кудрями. — Чокнутый ты, Витька. *Все* у тебя *через задницу*, не по-людски.

Алексей Иванов. Географ глобус пропил

Идея неправильности и противоестественности передается в семантике идиомы *все через жопу / задницу*, кроме *клизмы* в явном виде и связывается именно с концептом ЖОПЫ: ‘констатация того, что все делается неправильно, неестественным — часто более сложным и непродуктивным — способом, требующим больших усилий и затрудняющим достижение цели, *как бы через неправильное место, а то, для чего это место предназначено, делается через другое место*’.

Неправильность, ненормальность ЖОПЫ проявляется и в идиоме *жопа с ручкой*, которая используется в значении ‘человек, не умеющий делать что-то простое: допустивший очевидный промах, сказавший явную глупость и тому подобное, что вызывает неудовольствие у говорящего и *сопоставляется со свойствами объекта, не способного выполнять свои функции из-за абсурдности устройства*’. Это значение иллюстрируется следующим контекстом.

Не было пределов возмущению и у моего соседа. Надо сказать, ругался он мастерски. Но почему-то во всех грехах обвинял не баскетболистов ЦСКА и не команду «Маккаби», а одного лишь высокого Попу, который мирно и тихо по-прежнему сидел на скамейке запасных. Израильтяне сделали трехочковый бросок.

— *Жопа с ручкой*, — прокомментировал мой сосед.

Кто-то мастерски выполнил штрафные, и сосед опять обвинил в неудачах ЦСКА Попу:

— Здравствуй, жопа, Новый год.

Сергей Романов. На хитрую попу

В приведенном примере фамилия *Попа*, принадлежащая игроку команды «Маккаби», используется как элемент языковой игры. Появление здесь другой идиомы — *Здравствуй, жопа, Новый год* — также носит игровой характер, отсылая к фамилии этого игрока. Ее значение — выражение неприятного удивления в связи с неожиданно возникшими негативными факторами ситуации.

Концепт ЖОПЫ здесь не одномерен, он апеллирует и к идее ‘плохого’, и к семантике ‘неправильного’. Оба эти измерения ЖОПЫ поддерживаются факультативным расширением *приходи на елку*.

Я напомнил ему наиболее яркие картинки последних дней — наше первое знакомство, когда на корабле он расшнуровал заднюю стенку своего фургона, увидел меня и сказал: «Здравствуй, *Жопа — Новый год, приходи на елку!*..»

Владимир Кунин. Кыся

Возможность осмысления жопы как чего-то неправильного связана, по-видимому, с культурно значимой пространственной оппозицией ‘передняя сторона — задняя сторона’, которая, как и многие другие пространственные отношения (например, ‘правый — левый’, ‘прямой — кривой’), получает в европейской культуре оценочную интерпретацию. Первый член этой оппозиции трактуется как ‘правильный, соответствующий норме’, а второй — как ‘неправильный, несоответствующий норме’¹¹⁹. Кроме того, восприятие жопы как ‘неправильного места’ поддерживается ее сексуальной концептуализацией, достаточно хорошо представленной в русской идиоматике.

Жопа сексуальная

Включенность в сферу сексуальных отношений рассматриваемого феномена фиксируется во внутренней форме таких идиом, как *еще не родился хуй на мою жопу, в жопу ебать, (как) в жопу ёбанный, дать / давать в жопу, вертеть / крутить жопой / задницей / задом, хуй в жопу (вместо укропу / по самые яйца)*. В этих выражениях ЖОПА выступает и как инструмент кокетства (*вертеть/крутить жопой*), и как объект сексуальной агрессии (*ебать в жопу, хуй в жопу*). Возникающие во втором случае коннотации ‘противоестественно’, ‘больно’, ‘унизительно’ мотивируют актуальное значение идиомы в *жопу ебать / трахать / сношать / харить*: ‘заставлять кого-либо много и тяжело работать в своих целях, навязав ему роль, аналогичную роли объекта сексуальной агрессии’¹²⁰.

На идеях ‘унизительности’ и ‘боли’ основывается первое значение идиомы (*как) в жопу ёбанный*: ‘кто-либо, доведенный до состояния крайнего физического истощения и/или морального унижения, сопоставимого с состоянием человека, подвергшегося сексуальной агрессии’¹²¹.

Коннотация ‘противоестественного’ в сексуальном измерении ЖОПЫ как часть традиционных моральных представлений способствует дополнительной мотивации актуального значения идиомы *делать через жопу что-либо*: ‘делать что-либо противоестественным — часто более сложным и непродуктивным — способом, затрудняющим достижение цели, аналогу которому можно обнаружить в сфере ненормального сексуального поведения’¹²².

Интересно, что эта — как и, по-видимому, некоторые другие концептуализации ЖОПЫ — не универсальна. Так, в немецком языке при довольно высоком идиоматическом потенциале слова *Arsch* (*leck mich am Arsch!* — ‘поцелуй меня в жопу!’; *das kannst du dir in den Arsch stecken* — ‘можешь засунуть себе это в жопу’; *jmdm. in den Arsch kriechen* — ‘влезть кому-то в жопу’) концептуализация ЖОПЫ как объекта сексуальной агрессии в идиоматике не представлена; образ анального сексуального насилия отсутствует во внутренней форме немецких идиом.

Жопа-вместилище

Жопа довольно часто концептуализируется как ограниченное со всех сторон

¹¹⁹ См. например, *Успенский Б. А.* «Правое» и «левое» в иконописном изображении // Сборник статей по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1973; *Толстой Н. И.* О природе связей бинарных противопоставлений типа правый — левый, мужской — женский // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987; *Leeuwen-Turnovcova J. van.* KRUMM und DREHEN im Kulturparadigma der ORDNUNG // *Znakolog. An international yearbook of Slavic semiotics.* Bochum, 1991.

¹²⁰ *Василий Буй.* Русская заветная идиоматика (веселый словарь крылатых выражений). М.: Помовский и партнеры, 1995.

¹²¹ *Василий Буй.* Русская заветная идиоматика (веселый словарь крылатых выражений). М.: Помовский и партнеры, 1995.

¹²² *Василий Буй.* Русская заветная идиоматика (веселый словарь крылатых выражений). М.: Помовский и партнеры, 1995.

‘пространство-вместилище’, как некий ‘локус’, в который можно входить, в котором можно находиться и тому подобное, например: *без мыла в жопу влезть, послать в жопу, идти в жопу, засунуть (себе) в жопу, как из жопы, шире жопы не пернешь*. В эту же группу попадают и некоторые рассмотренные ранее идиомы, например: *в жопу ебать / трахать / сношать*.

Важно иметь в виду, что характер вместилища в каждом конкретном случае интерпретируется по-разному: идиома *сидеть в глубокой жопе* указывает на глубину вместилища, его нечистоту и, как следствие, нежелательность с ним соприкоснуться. В идиоме *без мыла в жопу влезть* вместилище осмысливается как желанная и труднодоступная цель. В последнем случае это позволяет, например, выявить мотивацию актуального значения: ‘если жопа — труднодоступное место, то способность кого-либо оказываться там, не прибегая к дополнительным средствам, характеризует кого-либо как человека, способного достичь цели, требующей очень большой ловкости’. В пословице *шире жопы не пернешь* заложена идея благородного самоограничения, мотивированная ограниченностью локуса.

Кроме того, локус, связываемый с ЖОПОЙ, интерпретируется как пространство, из которого трудно выбраться, например: *сидеть в глубокой жопе*. Последнее свойство сближает концепт ЖОПЫ с концептом ВАГИНЫ, которая в ряде идиом фигурирует как место, из которого нет возврата, — своего рода черная дыра: *в пизду подальше, из пизды сдачи нет, что в пизду воду лить* (об идиомах со словами *вагина* и *пизда* речь пойдет ниже).

Жопа наказанная, битая = жопа беззащитная

Осмысление жопы как части тела, самой природой предназначенной для наказания, нашло отражение в таких идиомах, как *взять / схватить за жопу, дать пинка под жопу, дать / турнуть под жопу (коленом/коленкой), жопу надрать, намазать / смазать жопу скипидаром, пока жареный петух в жопу не клюнет, фитиль в жопу вставить, выдрать / вырвать из жопы ноги*.

Приведенные идиомы связаны с идеей наказания, — правда, в различной степени. Так, в идиомах типа *надрать жопу, фитиль в жопу вставить* наказание представлено в наиболее явной форме. С другой стороны, идиомы со значением ‘выгнать, прогнать’ (*дать пинка под жопу, турнуть под жопу*) не предполагают наказания в чистом виде, хотя и в них жопа воспринимается как типичное место для битья — ЖОПА-СТРАДАЛИЦА.

Беззащитность обсуждаемого феномена прослеживается и во внутренней форме идиом *взять за жопу кого-либо* и *за жопу — и в конверт*. Идея неспособности к сопротивлению мотивирует актуальное значение этих выражений. Идиома *взять за жопу* используется в современном разговорном языке в двух значениях: 1) ‘уличить в плохом и заставить отвечать за это’; 2) ‘возбудить уголовное дело, посадить в тюрьму и тому подобное’.

Выражение *за жопу — и в конверт* имеет только одно значение: ‘возбудить уголовное дело, посадить в тюрьму и тому подобное’. При этом внутренние формы хотя и близки, но различаются, что объясняет тот факт, что у идиомы *за жопу — и в конверт* отсутствует первое значение идиомы *взять за жопу*. Действительно, образ, фиксированный в идиоме *за жопу — и в конверт*, коммуникативно высвечивает идею ограниченного пространства (‘конверт’), куда некто помещается, хотя идея ‘беззащитности’ остается: ‘сделать нечто в отношении человека, как бы начав его контролировать, воздействуя на незащищенную часть человеческого тела, часто используемую для наказания’.

На исконности этой роли основываются некоторые толкования слова *жопа*. Так, в третьем издании словаря Владимира Ивановича Даля это слово толкуется как ‘та часть тела, которая во Франции свободна от телесного наказания’¹²³. В приведенной словарной статье чувствуются ветры перемен — предвестники новой этики.

¹²³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Репринтное воспроизведение издания 1903–1909 гг., осуществленного под редакцией проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ. М., 1994.

Жопа для сидения

Когда мы говорим: *У кого-либо шло в жопе* или *У кого-либо свербит в жопе*, мы исходим из неявного предположения, что этому человеку трудно усидеть на месте. Человек, *просиживающий жопу*, осмысляется как выполняющий однообразную работу, рассматриваемую говорящим как нечто ненужное и используемое по большей части как прикрытое для безделья, потому что и здесь идея сидения выступает как основание для образной мотивации.

Если мы говорим о человеке не слишком способном, но добившемся некоторых успехов в учебе или работе, то часто используем идиому *братъ жопой*, что также основано на представлении о жопе как о месте, на котором сидят. В последнем случае присутствует также противопоставление «ГОЛОВА — ЖОПА», то есть имеется в виду, что недостаток ума и способностей ('плохая голова') компенсируется за счет усидчивости ('хорошая жопа').

Таким образом, ЖОПА ДЛЯ СИДЕНИЯ берет здесь немного взаймы у ЖОПЫ ГЛУПОЙ. Тем самым эту идиому можно рассматривать в одном ряду с выражениями типа *думать жопой, жопа вместо головы*. К этой же концептуализации относится идиома *сидеть на жопе ровно* со значениями 'ничего не делать' и 'не беспокоиться, не суетиться'.

Жопа-инструмент

В русской идиоматике обсуждаемый феномен содержит следы нетривиальных концептуализаций. В выражениях *жопой гвозди дергать* и *жопой резать провода* (с эвфемизмами *задом, задницей, попой*) этот априори мягкий и не очень проворный объект предстает как инструмент физического воздействия. В примерах типа *Молодец! Умеешь жопой гвозди дергать!* передается высокая оценка умения собеседника выполнять какую-то сложную и нетривиальную работу. Образ в реальном общении часто дополняется, включая и части гвоздей или даже доски, стены и прочие материалы, в которые вбиты гвозди.

Не умеешь *жопой гвозди дергать* — не срывай **шляпки**. Не надо хвататься за инструмент, если не умеешь им работать.

Социальные сети

Если ради этого собрался читать, то не стоит, не оценишь. Марк, чтобы *жопой гвозди* из **стены выдергивать**. Мне кажется, тебе вообще не стоит это читать.

Архив 2004–2014. «Какую книгу вы прочитали в последнее время?»

— Народ у нас недружный, у каждого глотка-то, как рукав пожарный, крику много, а делов на копейку... Держись мы дружнее, давно бы дома с бабами спали.

— Твоим бы, Кузя, *задом* из **досок гвозди дергать** ...

Артем Веселый. Россия, кровью умытая

Абсурдность образа ЖОПЫ-ИНСТРУМЕНТА позволяет использовать рассматриваемую идиому как ответную реакцию несогласия с уместностью реплики собеседника.

— Идем в магазин!

— Э-э, дружище, да мне уже как-то неудобно. Ты сегодня и так здорово на меня тратишься!

Он отмахнулся:

— Как говорил мой покойный дед: *неудобно жопой гвозди дергать*, идем.

Николай Секерин. АльтеRNatura

Рассматриваемая идиома в некоторых модификациях существенно меняет свое значение, фокусируя внимание на корыстности намерений собеседника или третьих лиц.

— Он всех узнаёт, — возразил Филипп. — Врач говорит, что он вообще в очень ясном сознании, только у него плохо с речью. Никто, кроме меня, не понимает, что он хочет этим сказать...

— А ты как всегда, — хмыкнул Бяшка. — Пристроилась в первых рядах *чужой жопой гвозди дергать*.

Ольга Погодина-Кузьмина. Адамово яблоко

Внесение в образ идеи чужого позволяет использовать данную идиому при порицании. Ниже будет разобрана близкая по семантике идиома *на чужом хую в рай въехать*.

Актуальное значение идиомы *жопой резать провода*, в отличие от только что рассмотренной, не предполагает положительной оценки способностей собеседника или третьего лица. Вероятно, это объясняется привнесением в образ этого мягкого и круглого объекта совсем уж невозможной детали — острой кромки режущего инструмента.

Абсурдность образа стимулирует использование этой идиомы как ответной реплики, указывающей на неуместность вопроса со словом *куда* в примерах ниже. В словаре Василия Васильевича Химика это выражение толкуется следующим образом: «Ответ-насмешка при нежелании отвечать по существу, рифмованное передразнивание вопроса собеседника “Куда?”, воспринимаемого как назойливый или неуместный»¹²⁴. Рассмотрим характерные примеры.

«Где золото? — спрашивал тот. — Куда ушел Пережогин?»

«Я знаю куда», — сказал наконец Егор, придерживая левой рукой сломанную красными по дороге на холм правую.

«Куда?»

«Жопой резать провода».

Андрей Геласимов. Разгуляевка

— Ты **куда**? — выглянула из кухни мать.

Дмитрий поморщился.

— *Жопой резать провода*, — ответил раздраженно.

— Немало ты их нарезал. — Мама попыталась свести разговор к шутке.

— Перестань! — сказал он. — Мне тридцать два года, хватит спрашивать, куда я иду.

Олег Лукошин. Жопой резать провода

В последнем примере образ развивается: *Немало ты их нарезал*, а говорящий сам поясняет актуальное значение использованного выражения в коммуникативном режиме метатекста: *Мне тридцать два года, хватит спрашивать, куда я иду*.

Жопа per se

Завершая обсуждение концептуальных ипостасей ЖОПЫ, отметим, что в ряде образно мотивированных идиом слово *жопа* ничего не символизирует и не имеет дополнительных смыслов. Это слово означает именно ту часть тела, за которой данная номинация закреплена в стандартном употреблении. Например: *грудь моряка — жопа старика, песок из жопы сытется/сыплется, сравнивать жопу с пальцем, кверху жопой, хоть жопой ешь / жуй, а жопа не слипнется?*

Для рассматриваемых идиом характерно, что актуальное значение основано на образе,

¹²⁴ Химик В. В. Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи: в 2 т. СПб.: Златоуст, 2017. Т. 1.

формируемом всеми лексическими компонентами идиомы. Действительно, в идиоме *хоть жопой ешь / жуи* образная часть связывается с неспособностью и невозможностью есть жопой per se, то есть жопой как таковой: ‘некоторого ресурса так много, что его не удастся полностью истратить, *даже если для этого использовать как обычные, так и физиологически невозможные способы утилизации*’.

— А ты не хочешь спросить разрешения? — легко поинтересовалась Анна.

— А тебе что, жалко? — искренне удивилась Ирина. — У тебя этих коробок *хоть жопой ешь*.

Сие было правдой, коробок много.

Виктория Токарева. Своя правда

Уж чего-чего, а души, душевности и духовности у нас *хоть жопой ешь*.

Владимир Успенский. Привычные вывихи

Благо рабочих мест при кульманах в промышленном центре Одессе — *хоть жопой жуи*.

Татьяна Соломатина. Мой одесский язык

В идиоме *сравнить жопу с пальцем* слова *жопа* и *палец* передают идею контраста, указывая на несопоставимое — ни по объему, ни по форме, ни по функции. Это мотивирует актуальное значение идиомы, использование которой указывает на неуместность сравнений в предшествующем дискурсе: ‘использовать некорректное сравнение или утверждать что-то, из чего такое сравнение следует, *уподобившись человеку, сопоставляющему что-то совершенно различное и не имеющее общего основания для сравнения*’.

— <...> В театр идут для очищения...

— Не баня, — вставил Коршунов. И вдруг закричал: — И не храм! Взяли тоже моду *сравнивать жопу с пальцем*, извините, конечно...

Галина Щербакова. Подробности мелких чувств

Вот мне и интересно, на каком основании ты решил, что кто-то из французских политиков называл тех тварей повстанцами. Если хочешь сравнивать, то бери сравнимые вещи, а не *жопу с пальцем*.

Социальные сети

Более сложную семантику предает идиома *есть на жопе шерсть*, которая употребляется в ответ на слово *есть*. Ее использование привносит конфликт в коммуникативное взаимодействие или усиливает существующий. Слово *жопа* в данном случае случайно, но именно оно отвечает за конфликт.

Мяч стукнулся, откатился, и Гоша, а Колюня мысленно вместе с ним, с радостью и торжеством заорал:

— Есть!

— *На жопе шерсть!*

На Артуровом лице появилось смешанное выражение досады и угрозы. Он посмотрел на Гошу прищурившись и процедил:

— Води, давай!

Алексей Варламов. Кунавна

- Погляди, кому видно, цыгане там есть?
— Есть! — сказали справа те, кто цыган видеть не мог.
— *На жопе шерсть!* — подтвердили слева кто цыган видеть мог.

Асар Эппель. Неотвожа

Как видно из приведенных примеров, выбор ответной реплики с идиомой *на жопе шерсть* мотивирован исключительно фонетическим сходством — рифмой между словом *есть* и словом *шерсть*. Очевидно, что вместо слова *шерсть* могли использоваться и другие слова, но идиома *на жопе шерсть* удачно сочетает идею неприличного с анатомическим натурализмом, что и является основой речевого конфликта: ‘выражение несогласия с утверждением или предположением собеседника о наличии кого-либо/чего-либо, основанное на абсурдном и неприличном продолжении и преобразовании реплики собеседника, мотивированном исключительно фонетическим сходством’.

Про хуй

Продолжим нашу реконструкцию концептуальных бездн нехорошего понятием ПЕНИС. Если ЖОПА относится к глубинам концептуализации, то ПЕНИС, без сомнения, является одной из ее вершин.

Анализ концептуальных ипостасей ПЕНИСА в идиоматике позволяет выделить три основные группы употреблений, каждая из которых имеет общие квазисимвольные осмысления. В первой группе идиом ПЕНИС воспринимается как средоточие отрицательного — как источник лжи, неправильности, неуспешности, отсутствия чего-либо или малого (недостаточного) количества чего-либо. Во второй ПЕНИС интерпретируется как инструмент, с помощью которого можно изменять объекты и ментальные состояния. И наконец, в последней группе идиом ПЕНИС интерпретируется как место. Рассмотрим последовательно эти три концептуализации.

Пенис-нигилист

Эта значительная группа концептуализаций неоднородна. В этих осмыслениях легко выделяется тема ‘неуспешности’ — отказ, несогласие, недовольство и тому подобное: *сосать хуй, хуй в глаз / горло / глотку / зубы / грызло, хуй в жопу (вместо укропу / по самые яйца), хуй в рот, хуй на рыло*. Если говорить о мотивации такой темы, то, по-видимому, она связана с идеей сексуальной агрессии, направленной на пациента (объект действия). Нарушение прав пациента в области сексуальных отношений переносится на несексуальную сферу. В толкованиях этот компонент значения может отражаться следующим образом: ‘оказавшись в ситуации, аналогичной положению объекта сексуальной агрессии’. Неуспешность можно усмотреть и в словосочетаниях с производными формами от слова *хуй*: *профессор / ученый ху ев; хуёвая работа / погода* ¹²⁵.

Вторая группа концептуализаций «пениса-нигилиста» — тема ‘ненужности’, ‘бессмысленности’ и ‘абсурда’. Например, идиомы типа *на (кой) хуй / на хуя (нужен), (ни) на хуй / за хуем не нужен, на хуй нужно, на хуя попу гармонь, не хуя / хуй (делать что-либо)*.

- Да на хуй оно нужно, чтобы ротный или кто там премию получил, — ворчит тот, и мы вынимаем затворы, остальное.

Анатолий Давыдчик. Этого не было

¹²⁵ Интересно, что прилагательное и наречие, образованные от другого нехорошего слова — *пиздатый* и *пиздато*, — значат ровно противоположное: ‘очень хороший / очень хорошо’: *старый, но пиздатый трек; я не виноват, что я такой пиздатый; у нас в Саратове тоже пиздато, у нас тут люди в шалашах живут* (социальные сети). Эти формы вошли в обсценный дискурс существенно позже, чем слова *хуёвый* и *хуёво*. По нашим данным, в 90-х годах XX века. *Прим. авт.*

- Давай подарим ему альбом по искусству?
— *На хуя попу гармонь?* Он Шишкина от Мышкина отличить не может.

Социальные сети

Стекло проминается внутрь, но держит любое давление в нашем диапазоне. Вопрос в том, как оно будет себя вести при постоянном контакте со спиртосодержащими веществами. И гораздо больший вопрос: *на хуя попу баян?* В том смысле, что я не представляю, что можно увидеть в окошко, плотно залепленное конденсатными парами.

Социальные сети

Характерное для фразеологии варьирование состава идиом обнаруживается и в приведенных примерах: *гармонь* и *баян* взаимозаменяемы. Семантика образа, фиксированная в идиоме, от этого только выигрывает. В то же время богатый образ провоцирует игровые употребления.

Пишет Петька диссертацию. Подходит к нему Фурманов:

— Чё пишем?

— Диссертацию на тему «Ношение воды в решетке».

— Ну и тема! Кто так пишет? Попробуй назвать «Транспортировка мягко-жидкостных веществ в непригодной для этого таре». Круто?!

— Ага! Так и назовем.

Написал Петька диссертацию, вышел покурить, видит: на завалинке Василий Иванович пишет что-то. Подруливает к нему Петька:

— А ты что пишешь?

Василий Иванович отвечает:

— Диссертацию на тему «Влияние меховых музыкальных инструментов на сексуальную жизнь священнослужителей».

— А-а, Фурманов подсказал! А как ты назвал?

— *На хуя попу гармонь!!!*

В приведенном примере *хуй* выступает не столько как символ ненужности, сколько как средоточие сексуальности, — контраст ненужности и сексуальных коннотаций создает дополнительный игровой эффект. Отметим, правда, что в идиоме *на хуя попу гармонь* концептуализация мужского полового органа не имеет сексуальных коннотаций.

Характерный способ языковой игры — контаминация (соединение) различных идиом. В примере из известной песни Владимира Семеновича Высоцкого сопоставляются две синонимичные идиомы: *на хуя козе баян* и *на хуя попу гармонь*.

«Зачем вам складень, пассажир?
Купили бы за трешку
В “Березке” русский сувенир —
Гармонь или матрешку!» —
«Мир-дружба! Прекратить огонь! —
Попер он как на кассу. —
*Козе — баян, попу — гармонь ,
Икону — папуасу!»*

Владимир Высоцкий. Случай на таможне

В приведенном примере объекты вождения расширяются за счет иконы, предназначенной папуасу, которая в традиционном представлении приличествует священнослужителю.

Часто ПЕНИС в таких идиомах интерпретируется как самая нижняя ступень в иерархии нужности, необходимости. Конструирование внутренней формы в этом случае происходит как отрицание самого нижнего элемента в иерархии нужности (то есть что-то, совсем ненужное). Однако актуальные значения в разных идиомах могут оказаться противоположными. Так, в идиоме *за хуй не считать* объект оценивания помещается ниже самого нижнего члена иерархии, а в идиоме *не хуй собачий* — существенно выше, поскольку идиома представляет собой отрицание самого нижнего элемента в иерархии нужности.

Смесь бессмысленности и абсурда проявляется прежде всего в лексических производных слова *хуй*, например: *хуйня на постном масле, что за хуйня! пороть / нести / сморозить хуйню*. В этих конструкциях обнаруживается еще одна тема — лжи и обмана, почти отсутствующая в концептуализациях других обценных слов. Особенно отчетливо она видна в авторской идиоме *где была правда, там хуй вырос* с различными вариациями.

Дуська моя говорит: «Хватит, Федя, маскироваться, человеком становиться пора, не читай ты газет, не ходи на собрания, плюнь на радио и телевизор. Изолгались они, Федя, с ума посходили, бздят на нас горохом, а *где была правда, там хуй вырос!*»

Юз Алешковский. Маскировка (История одной болезни)

Советская власть давно отучила меня удивляться коррупции на всех уровнях государственной и общественной жизни. Как говорят урки, на том месте, *где была пресловутая ленинская простота, скромность и честность, хуй вырос*.

Юз Алешковский. Рука

Игровой характер последнего примера подчеркивает авторское происхождение данного выражения. Существенно, что Юз Алешковский использовал эту идиому в разных произведениях и с различными модификациями. Удивительным образом эта речевая формула с легкой руки писателя уже вошла в русский язык и обнаруживает множество употреблений у разных авторов. Компонент *правда* в первой части может заменяться на другие слова с общей семантикой обозначения нравственных категорий (честь, справедливость, совесть и прочие).

— Ты давай еще загни про Родину, про Долг и Честь, — подначивает один из нашего коллектива.

— А у меня, *где была честь, хуй вырос*, — хохочет Леха.

Анатолий Давыдчик. Бешеный сапер

— Дим, мы же с тобой со школы. Татьяна Петровна нас из какого дерьма вынимала, а сейчас самостоятельно до туалета дойти не может! — Сергей выдержал паузу. — В жизни, сам понимаешь, *где справедливость была, там хуй вырос!*

Нот Сур. Демон

Идеи ‘ненужности’, ‘бессмысленности’, ‘лжи’ и ‘обмана’ обобщаются в идее ‘плохого’, которая отчетливо видна в идиоме *чтоб у кого-либо на лбу хуй вырос*, используемой в функции проклятия.

— Ох, и плохо же они кончат — чтоб им было пусто, *чтоб у них на лбу хуй вырос*. А я, дурачок, легкомысленно смеялся, представляя себе «их» в президиуме какого-нибудь торжественного собрания с такими вот украшениями на челе.

Михаил Кривич. Бюст на родине героя

Пока нас вели по тюремному двору к корпусу, один зэк стал пробираться в хвост колонны, ближе к женщинам. Надзиратель это заметил, остановил колонну, выудил нарушителя и потащил его в первую пятерку. Зэк вопил:

— Козел, педераст, *чтобы у тебя на лбу хуй вырос!*

Анатолий Марченко. Мои показания

Проклятие может преобразовываться в некоторых ситуациях в констатацию чего-то очень плохого, случившегося с человеком.

Мать, схватив ее за волосы, потащила в свою комнату:

— Извращенка! Кого я вырастила! Боже, зачем я ее родила! Это все твой папаша виноват! Гандон штопаный! Все ёбся со своей шлюшкой-медсестрой, все нос в ее пизду совал! А о воспитании дочери не думал. А чем ему думать, этому оленю? *У него на лбу хуй вырос!* — Она втолкнула Настю в комнату. — И рога!

Юрий Павлов. Рассказы

В последнем примере в общем-то позитивная номинация папаша *олень* преобразуется в контексте языковой игры в обозначение человека бессовестного и к тому же обманутого самим говорящим (матерью). Языковая игра проявляется еще и в соположении идиомы *хуй на лбу вырос у кого-либо* с выражением *рога выросли у кого-либо*.

К группе нигилистических концептуализаций близки идиомы, в которых ПЕНИС воспринимается как «представитель» ‘малого количества’ чего-либо или как знак его полного отсутствия, например: *ноль целых хуй десятых, получить / иметь хуй, с гулькин хуй, сосать хуй, ни хуя, получить от хуя ушки*.

Тамарочка скрывается, и там возобновляется все прежнее: «Как же! Снотворного ему подай — *получишь ты от хуя уши* ... Перестань дрожать! И попробуй только пискни, разебай!..»

Венедикт Ерофеев. Вальпургиева ночь, или Шаги Командора

Тихо, братец, тихо, тихо! Слышу: топ... топ... топ... Ветки кустиков хрустнули, подбирается кто-то ко мне. <...> Как только, думаю, он мне влупит, я дергаю, «ага», — говорю, попался, гаденыш, и волоку его прямо за разбойный член в КГБ. <...> Я себя, конечно, опять под удар ставлю, но иначе с поличным змея никак не изловишь. Он откажется, и — все. «Да, — скажет, — снял с него брюки. Мне показалось, что он в штаны вот-вот наложит. С пьянью это случается!» И — все! У него алиби, а у меня *от хуя уши*.

Юз Алешковский. Маскировка (История одной болезни)

Интересно, что в обценной ПЕНИС-идиоматике имеется пример и ровно противоположного осмысления этой сущности — ‘много, очень много’, например: *до хуя/хуища, до хуя и больше*.

— Когда ж ты, наконец, изменишься? — всплеснул руками Лейкин. — Ничего святого у тебя нет!

— Тут, Няма, ты ошибаешься! — Юз воздел палец к небесам: — Во мне

святого *до хуя* ! Потом принес к нам в отдел свою — народную! — песню «Товарищ Сталин, вы большой ученый» в авторской версии, распорядясь перечислить гонорар «Мемориалу».

Георгий Елин. Из дневников и записных книжек

Но главное, и по сей день сияет в моем сердце трогательный образ встреченной на лесной тропинке маленькой пионерки с ясным личиком монгольского бронзового божка над красным галстуком, которая на вопрос, много ли в их лесу грибов, чистосердечно ответила нежным детским голоском: «*До хуя!*»

Нина Воронель. Без прикрас. Воспоминания

Пенис-инструмент

Тема ПЕНИСА-ИНСТРУМЕНТА появляется одновременно с темой ‘отказа’, обеспечивая необходимую полифонию естественного речевого общения. В первом своем воплощении ПЕНИС предстает инструментом агрессии: *еще не родился хуй на мою жопу, на (каждую) хитрую жопу есть хуй (с) винтом, испугал девку мудями — она весь хуй видала, получить / заработать хуем по затылку / лбу*. Агрессия часто оказывается связанной по семантике с отказом. Отказывая кому-либо в грубой форме, мы выступаем как конфликтные участники общения, поскольку покушаемся на коммуникативные права собеседника и игнорируем постулат вежливости.

Подобно тому как от любви до ненависти один шаг, от агрессии до удовольствия дистанция не очень большого размера. Как нам объясняет психоанализ, палач и жертва не существуют друг без друга. Более того, жертва своей пассивностью способствует актуализации в сознании возможного палача структур знаний, связанных с насилием, а фреймы НАСИЛИЕ, АГРЕССИЯ включают в свой состав слот ‘удовольствие, получаемое насильником’. Неудивительно поэтому, что в целом ряде идиом ПЕНИС концептуализуется как инструмент получения удовольствия, например: *и рыбку съест, и на хуй сесть; бросаться на хуй, лезть на хуй, полакомить свой хуй; просить хуя*.

Иной захочет (гастроном!)
Свой хуй полакомить — и целку
К нему ведет Матрена в дом.

Лука Мудищев

Я нахожусь в ситуации сложного морального выбора, при котором хочется усидеть на двух стульях сразу, а также *и рыбку сесть, и на хуй съесть*. Но выбор есть выбор, так что в ближайшие пару часов ткните, пожалуйста, в один из вариантов, чтобы я могла определиться.

Социальные сети

В этой ипостаси ПЕНИС наиболее близок своей материальной основе — пенису в собственном смысле (пенису *per se*). На это указывают идиомы выше, а также выражения *попасть на хуй, пристроить (свой) хуй, точить хуй, попирать хуем / хуищем*.

Есть еще одна параллель между группой нигилистических и инструментальных толкований. С бессмысленностью и абсурдом в нигилистических концептуализациях можно сопоставить в инструментальных осмыслениях идею ‘инструмента создания абсурда’, представленную в идиомах *хуем груши околачивать / сбивать, хуи валять, хуем говядину рубить*.

Пенис-место

Последняя большая группа концептуализаций пениса семантически более автономна, чем первые две. Для нее трудно определить явные семантические связи с другими группами. Однако некоторая семантическая связь с «пенисом-нигилистом» все же прослеживается: место, соотносимое с пенисом, оказывается плохим (хуёвое место). При этом сама локативная тема, то есть рассмотрение пениса в значении 'места', в осмыслениях рассматриваемого концепта в сравнении с другими нехорошими понятиями генитальной семантики уникальна.

В наиболее явном виде локативная интерпретация видна в идиомах *идти на хуй, идти на хуй малой скоростью / мелкими шажками / шагами, на хуй, ну на хуй, послать на хуй, на хую видать, пойти к хую / к хуям*.

Я сначала пространно объясняю ему, почему в его возрасте это неудобно делать (ему 66 лет), потом говорю:

— Знаешь что, Миша, *иди на хуй* ...

Александр Гладков. Дневник

«Меня били деревянной палкой по лицу. Призывали немедленно распустить партию...» — звучало за кадром с трудом выговариваемое.

«Что вы им сказали?»

«Я сказал им: *идите на хуй*. Теперь у меня нет лица».

Захар Прилепин. Санька

Старик идет с двумя мальчиками на охоту и рассказывает им:

— Для скорости ружье на плечи и поехал на велосипеде. По дороге снег начинается, дальше больше и навалило... ети-т-твою ма-ать! Ночью стало морозить, на заре озеро замерзло и утки *улетели к хую*.

Михаил Пришвин. Дневники

— Ты что, серьезно? — спрашиваю я.

— Не-а, — ухмыляется он. — Я пока не ебанулся — одеколон пить. Вот намазаться можно, чтоб запаха не было.

— *Ну на хуй*, — говорит Вэк. — Подумают еще: и правда одеколону напильсь.

— А может, выпьем его? — спрашивает Быра.

— Хочешь — пей, — говорит Вэк.

Возвращаемся в школу, снова заходим в актовЫй зал.

Владимир Козлов. Гонники

Исходя из семантики предлога *на* в контексте глаголов передвижения типа *идти* и предиката *послать* пенис в наивном сознании ассоциируется с какой-то плоской поверхностью (как в словосочетаниях *на стол, на пол, на кровать*), которая находится за пределами личной сферы говорящего. Последнее, конечно, не следует из сочетаемости с предлогом *на*, но может быть принято как рабочая гипотеза при интерпретации образной составляющей идиом этой группы. Важно, что значения идиом рассматриваемой группы вполне согласуются с этой гипотезой, поскольку они все указывают на попытку говорящего прекратить речевое или неречевое взаимодействие с адресатом или третьим лицом, на которого направлена брань. Идиомы с ПЕНИСОМ в локативном понимании формируют

одну из базовых категорий в системе концептуализаций табуированных сущностей бранной идиоматики.

Про пизду

С точки зрения концептуального анализа ВАГИНА оказалась в слабой позиции. Несмотря на то что во всех возможных смыслах она очень близка ЖОПЕ, ей далеко до свойственного жопе разнообразия осмыслений. В основной своей концептуализации ВАГИНА предстает как вместилище, например: *в пизду, идти в пизду (подальше), идти к ебене матери в пизду, мать (чью-либо) в пизду, послать в пизду*. Интересно, что в некоторых идиомах — таких как *что в пизду воду лить, из пизды сдачи нет* — вместилище характеризуется как бездонное, бесконечное, из которого нет возврата. В этом существенное отличие данной концептуализации от осмысления вместилища, связанного с ЖОПОЙ. Близкую интерпретацию ВАГИНЫ можно обнаружить в фольклорных текстах. Так, в одной из заветных сказок Александра Николаевича Афанасьева ВАГИНА сопоставляется с адом кромешным¹²⁶.

Архиерей спустил руку еще ниже, щупает игуменью за пизду.

— А это что?

— Это *ад кромешный*, отче!

— А у меня, мать, есть грешник, надо его в ад посадить.

Русские заветные сказки. Суд о коровах

Есть и еще одна особенность вместилища, связанного с ВАГИНОЙ. Она может восприниматься как средство изоляции определенной части пространства (типа сачка, колпака и тому подобного), примером может служить идиома *пиздой накрыться*.

Попадание какого-либо объекта в бездонный контейнер приводит к полному его исчезновению для наблюдателя. Идея ‘конца, прекращения существования’ представлена в идиомах с обсценным словом *пиздец*: (*полный*) *пиздец (пришел / настал / наступил), пиздец всему, пиздец котенку (больше срать не будет), пиздец подкрался незаметно, «Пиздец!» — сказал отец (увидев сына под трамваем), полный пиздец*.

Как и ЖОПА, ВАГИНА допускает связь с идеей ‘наказания’, например: *по пизде мешалкой (погнать / дать), дать / вломить пизды, получить пизды*. Возможность подобной интерпретации, по-видимому, поддерживается пассивной ролью, которая обычно свойственна соответствующим органам и частям тела в сексуальной практике.

Интересно, что в идиомах *дать / вломить пизды, получить пизды* присутствует идея ресурса, который осмысляется как нечто плохое, нежелательное и даже опасное. Получение такого отрицательного по сути ресурса приводит к возникновению разнообразных проблем у получателя.

Мозаика образов в концептуализациях

Выявленные наборы концептуализаций красноречиво говорят об имеющихся различиях между осмыслениями ЖОПЫ, ПЕНИСА и ВАГИНЫ в сознании носителей языка. Начнем с примера. На первый взгляд может показаться, что идиомы *идти на хуй, идти в пизду, идти в жопу* абсолютно синонимичны в контекстах типа:

¹²⁶ Успенский Б. А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии. // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. II: Язык и культура. М., 1994.

— С Эммой? С Милкой? С Викторией Павловной?
— Да *пошли* бы они в *жопу*, эти бабы! Благодарю покорно, не нуждаюсь!
Никакой половой зависимости! Я с Осьминогом сейчас говорил!
Василий Аксенов. Остров Крым

Просто не надо звонить больше никогда, тварь не достойна. Пусть общается с кем угодно: со своим мужем, друзьями или еще... Все! Я не хочу больше думать о суке. *Пошла в пизду!*
Владимир Спектр. Face Control

Пиф <...> брови сдвинула, голову вскинула:
— *Пошли* они на хуй со своими объявлениями.
Елена Хаецкая. Человек по имени Беда

Между тем все перечисленные идиомы имеют различные образные составляющие, что так или иначе проявляется в значении (в широком понимании значения как плана содержания). Чтобы выявить эти различия, необходимо определить содержащиеся в этих идиомах образы.

В самом первом приближении ПЕНИС в идиоме *идти на хуй* может быть проинтерпретирован как место, выведенное за пределы личной сферы субъекта, а ВАГИНА в выражении *идти в пизду* как КОНТЕЙНЕР. Такая интерпретация ПЕНИСА поддерживается, во-первых, семантико-синтаксическими факторами (использование предлога *на* в идиомах типа *на хуй*) и, во-вторых, наличием контрастивных идиом, не имеющих структурных аналогов с ВАГИНОЙ и ЖОПОЙ. Например, *видать на хую* при невозможности **видать в / на пизде / жопе* или *на кой хуй / на хуя нужен* при невозможности **на какую пизду / жопу нужен* ¹²⁷. С другой стороны, указанная концептуализация ВАГИНЫ также поддерживается семантико-синтаксическими факторами (сравните идиомы, содержащие сочетание *в пизду*) и наличием идиом *из пизды сдачи нет; что в пизду воду лить* при невозможности **что в жопу / на хуй воду лить* или **из жопы / с хуя сдачи нет*. Кроме того, в пользу данного осмысления ВАГИНЫ говорят факты сочетаемости компонентов идиомы, например: *идти в пизду подальше* при невозможности **идти на хуй подальше, *идти в жопу подальше*.

Что касается ЖОПЫ в идиоме *идти в жопу*, то из имеющегося набора концептуализаций наиболее подходящей представляется идея 'грязного контейнера' (примеры приведены выше). Структурная несинонимичность подобных идиом с разными образными составляющими существует и в других случаях.

Имеются, однако, и контексты нейтрализации. Так, образные составляющие ПЕНИСА, ЖОПЫ и ВАГИНЫ нейтрализуются в идиомах *на хуй, в жопу* и *в пизду*, например: *Да какой он на хуй / в жопу / в пизду ученый?*, а также *по хую, до жопы* и *до пизды*, например: *А мне все по хую / до жопы / до пизды*.

Понятно, что набор концептуализаций у обсценных слов неодинаков. Например, символизировать одиночество может только ПЕНИС, хотя и ЖОПА, и ВАГИНА также являются непарными органами: можно сказать *один как хуй*, а сказать **один как жопы / пизды* странно.

¹²⁷ Знак * используется для маркировки семантически и грамматически неправильных речевых форм. *Прим. авт.*

При всем разнообразии концептуализаций объектов, стоящих за табуированными словами, явно могут быть выделены некоторые базовые осмысления. Например, если ВАГИНА и ЖОПА преимущественно фигурируют как контейнеры, то ПЕНИС в силу особенностей денотата (то есть реального объекта действительности) никогда в этой функции не выступает.

Послесловие

Завершая наши заметки, подчеркнем, что мы не сторонники матерщины. Бессмысленная фоновая ругань оскорбляет наше эстетическое чувство и отвергается нами как проявление ущербного мышления — полуязычия, свойственного (увы и ах!) многим носителям русского языка. Причины этого многообразны, они обсуждаются в публичном пространстве, и мы не касаемся их на страницах этой книги. Читатель резонно спросит: чего же вы это понаписали? А мы ответим: нам любопытно, как живет и выживает русский мат, проклятый, уничтоженный и почти убитый табу, обычаями, законами, строителями хрустального замка русской словесности и прочими оглоблями. Между тем он живет себе и поживает. Оглобли идут ему только на пользу. Диалектика тут простая: сам факт запрета и дает ему жизнь. Иначе мат превратится в обычную сниженную лексику типа *черт возьми*, и мы потеряем важный инструмент выражения смысла и эмоций.

Другими словами, мы за все и всяческие запреты. Не следует сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что некоторые наши сограждане не являются ни знатоками, ни любителями этих слов и не хотят их слышать. Мы должны уважать их представления о прекрасном. Более того, во многих ситуациях мы не можем к ним не присоединиться.

Важная часть нашего интереса к феномену мата — стремление к научному описанию русского языка, частью которого является обценная лексика. Некоторые соображения на эту тему мы представили в этой книге.

Настоящее владение русским языком предполагает владение всеми регистрами речи и уместное употребление слов конкретного стиля в ситуации общения. Носитель языка, не владеющий нужными словами, не поймет смысла пушкинской строфы с отточиями.

Молчи ж, кума: и ты, как я, грешна,
А всякого словами разобидишь;
В чужой ... соломинку ты видишь,
А у себя не видишь и бревна.

Александр Пушкин. «От всеюнощной вечор идя домой...»

Между тем, если прочитать стихотворение целиком, выяснится, что бревном вооружен сват Трофим, а соломинкой — крестник Ванюша (*Ванюша — что? Ведь он еще дитя*). После этого для знатока или любителя нехороших слов проблем с пониманием пропущенного фрагмента не возникнет.

Мы изложили все резоны. Надеемся, что читатель, чуждый этому предмету, хоть немного заинтересовался им, а читатель благосклонный сопереживал и получил хоть немного удовольствия.

МИФ Культура

Подписывайтесь на полезные книжные письма со скидками и подарками:
mif.to/kultura-letter

Все книги по культуре на одной странице: mif.to/culture

#mifbooks

#mifbooks

Над книгой работали

Руководитель редакционной группы *Надежда Молитвина*

Шеф-редактор *Дарья Калачева*

Ответственный редактор *Анна Журавлёва*

Литературный редактор *Юрий Колосов*

Арт-директор *Антон Героев*

Иллюстрация обложки *Катерина Киланяни*

Корректоры *Елена Сухова, Дарья Ращупкина*

ООО «МИФ»

mann-ivanov-ferber.ru

Электронная версия книги — ООО «Вебкнига», 2025